

В.Н. ТРОФИМОВ

**ВОЕННАЯ
И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

ББК 67.91-68.9
Г 76

В.Н.Трофимов. Военная и экологическая безопасность. Международное право и сила. Прометей, 1991, 135 с.

Автор исследует проблемы военной и экологической безопасности в их взаимосвязи и взаимозависимости. Акцент сделан на поиске путей использования механизмов по взаимобеспечению как военной, так и экологической безопасности. Автор дает оценку возможностей использования международного права с учетом ограничения принуждения в международных отношениях. В книге классифицируются различные стадии развития опасных ситуаций и даются рекомендации о возможных путях их контроля. Особое внимание уделяется проблеме использования силы в международных отношениях и высказывается мнение о целесообразности пересмотра некоторых стереотипов в этой области.

Г 1207000000-559 без объявления.
183121-91

ISBN 5-7042-0552-6

© Трофимов Владимир Николаевич. 1991
dialog-partner@list.ru

Предисловие

Настоящая работа может представлять определенный интерес при решении практических вопросов, связанных с формированием внешней политики по глобальным проблемам военной и экологической безопасности. По мнению автора, эти проблемы не просто близко связаны или переплетаются, они - в своей основе - являются единой проблемой. Поэтому для их оценки и решения возможно применение единых методов.

Обеспечение глобальной военной и экологической безопасности - это комплексная задача, предполагающая решение целого ряда сопутствующих вопросов. Количество таких вопросов столь велико, что едва ли реально рассмотреть все их совокупность в одной работе. Поэтому автор поставил перед собой другую цель - рассмотреть лишь ту их часть, которая в принципе определяет главные направления по обеспечению выживания человечества.

Цели монографии определили и ее структуру. В работе рассматриваются вопросы сущности международного права, конкретные пути его применения в связи с ограничением возможности принуждения, некоторые аспекты теории переговоров и достижения компромиссов. Рассматриваются также этапы развития ситуаций, которые могут угрожать существованию человечества: причины их возникновения и способы разрешения с помощью мирных средств, сдерживание и ограничение локальными масштабами. Отдельные разделы посвящены углубленному исследованию этих этапов, анализу некоторых практических ситуаций. Поднимаются также вопросы применения в этих целях силы в международных отношениях, как на коллективной основе, так и отдельными государствами, проблемы поддержания баланса сил и осуществления ядерного сдерживания.

Введение

Обеспечение мира и международной безопасности несомненно отнесется к одной из основных, глобальных проблем нашего времени, от решения которой зависит само выживание человечества. Нет нужды говорить, какие международные усилия предпринимаются для ее решения. К другой глобальной проблеме конца XX века, также прямо связанной с выживанием человечества, вполне оправданно отнести сохранение окружающей среды*1.

Обе эти проблемы в историческом плане являются достаточно новыми. Лишь итоги двух мировых войн и изобретение оружия массового уничтожения достаточно ясно показали, что мир подошел к порогу всеобщей военной катастрофы, способной уничтожить человечество как таковое. Создание Лиги наций, затем Организации Объединенных Наций, образование крупнейших военных блоков, начало всеобъемлющих переговоров, направленных на сокращение и ликвидацию наиболее опасного оружия, разработка концепций всеобщей безопасности - вот далеко не полный перечень основных направлений, по которым проделана весьма большая работа. По отдельным проблемам уже достигнуты значительные позитивные итоги. Заключен целый ряд многосторонних и двусторонних международных соглашений, прямо направленных на одерживание и запрещение производства и испытаний, а также на сокращение и ликвидацию отдельных видов вооружений. Можно также утверждать, что в результате конструктивной политики отдельных государств и коллективных международных усилий, за счет изменения общей международной ситуации удалось предотвратить возникновение некоторых военных конфликтов или, по крайней мере, не допустить их разрастания.

Среди последних крупнейших политических и дипломатических достижений в этом ряду стоят заключенный между СССР и США Договор о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности*2, Парижская хартия 1990г., решения Совета Безопасности ООН, касающиеся агрессии Ирака.

Несколько иное положение складывается в отношении охраны окружающей среды. В этой области еще реально ни разу не возникла угроза уничтожения всего человечества. Хотя относительно крупные катастрофы уже случались, однако ни значительные разливы нефти в море, ни радиоактивное заражение местности, ни загрязнение рек, ни разрушение озонового слоя еще пока не принимали глобальных масштабов. Поэтому с точки зрения оптимистов, предотвращение всемирной экологической катастрофы - это скорее перспективная проблема, которая сейчас находится еще в стадии разработки теории и пока не превратилась в реальность, угрожающую существованию человечества.

К сожалению, есть причины предполагать, что такой подход не имеет под собой достаточно надежных оснований. В ряде научных исследований указывается, что загрязнение окружающей среды, учитывая ее ограниченный объем и неограниченный рост человечества и масштабов его деятельности, может в скором времени не только существенно ухудшить условия существования человека, привести к исчезновению отдельных видов флоры и фауны, но и превратить в пустыни целые регионы*3. Все большее число специалистов говорит о том, что неразумное обращение с природой может в уже достаточно недалеком будущем повлечь катастрофические последствия. Это произойдет, например, в случае разрушения озонового слоя планеты и возрастания до опасного предела уровня ультрафиолетового излучения,

достигающего поверхности планеты. Изменение теплового баланса Земли сверх критических показателей способно вызвать полное стаяние полярных шапок льда и затопление огромных пространств суши. Быстрыми темпами идет сокращение площади лесов и плодородных земель, растет число катастроф с экологическими последствиями*4. Иными словами, существует веские основания подойти к проблеме охраны окружающей среды с разумных позиций и не дожидаться, когда человечество реально приблизится к опасному рубежу.

Конечно, помимо угрозы всеобщей военной катастрофы и опасного загрязнения окружающей среды можно предположить возникновение и иных по характеру глобальных проблем, причем таких, которые на определенном этапе станут непосредственно угрожать самому существованию человечества. Данная работа посвящена лишь проблемам военной*5 и экологической безопасности. Тем не менее, предлагаемые в ней общие подходы, по мнению автора, нередко могут быть применены при решении и других глобальных проблем, которые на определенном этапе будут связаны с обеспечением выживания человечества. Пока же с практической точки зрения своевременно, наверное, говорить лишь о военной и экологической угрозе.

Проблема сохранения окружающей среды имеет, как представляется, два аспекта. Первый из них - это необходимость наладить более эффективное наблюдение за состоянием окружающей среды (мониторинг), определить динамику неблагоприятных изменений, найти их причины и дать рекомендации, какую деятельность осуществлять не следует, а какую необходимо сократить или опровергнуть соответствующими природоохранительными мерами. В этой области сделано уже немало, и хотя контроль окружающей среды охватывает не все регионы и не всегда касаются всех возможных показателей, тем не менее можно, видимо, надеяться, что имеющиеся в этой области знания позволяют более или менее уверенно ориентироваться в вопросе, какую деятельность не следует осуществлять вообще, а какую хотя и можно, но в разумных рамках. Есть и другой, международно - политический аспект проблемы охраны окружающей среды. Мир разделен на суверенные государства, и в каждом из них помимо проблем экологии совершенно по-разному стоят другие общественные проблемы, некоторые из которых настолько остры, что заставляют подчас пренебрегать долговременными экологическими последствиями (чаще всего это экономические проблемы). Конечно, если человечество подойдет к порогу экологической катастрофы, то тогда волей-неволей придется предпринимать коллективные меры для ее предотвращения. Однако, к сожалению, нет никаких гарантий, что к моменту, когда такая опасность станет очевидной для всех, ситуация будет все еще оставаться обратной. Намного разумнее было бы попытаться не допустить, чтобы такая стадия вообще наступила. Иными словами, желательно разработать комплекс таких мер, которые, с одной стороны, были бы реально осуществимы с политической точки зрения, и с другой, достаточно эффективны, несмотря на специфическую позицию каждого отдельного государства. В этом смысле задача обеспечения экологической безопасности перекликается с теми мерами, которые предпринимались или могут быть предприняты для обеспечения военной безопасности всего человечества, в том числе, возможно, и коллективной*6 (но совсем не обязательно только коллективной).

Близость вопросов военной и экологической безопасности находит свое отражение в эволюции самого понятия безопасности, которое с начала 80-х годов стало во все большей мере отождествляться не только и не столько с национальной военной безопасностью, сколько с множественностью причин, угрожающих безопасности, и с взаимозависимостью государств*7.

Детальное изучение проблем экологической и военной безопасности позволяет, как представляется, провести параллель в политических и международно-правовых способах их решения. Все эти проблемы, несмотря на то, что они касаются разных областей человеческой деятельности, имеют много общего. Это общее заключается не только в том, что речь идет о глобальных проблемах, от решения которых зависит выживание человечества. Представляется оправданным говорить и о единых политических и правовых подходах и путях их изучения, с возможности создать единую международно-правовую концепцию их разрешения. Более того, общность характера этих проблем позволяет решать их на общей основе и с организационной точки зрения. Поскольку в настоящее время и в общественных, и в государственных структурах большинства стран вопросы разоружения и экологии решаются различными, нередко совершенно не связанными между собой органами и организациями, постольку, по мнению автора, концептуальная общность этих вопросов может позволить более успешно решать их на общей основе, в единых органах и организациях.

Более того, не всегда можно с уверенностью найти критерии, позволяющие определить, идет ли речь об охране окружающей среды или о предотвращении военной угрозы. Действительно, уже существуют соглашения, не допускающие использование окружающей среды в военных целях¹⁸. Это значит, что и действия, которые могут быть квалифицированы как военные, вполне могут быть отнесены и действия, не связанные с применением традиционных видов оружия, но которые ведут к нанесению ущерба окружающей среде другого государства в размерах, сопоставимых с ущербом от вооруженного нападения. Можно ли вообще провести четкую грань между военными действиями и нанесением ущерба окружающей среде? Этот вопрос носит далеко не схоластический характер. Если такая грань не существует (а это, видимо, именно так), то это означает, что военная и экологическая угрозы являются не просто близкими или соприкасающимися проблемами, но они — по своей сути — одна проблема, и различия между ними носят лишь внешний характер. Сказанное, конечно, не означает, что между ними вообще нет никаких различий. Такие различия безусловно имеются. Они достаточно существенны, прежде всего в некоторых вопросах методики применения тех или иных средств для предотвращения опасных, как военных, так и экологических ситуаций.

В этом плане представляет очевидный интерес взаимное одновременное изучение проблем военной безопасности и экологии с точки зрения единых методов и приемов их разрешения. Соответственно и цель данного исследования — не всеобъемлющий обзор правовых норм, регламентирующих охрану окружающей среды и сохранение мира (хотя эти вопросы также рассматриваются). Задача заключается в другом — попытаться построить единую, общую систему как проблем военной безопасности, так и проблем охраны окружающей среды (во многом на основе опыта политического и правового регулирования вопросов, касающихся Мирового океана) и наметить возможные — единые — пути их решения с помощью международно-правовых средств.

Подводя итоги 20-го века, приходится с сожалением констатировать, что человечество породило целый ряд новых серьезных проблем, которые переагнули государственные границы и могут быть решены лишь совместными усилиями. Например, современная медицина хотя и достигла небывалых успехов и казалось бы навсегда покончила с опасностью смертельных эпидемических болезней, тем не менее распространение с середины 80-х годов такого заболевания, как СПИД, показало, что еще рано говорить о ликвидации этой проблемы. Хотя СПИД и некоторые подобные заболевания пока не угрожают уничтожением всей цивилизации,

однако ущерб, который они могут нанести, предположительно столь велик, что потребовались самые срочные и активные усилия в международном масштабе.

Остается открытой и проблема голода, нищеты, несмотря на то, что накопленный экономический потенциал развитых государств вполне позволяет их решить. А ведь эти проблемы не только гуманитарные. Они выступают серьезным фактором дестабилизации политической обстановки, создают неблагоприятные предпосылки обострения социальных конфликтов с тяжелыми последствиями.

Нельзя не оказать и о такой экономической и политической проблеме, как постоянно растущая задолженность развивающихся стран развитым. Можно назвать и другие важные проблемы, которые могут быть решены только на основе коллективных межгосударственных усилий. Однако из всех этих проблем представляется необходимым выделить две - опасность уничтожения всего живого в результате военной или экологической катастрофы. Именно они, в отличие от других глобальных проблем, непосредственно угрожают глобальной катастрофой. Другие же глобальные проблемы (голода, нищеты, задолженности, демографическая, энергетическая, сырьевая и др.), несмотря на всю их серьезность, способны тем не менее создать лишь угрозу военной или экологической безопасности, но не прямую угрозу существованию жизни на Земле.

Сколько реальна угроза существованию цивилизации? Оценки высказываются самые разные. Можно найти точки зрения, что военная и экологическая катастрофы в обозримом будущем нам не угрожают⁹. Немало, однако, специалистов, которые предрекают скорое начало третьей мировой войны или, наоборот, уверены, что мир стоит на грани катастрофического изменения состояния окружающей среды¹⁰. Уяснение истины в таких вопросах - весьма важно, однако для целей данного исследования оправданно и достаточно исходить из того, что даже при самых оптимистических оценках нельзя полностью сбрасывать со счетов опасность именно катастрофы, как военной, так и экологической.

Действительно, технические возможности человека поднялись теперь на качественно новый уровень, придали результатам его труда во многих случаях глобальный характер. Возрос созидательный эффект трудовой деятельности, а вместе с ним и размеры ее возможных разрушительных последствий. Несомненно, что уже имеющееся в арсеналах оружие (причем не только ядерное), если оно будет применено в массовых масштабах, способно уничтожить жизнь на Земле.

Казалось бы, трудно найти пример, когда промышленная авария угрожала бы подобными же последствиями, как и военное столкновение. Однако, взрыв на предприятии компании "Оксидентал петролеум" в индийском городе Бхопал унес жизни или искалечил десятки тысяч людей, нефть из потерпевших аварии танкеров "Торри Каньон" и "Амоко Кадис" залила огромные морские пространства, воды Рейна были серьезно заражены в результате сброса в них отравляющих веществ, а черноморская авария envolьхнула весь мир. Подобные случаи, которые, к сожалению, не так уж и редки, все-таки по своим губительным последствиям не носят глобального характера. Опасность, причем отличающаяся от военной угрозы, заключается в другом. Если речь идет о боевых средствах, то они либо применяются, либо нет. Либо военные действия начались, либо нет. Проблема состоит лишь в том, чтобы их предотвратить или не допустить их перерастания в глобальный конфликт.

Что же касается угрозы среде обитания человека, то тут ситуация несколько иная. Ее источник далеко не всегда очевиден. Кроме крупных хозяйственных объектов (заводов, атомных электростанций, танкеров), способных в случае аварии нанести ущерб, состояние окружающей среды

может постепенно изменять разумная человеческая деятельность. Результаты неблагоприятного экологического воздействия могут накапливаться. И они действительно постепенно накапливаются. Поэтому далеко не всегда очевидно, последствия какой деятельности в принципе могут представлять в будущем угрозу, и в какой именно момент накопление вредного воздействия перешло ту невидимую грань, когда начнется цепная реакция необратимых последствий. Можем ли мы сейчас с достаточной уверенностью утверждать, что контролируем перегрев земной атмосферы? Можно ли с уверенностью утверждать, что нарушения озонового слоя в Антарктике - это лишь временное локальное явление, которое не приобретет глобального характера? Только настойчивые научные исследования в этих и подобных областях, должный учет авторитетного мнения ученых и существование ясной и эффективной концепции соответствующих международных действий по предотвращению нежелательных последствий может служить на данном этапе какой-то гарантией того, что мы сможем сохранить среду нашего обитания хотя бы в относительно приемлемом для потомков состоянии.

Как представляется, приведенные соображения достаточно ясно подводят к выводу, что уже сейчас вполне оправданно и своевременно, не дожидаясь, когда развитие неблагоприятной ситуации зайдет слишком далеко, активно искать пути и средства ее предотвращения. Думается, что такой подход позволит, с одной стороны, обойти сложный вопрос об оценке вероятности наступления тех или иных событий и, с другой, даст возможность выработать рекомендации, какую политическую линию было бы более оправданно вести в конкретных исторических условиях.

В качестве общего замечания ограничимся констатацией того, что в современных исторических условиях военная и экологическая катастрофы пока не представляются в качестве неизбежного исхода. Можно также исходить из того, что подобный неблагоприятный исход не предопределен исторически закономерностями и поэтому тактические средства внешней политики, например, правовые, могут оказаться достаточно эффективными, чтобы обеспечить развитие ситуации в нужном направлении. Тем не менее целесообразно, не ограничиваясь такой констатацией, попытаться определить более конкретно, о каких возможностях международного права и о каких пределах такой возможности следует говорить. Ясность в этом вопросе позволит более четко и реалистично взглянуть во всех рассматриваемых в дальнейшем конкретных ситуациях, каких результатов можно и оправданно ожидать, пытаясь использовать те или иные правовые средства.

1 Тимошенко А.С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. - М.: Наука, 1986, с. 3.

2 Вестник МИД СССР, № 10, 25 декабря 1987 г.

3 Тинбергген Я. Пересмотр международного правопорядка. М.: Прогресс, 1980, с. 202.

4 UNEP News/1987. May/June, No.15, p. 5-7.

5 В тексте используется термин "военная безопасность", хотя в литературе нередко можно встретить иной термин: "военно-политическая безопасность". По мнению автора, используемая им терминология в данном случае более точна, так как в настоящей работе основные ситуации и способы их предотвращения рассматриваются как самостоятельные проблемы.

6 Тимошенко А.С. Экологическая безопасность и международное право. СЕМП, 1988, М., Наука, 1989, с. 31, 33.

7 Boardman R. Ecological Security, the Oceans, and Common Security. Paper in Maribus XVII, Moscow, June 1989, p. 2.

8 Например, Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г.

9 Дуглас У.О. Трехсотлетняя война: Хроника экологического бедствия. М., Прогресс, 1975, с. 221.

10 См., например: The Limits of Growth: A Report for The Club of Rome's Project on The Predicament of Mankind. N.Y., 1972, p. 205. Economic Growth vs. The Environment. San Diego, 1972, p. 182.

1. Определенные права

Что же является предметом данного исследования в правовой области? Под международным правом в узком смысле можно понимать совокупность принципов и норм, как договорных, так и обычных, регулирующих международные отношения. Можно не углубляться в изучение вопроса, сколь общепризнанными должны быть такие принципы и нормы. По крайней мере, очевидно, что они могут возникать в двусторонних отношениях, т.е. признаваться только двумя субъектами международного права. Более того, видимо нельзя не принимать во внимание и односторонние обязательства государств, а тем более такие, которые, например касаются отказа от применения первого ядерного оружия¹. Подобные односторонние действия несомненно создают обязанности для субъекта права, касаются международных отношений, могут быть поддержаны другими государствами и т.д. Во всяком случае, международно-правовой аспект тут также присутствует.

В целях дальнейшего исследования представляется целесообразным более подробно сформулировать, что обычно понимается под международным правом в широком смысле. Так, субъекты международного права, участвуя в международных отношениях, выражает свою волю. Эта воля сталкивается с волей другого субъекта права. В результате их взаимной корректировки или просто совпадения может возникнуть согласованная общая воля². При этом речь может идти об очень широком круге вопросов - о визите государственного деятеля одной страны в другую, о международной торговой сделке, о размещении политического демарше, о реорганизации территории и т.д. Однако некоторые явления в международных отношениях носят достаточно длительный характер или повторяются³. В таком случае может возникнуть норма или принцип права (или, например, морали). Это происходит видимо, следующим образом. Субъекты международного права исходя из вывода, что в отношении такого повторяющегося, длительного или ожидаемого явления свою волю надо и в будущем извлекать с уже однажды согласованном порядке. Согласованная общая воля фиксируется в документе, становясь договорным принципом или нормой, либо согласование предполагается в случае, если стороны достаточно длительное время и неоднократно поступают определенным образом (обычный принцип или норма). Можно в этой связи привести некоторые примеры: именно так фиксируются в документах международные многосторонние и двусторонние договоренности о принципах мирного сосуществования, об основах экономического сотрудничества, о международной ответственности, о провозгладения государственных границ. Что же касается обычаев, то в качестве одного из примеров можно, видимо, упомянуть молчаливое признание права на создание 200-мильных экономических или рыболовных зон до выработки Конвенции ООН по морскому праву⁴.

Следует, конечно, учитывать, что отдельные обычные нормы, не регулирующие жизненно важных интересов государств, могут сложиться и не как прямой результат согласования их воли (например, если некоторые государства выражают намерение рассматривать в качестве международной нормы решения международных судебных органов или резолюции международных организаций). В любом, однако, случае, если на каком-то этапе выяснится, что признаваемое по крайней мере частью

ценов международного сообщества правило не соответствует существенным интересам определенного государства или государств, вряд ли было бы оправдано считать такое правило обычной нормой. Иначе говоря, в основе возникновения не только договорных, но и обычных норм лежат в конечном итоге концепция соглашения⁵, причем при этом оправдано говорить как о совпадении воли государств, так и об их взаимной модификации с целью достижения компромисса.

Нужно, конечно, отметить, что грань между совпадением и несовпадением позиций при формулировании нормы международного права достаточно условная и необходимая, в основном, с теоретической точки зрения. На практике же позиции могут совпадать только частично, либо только формально, когда каждая из сторон вкладывает свой смысл в достигнутую договоренность. Видимо в целях данного исследования не так уж и существенно, что между совпадающими и несовпадающими позициями существует на практике определенное число ситуаций, possuяда промежуточный характер. Это замечание существенно, чтобы повысить отношение автора к утверждениям, что существование различных общественно-политических систем означает одновременное существование в различных системах международного права, либо наличие классового характера международного права, что также, как представляется, абсолютизирует возможности толкования норм или стратегические цели каждой из сторон в соглашении. Конечно, возможности для несовпадения позиций существуют, но, наверное было бы тем не менее, обоснованно утверждать, что представители различных общественно-политических систем ведут переговоры каждый на своем языке, не понимая другую сторону и не желая ее понять, а лишь стремясь добиться своих классовых целей. Видимо, в современном мире существует, все-таки, достаточно количество ценностей, общих для любых общественно-политических систем. Иначе пришлось бы признать, что мы живем не в сообществе государств, а лишь в системе, не связанной общими правилами и институтами.

В рамках данного исследования автор не берет на себя смелость более глубоко исследовать проблему возникновения международного права, чтобы встать на позиции естественного права, нормативизма, позитивизма или идеи права, хотя при решении практических проблем цивилизации человечества не могут не найти связи с категориями нравственной природы отдельной личности. Да и в целом, видимо, оправданно было бы предполагать, что соглашение, будучи источником права, может быть заключено только в тех областях, которые естественны для человеческой природы, соответствуют законам развития общества⁶.

Таким образом, международное право можно, очевидно, определить и как совокупность выписанных принципов и норм. Международные права и обязанности субъектов права могут либо существовать достаточно короткий срок и бесследно исчезнуть, либо носить длительный характер, определяя международные отношения в течение продолжительного периода. Эти последние остаются своеобразным фундаментом международных отношений, представляя из себя фиксированную договоренность или понимание, как в каждом новом случае по аналогии с прошлой практикой или в соответствии с соглашением следует решать вновь возникающие вопросы. Если также вопросы сходны с теми, которые встречались раньше, то и решения могут приниматься и чаще всего принимаются по аналогии. Субъекты международного права освобождают себя таким образом от необходимости вновь и вновь возвращаться к рассмотрению некоторых проблем, довольствуясь уже найденными ранее решениями. Выписанная схема действует вполне успешно при условии, если ранее достигнутые решения вовремя найдены или когда эти

решены, если их несколько, не носят между собой возмездного характера, и к тому же если все участники правоотношений охвачены их прикрывающей. Ценность международного права в таком случае заключается в его нормативности, формальной определенности и принудительности?

Поскольку международное право существует в организационном смысле как бы самостоятельно, т.е. в форме определенных общих документов, либо одинаково понимаемых правил, вполне понятно искушение толковать его как что-то самостоятельное и как бы независимое от субъектов этого права. Вероятно, такой подход позволяет решать на практике значительное число проблем, но необходимо отметить, что в основе международного права лежит воля отдельных государств лишь частично, а именно — лишь в той части, в которой она полностью или почти полностью совпадает. Нельзя, однако, забывать, что субъекты международного права имеют нередко различные международные интересы, в ряде случаев принципиально не совпадающие. Иными словами, если говорить о существовании различных общественно-политических систем, и считать правовые воззрения продолжением экономического базиса и частью надстройки, то, вероятно, придется признать существование множественности международно-правовых доктрин. Это казалось бы очевидное утверждение довольно близко лежит, однако, к утверждению о множественности международно-правовых систем принципов и норм, опирающемуся на понимание принципиального характера различий между общественно-политическими системами. Несомненно, что международное право как совокупность ясно сформулированных принципов и норм существует в единственном числе. Вместе с тем, точно также несомненно, что эта совокупность не может существовать абсолютно независимо и, применительно к каждому государству, является лишь частью общего понимания сущности, возможности и целей международного права, причем частью, которая объективно совпадает с такой же частью понимания международного права другими государствами. Такое понимание международного права можно считать его национальной официальной доктриной. Однако в силу того, что каждое государство считает, что именно его понимание сущности международного права соответствует объективно существующей реальности, то в этом смысле понятие желание говорить о существовании не одного международного права, а нескольких. Это положение является далеко не схоластическим, т.к. каждое государство строит свою внешнеполитическую линию, исходя именно из такого национального понимания права, а результаты этой линии затрагивают интересы многих других государств. Иными словами, признание классового характера права предполагает и его множественность. Если международное право это лишь совокупность зафиксированных принципов и норм, то тогда оно бесклассовое и общее, и если его понимать как продолжение классового характера государства, то тогда вряд ли возможно было бы обйтись без понятия его множественности.

Для советской доктрины были в какой-то мере показателны взгляды на роль общего международного права и его соотношение с политической государств известного хреста Г. В. Тулкина. Он считает, в частности, принципиальным, устанавливает ли для государств та или иная норма обязанности или права. В зависимости от этого речь идет либо об ограничении деятельности государства, либо об их возможностях предпринимать какие-то внешнеполитические шаги. При этом интересно, что Г. В. Тулкин сам отмечает, что разница между правами и обязанностями не может быть существенной, т.к. "вопрос право есть ограниченное право" *10. Исходя из деления норм права на определенную обязанность и права государства, Г. В. Тулкин указывает далее, что

воздействие международного права на политику определяется в первую очередь тем, в какой мере оно отвечает "сокращенным желаниям народов обеспечить мир"¹¹, соотношением сил войны и мира¹², и считает, что под этими силами нужно понимать содстианы (силы мира), капстраны (силы войны) и развивающиеся страны, занимающие в целом прогрессивные позиции¹³. Г. Н. Туинки отмечает факт ограничения возможности принуждения в международном праве, но не рассматривает его подробно в данном контексте, осуждая лишь концепции "принципного" права¹⁴ и утверждая, "что реальное воздействие правовой нормы на поведение субъектов права определяется не только возможностью соглашения"¹⁵. Он отмечает также, что сам процесс создания норм международного права используется государствами для достижения некоторых целей их внешней политики¹⁶, но не считает необходимым рассматривать эту проблему более подробно, фактически не касаясь существа процесса согласования воли государств в форме компромисса и не подчеркивая возможность их совпадения, полностью оговариваясь, однако, об их классовой, а значит несовпадающей природе¹⁷. Именно этот аспект в отношении советской науки международного права отмечает Д. Корбет, и за это его Г. Е. Туинки подвергает определенной критике¹⁸.

Так существует ли множественность международного права или нет? Да, существует, но только субъективно, с точки зрения каждого (или некоторых, но не всех) отдельного государства. Объективно же международное право существует, вероятно, все-таки в единственном числе.

2. Соблюдение права

Вопрос о соблюдении принципов и норм международного права непрост. Конечно, внять на себя обязательства необходимо выполнять, и это один из основополагающих принципов права. Вместе с тем представляется недостаточным говорить лишь о необходимости "уважения международной законности" и "строгого соблюдения международных принципов и норм"¹⁹. К императивным нормам международного права относятся принцип соблюдения международных договоров, нашедший в частности свое отражение и в Конвенции о праве международных договоров. Справедливо ли в такой ситуации вообще рассматривать возможность несоблюдения международных договоров? Не допускается ли тем самым подведение обоснования под в принципе неправомерные действия? Не является ли это допущением приваания возможности господства силы над правом в международных отношениях?²⁰

В этой связи можно высказать следующие соображения. Что касается императивных норм права (*ius cogens*), то необходимость их соблюдения обычно не вызывает сомнений²¹. В отношении других принципов и норм права действует принцип, что субъект права связан лишь теми обязательствами, которые он сам добровольно на себя принял (об этом достаточно ясно говорит, например, статья 14 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) Кроме того, далеко не всякий отказ даже от уже принятых на себя обязательств является неправомерным. В частности, некоторые международные соглашения содержат соответствующие положения, предусматривающие процедуру отказа как от обязательств, налагаемых отдельными положениями соответствующего договора, так и процедуру выхода из самого договора²².

А как быть, когда на международной арене появляется новое

Государство обязано или оно обладает правом, которое соединилось бы с его участием? Например, Советский Союз и Исоклда отказались в свое время от уже существовавшего принципа предоставлять быструю административную и эффективную компенсацию за национализированное имущество. Советский Союз после революции отказался также в отношении обязательности царской России²⁵.

Результаты современных международных отношений являются как неправомерные следствия от уже вступив на себя обязательств, так и действия, идущие вразрез с требованиями императивных норм права. В частности, однако, правомочности или неправомочности тех или иных шагов нужно не само по себе, а как правило, для решения вопроса о вине и ответственности²⁶. Конечно, институт ответственности является серьезным инструментом стабилизации и упорядочения международных отношений. Цель данного исследования, однако, не в выяснении вопроса, сколь правомочны те или иные действия субъекта международного права, а в уточнении мотивов и механизмов такой деятельности с целью использования средств права (в том числе и института ответственности в той мере, в какой он может быть применим) для предотвращения опасной для существования человечества ситуаций. И конечно же, рассмотрение вопроса о несоблюдении требований международного права нельзя рассматривать как попытку оправдать такие действия.

Если же говорить о мотивах подобных шагов, подобно неправомочным, то можно ответить следующее. Видимо, можно утверждать, что в любом государстве при принятии тех или иных решений, затрагивающих международные отношения, учитывается необходимость в принципе соблюдать международное право, т.е. вполне очевидно, что если каждый участник правоотношения будет соблюдать лишь какие-то отдельные, выходящие только ему принципы и нормы, то по существу может быть поставлено под вопрос существование всей системы предшествующих договоренностей. Опасность вызвать хаос в аналогии служит серьезным сдерживающим фактором, не позволяющим слишком далеко обращаться с международным правом, даже несмотря на искушение получить в определенный исторический момент какие-то конкретные преимущества. Тем не менее жизнь полна исключений из принципа *pacta sunt servanda*. Можно говорить, что в таких случаях нередко действует механизм возмещения, с одной стороны, общеисторических интересов и, с другой — конкретных национальных интересов²⁶, а также размеров возможной ответственности.

3. Применимость права и его развитие

Поскольку человечество в своем развитии постоянно сталкивается со все новыми проблемами, возникает вопрос о применимости к ним уже существующей системы права. Конечно, абсолютных исторических аналогий, видимо, не бывает. В любом случае новые события в чем-то отличаются от старых. Однако у таких новых событий их принципиальное существование может не отличаться от уже известных место прецедентов. В таком случае нередко оправданно применять уже существующие принципы и нормы. К этой же категории относятся и те случаи, когда международно-правовые положения выработаны заранее для применения к той или иной ситуации, возникновение которой только предполагается в будущем. Если существующее международное право не регулирует вновь возникшей ситуации, тогда обычно ставится вопрос о корректировке или развитии права.

Если обобщить вышесказанное, то можно выделить следующие элементы (или этапы) возникновения и развития международного права: 1. Возникновение воли субъекта права; 2. Согласование воли субъектов права; 3. Формирование содержания принципов и норм; 4. Признание государствами вновь сформулированных принципов и норм; 5. Применение принципов и норм к существующим или новым ситуациям; 6. Отказ от старых принципов и норм; 7. Развитие старых принципов и норм или выработка новых принципов и норм.

Если еще раз вернуться к одному из определенных международного права (совокупность принципов и норм, как договорных, так и обычных, регулирующих международные отношения*27), то нельзя не заметить его утилит, доводя до ограниченный характер. Если исходить из необходимости анализа общественных отношений в динамике, в их развитии, то роль международного права будет вадна полностью лишь тогда, когда его будут рассматривать не как существующий фиксированный набор или совокупность положений, а как процесс, как диалектическое единство предпосылок и условий возникновения права, его существования, развития и одновременного исчезновения его принципов и норм*28.

3. Ограничение возможности принуждения

Столь детальный разбор подобного обшего и, вообще говоря, достаточно очевидного для юристов вопроса о развитии международного права представляется все-таки необходимым. Иногда все еще приходится сталкиваться с точкой зрения, исходящей из неоправданно заниженной оценки возможностей использования правовых рычагов, и предполагающей, что роль юриста-международника сводится лишь к хорошей ориентации в существующих соглашениях, к умелому применению и толкованию содержащихся в них норм, и правильному документальному оформлению (причем, видимо, не только в письменной, но возможно и в устной форме) согласованных между государствами позиций. Все это, конечно, так, и умелое использование представляющихся возможностей в этих областях приносит определенным результатам. Все же, как представляется, важнейшее средство правового воздействия на международные отношения заключается не в этом. Крайне существенным является этап формулирования правовых норм в той части, в которой речь идет не просто о соответствии формальной стороны сформулированной нормы тому явлению, которое она призвана регулировать. Нередко воля государств на начальном этапе переговоров как раз не совпадает и процесс их согласования нередко предоставляет достаточно широкие возможности серьезно влиять на позицию другого государства, на будущие направления развития межгосударственных отношений, на объем прав в вопросах, способных возникнуть в далекой перспективе*29, тем более, что в современных условиях международные переговоры идут крайне интенсивно (например, только в рамках ООН за год проходит около трех с половиной различных встреч и совещаний и еще столько же на различных региональных встречах*30).

Однако, как же на практике с помощью правовых средств можно существенно повлиять на будущую позицию другого суверенного государства по какой-то проблеме? Логично, казалось бы, ожидать, что специалисты каждой страны будут всегда самостоятельно определять и формулировать ее внешнеполитическую линию, исходя из собственных государственных интересов, и если какая-либо международно-правовая норма не будет соответствовать этим интересам или будет этой стране

навязываться, то она просто откажется ее признавать или, если такая норма уже существует, соблюдать ее.

Тут, как представляется, можно попытаться сформулировать важный элемент подхода к определению возможностей международного права. Действительно, вряд ли реально стоит рассчитывать, что можно заставить другое государство согласиться на установление правовой нормы, которая прямо и очевидно не соответствует его интересам. Это стало особенно заметно в связи с делением мира на разные общественно-политические системы и даже заставило говорить о вызванном им сужении базы для развития общего международного права³¹. В своем подавляющем большинстве именно потому, что такой прямой навязывание невозможно, уже изначально, надо полагать, обречены на провал попытки разработать свой проект международной договоренности, который основывается только на собственном понимании какой-то ситуации и на собственных в ней интересах. Задвинуть этот проект в качестве внешнеполитической инициативы, а потом ожидать от другого государства к участию в такой договоренности. Если обратиться, к примеру, к практике ООН, то можно найти просто неисчислимое количество таких инициатив, которые так и не были никогда реализованы. Следует отметить, что Советский Союз занимает далеко не последнее место по количеству таких выдвинутых им и не поддержанных международным сообществом инициатив. Наверное, успех здесь возможен лишь только в тех немногочисленных случаях и только в той степени, в которой интересы другого государства объективно совпадают с интересами данной страны по какой-то конкретной проблеме, которая настолько важна, что перевешивает все остальные отрицательные соображения (скажем, соображения осторожности или нежелания помогать другой стороне поднимать свой престиж как инициатора важного международного шага). Данный вопрос представляется вполне очевидным. Тем не менее, достаточно часто можно столкнуться с подходом, когда юристы, вполне правильно считая, что реализация системы международной безопасности зависит от политической воли государств, склонны, несмотря на это, видеть конкретные пути создания такой системы лишь в разработке новых международных договоренностей в ряде определенных областей³².

Эта проблема достаточно важна для правильного понимания возможностей международного права. Допустим, в международных отношениях существует какое-то явление, которое представляется нежелательным. Можно предположить, что в результате тех или иных политических маневров удалось добиться одобрения на международном уровне принципа, запрещающего это явление. Каковы будут результаты подобной акции? Будет ли такой принцип реально действовать, будут ли государства соблюдать на практике установленный запрет хотя бы в том случае, когда они официально согласились с провозглашенным принципом и считают, что договоры должны выполняться (а договоры должны выполняться)? Наверное, во многих случаях можно услышать мнение, что именно таким путем и следует поступать, чтобы искоренить те или иные негативные явления, либо добиться установления какого-то положения и его признания. Как представляется, подобный подход является одним из широко распространенных и традиционных заблуждений. Конечно, если регулируемый вопрос является мелким и не принципиальным, то возможно, что таким путем удастся добиться определенных результатов. Если позиция государств по регулируемому вопросу действительно реально совпадает, и проблема заключается только в недостатке взаимопонимания, то и в этом случае скорее всего будет обеспечен позитивный итог. Однако если "искореняемое" явление достаточно

значительно, существует в силу объективно действующих закономерностей (в соответствии проявляются через субъективные желания определенных государств), то попытки запретить его или разрешить с помощью средств международного права намеренно обречены на провал. Хорошим пример, это попытки запретить применение силы в международных отношениях. Можно предполагать, что, все-таки, не все страны были согласны с таким запретом, однако в силу политического давления, вызванного во многом фактом очередной мировой войны, не смогли публично и официально выступить против. В результате в Уставе ООН нашли отражение соответствующие положения, обязывающие воздерживаться от применения силы или угрозы ее применения (пусть даже не во всех случаях). Соответственно, по крайней мере все государства-члены этой организации связаны таким обязательством. Совершенно уверенно можно утверждать, что ни одно государство не выступит публично за разрешение применения силы и, более того, будет стремиться осудить это явление. Есть ли, однако, необходимость приводить длинный список стран, которые в послевоенный период прибегали к применению силы, а тем более к угрозе ее применения, всякий раз, естественно, находя этому соответствующее оправдание: самооборона, пресечение терроризма, защита завоеваний социализма, защита жизненно важных интересов и т.д. #37?

Можно предположить следующие объяснение этого факта. Сила является одним из основополагающих элементов поддержания международного порядка и существует в таком качестве вполне объективно. Применение силы или угроза ее применения продолжает оставаться объективным элементом во многих случаях межгосударственных отношений вне зависимости от того, запрещены они или нет. В условиях же, когда идея коллективной безопасности оказалась малоэффективной на практике, эта роль силы оказывается особенно заметной. Конечно, вполне понятно и объяснимо желание международного сообщества покончить с войной. Однако когда пути достижения такой цели (если считать, что в современных условиях это в принципе возможно) входят в противоречие с объективными законами функционирования системы государств, то надежды с помощью подобных запретов добиться каких-то осязаемых результатов можно рассматривать в лучшем случае лишь как иллюзию.

Возвращаясь к проблеме эффективности внешнеполитических инициатив, можно отметить следующее. Тут возможен случай, когда интересом государства совпадают или наоборот, когда они не совпадают. Ситуация, когда интерес государства объективно совпадают, будет подробнее исследована далее. Во всех же остальных случаях, когда такого совпадения нет (а к ним довольно часто относятся именно проблемы войны и мира), итог вытекающих односторонних внешнеполитических инициатив обычно не очень успешен. Во-первых, публично выдвигая свой проект международного соглашения, государство, волю или неволю, но претендует таким образом приобрести политические дивиденды как сторонники и инициатор решения каких-то важных международных проблем. Другие государства, особенно те из них, которые относятся к иной общественно-политической системе, далеко не всегда заинтересованы поддерживать престиж своего идейно-политического противника. В результате иногда даже вполне оправданная инициатива не находит соответствующей международной поддержки. К сожалению, далеко не всегда бывает принято и предложения, выдвигаемые не на официальном, а даже на рабочем уровне. Хотя тут, как правило, не преследуется пропагандистский эффект, тем не менее трудность подчас заключается просто в недостатке (а порой и обоснованном) взаимного доверия. Действительно, когда другая сторона на переговорах готовит свой

вариант соглашения, она его естественно, глубоко прорабатывает, просчитывает какие-то далеко идущие варианты, и даже при внимательном и достаточно продолжительном изучении документа можно уловить какие-то акценты, "домашние заготовки", которые могут обнаружиться только со временем. Видно, во многом поэтому проекты совместных, особенно многосторонних соглашений нередко готовит кто-то относительно незаинтересованная или нейтральная сторона - секретариат ООН или другой международной организации, какой-то представитель одной из сторон, который считается придерживающимся относительно объективных взглядов. Одновременно все большее распространение приобретает практика согласования тех или иных договоренностей в рамках различных неофициальных и рабочих групп³⁴.

Другой путь - создавать международную договоренность совместно, когда каждая из сторон непосредственно участвует в разработке соглашения и предполагает, что знает о всех возможных "подводных камнях". Таким образом, был, например, в конце семидесятых годов подготовлен первый совместный советско-норвежский проект о создании "серой зоны" по вопросам рыболовства в районе Баренцева моря, явившегося предметом переговоров о разграничении зон морской экстерритории. В этом довольно щепотливом вопросе преодолеть взаимное недоверие помогло именно то, что руководители двух делегаций в короткий срок смогли выработать проект соглашения, что называется, "с нуля".

Поскольку на практике многие международные соглашения достаточно сложны по содержанию, представляется далеко не всегда возможным начинать их разработку на коллективной основе. В таком случае первый проект разрабатывает, например, секретариат международной организации, под эгидой которой идут переговоры, или специально назначенное лицо (такова практика Комиссии международного права), а уже готовый документ обсуждается совместно всеми его потенциальными участниками и в него вносятся необходимые изменения.

Подобная специфика выработки международных соглашений, приемлемых для всех заинтересованных сторон, в конечном итоге приводит, видимо, из ограничения возможности принуждения к международным отношениям³⁵ основными и типичными субъектами международного права являются государства. Суверенитет государства - это вся полнота его законодательной, исполнительной и судебной власти в пределах собственной территории. Кроме того, суверенное государство вполне определяет в свои акции, касающиеся международных отношений, быть самостоятельным в своих внешних делах. Тут, естественно, необходимо понимать разумные рамки подобной свободы, ограниченные мнением международного сообщества. Конечно, государство может проводить такую линию в своих внутренних делах, которую оно считает наиболее необходимой. Однако помимо договорных обязательств каждой стороны существуют принципы международной морали. Существуют также и общепризнанные принципы международного права, которые носят императивный характер. По определению предполагается, что они должны безусловно соблюдаться всеми государствами. К ним, например, относятся принцип уважения прав человека и основных свобод. Если какое-либо государство строит свою внутреннюю политику, нарушая этот принцип, то международное общество сочтет такие действия неправомерными и может даже предпринять определенные (но все-таки ограниченные) меры принуждения, чтобы обеспечить соблюдение такого принципа³⁶. Вышеказанное в еще большей мере относится к внешней политике государств, поскольку международные отношения во многих аспектах уже достаточно подробно регламентированы международным правом.

Тут существенно подчеркнуть разницу в степени свободы субъектов международного права и субъектов внутригосударственного права. Во внутригосударственных отношениях юридические и физические лица, имея определенную свободу выбора, обязаны выполнять государственную волю, если она ясно выражена, и принуждение выполнения обеспечивается всей мощью государственного аппарата. В международных отношениях государства, являющиеся основными субъектами международного права, также обязаны соблюдать общепризнанные принципы международного права, а также договорные принципы и нормы, которые они признали для себя обязательными, и, кроме того, и обычные принципы и нормы. В международных отношениях отсутствует, однако, в отличие от внутригосударственных отношений, законодательные органы, способные принимать нормы права, обязательные для субъектов*37.

Конечно, несоблюдения международного права также может вызвать принуждение. Оно носит однако не надгосударственный характер, а осуществляется индивидуально или коллективно государствами, международными организациями, являющимися органами сотрудничества государств на действующем на основе соглашения между ними, а также нациями, берущими за независимость*38. Соответственно, такое принуждение ограничено в силу того, что осуществлять его, в отличие от внутригосударственных отношений, должны в сущности равные между собой субъекты*39. Что касается методов принуждения, то некоторые юристы выделяют также из них, как дипломатические (включая угрозу применения силы), идеологические, военные и экономические*40. Важно, конечно, что принуждение все-таки существует, пусть и в ограниченной форме. Без принуждения международное право было бы, наверное, лишь "положительной международной моралью"*41.

На высочайшем политическом уровне в Советском Союзе высказывались мнения, что в условиях ядерного века действенность международного права должна опираться не на принуждение к исполнению, а на нормы, отражающие баланс интересов государств*42. Тут можно отметить следующее. Если нормы отражают баланс интересов государств, т.е. зная словами выражения не на крайней мере на основе справедливого компромисса, то речь по существу идет об уже совпадающих интересах, и поэтому можно в сущности не беспокоиться о соблюдении международного права в этом случае, т.к. стороны договоренности уже сами заинтересованы в ее соблюдении (по крайней мере до тех пор, пока обстоятельства не изменятся коренным образом - *habes sic stantibus*). Если же государство не желает соблюдать общепризнанную норму права, то принуждение, видимо, неизбежно, хотя чаще всего и в ограниченной мере. Бесполезно в таком случае говорить о поиске каких-то новых норм, которые отразили бы новый баланс интересов. В вышеприведенном тезисе понятен лишь акцент на нежелание применения силы в спорных ситуациях, но использованные при этом формулировки носят достаточно неясный, а может быть даже и путаный характер.

В основе ограничения возможности принуждения лежит существование человечества в качестве сообщества суверенных государств, а не в качестве, например, одного государства. Государства равны между собой как суверенные образования, и не существует какого-либо центрального органа, наделенного полномочиями определять обязательные для них правила поведения. Вопрос о соблюдении международного права и о принуждении прямо связан с вопросом о характере сообщества государств. Поскольку порядок в таком сообществе во многом опирается на существование системы баланса сил, возникает вопрос о соотношении права и силы. Может быть, вообще право не существует как таковое, а соответствующие правила, которыми руководствуются страны в международных обменах, это только форма

Воля сильных государств, названная более слабым? Подобное утверждение могло бы быть справедливым лишь в том случае, если бы в международном сообществе шло такое государство, которое в абсолютной форме доминировало бы в военной и других областях, либо существовало несколько таких сильных стран, во всем выступающих с единых позиций. Поскольку это не так, и современное общество характеризуется по крайней мере несколькими полюсами силы, то соответственно и право, хотя оно в значительной мере и определяется ими, тем не менее представляет из себя совокупный итог их взаимодействия. Полюса силы не формулируют право непосредственно - оно складывается как самостоятельный продукт их взаимодействия. В качестве одного из примеров, подтверждающих, что международное право не находится в прямой зависимости от силы, можно было бы привести решение Гаагской конференции 1907 года запретить насильственное взыскание долгов. Как известно, несмотря на это государства в целом не отказались от уплаты долгов.

Нужно также добавить, что поскольку государства существуют не только в качестве систем, но и в качестве сообществ, то есть поскольку они связаны некоторыми основополагающими целями и ценностями, постольку существует и международное право как одна из форм взаимодействия для достижения этих целей и сохранения определенных ценностей.

Вопрос о соотношении права и силы породил широкий спектр различных, а подчас просто полярных концепций в этой области, предполагающих как прямую зависимость права от силы, так и абсолютную его независимость. Среди них можно упомянуть те, которые исходят из необходимости учета силы (баланса сил) в международных отношениях, например, концепцию "политического реализма"⁴³. Ее сторонники достаточно критически относятся к вопросу о самостоятельности роли международного права, а нередко и вовсе ее отрицают⁴⁴. Можно также привести в качестве примера концепцию ориентированного на политику международного права (Policy Oriented International Law), согласно которой право перестает быть системой обязательных норм, ставшая лишь элементом политики⁴⁵.

Необходимо подчеркнуть в еще одну весьма существенную разницу в свободе субъектов международного и внутригосударственного права. Если последние, как правило, не имеют возможности выбрать действие каких норм они хотели бы распространить на себя, а каких нет, то государства такую возможность, наоборот, во многих случаях имеют. Обязательства и выполнении являются обязательными принципами международного права. Необходимо выполнять также обычные принципы и нормы права, хотя ответственность за их несоблюдение нередко бывает только моральной. Впрочем, в международной практике нередки случаи, когда международный судебный орган, например, Международный суд ООН, при разборе того или иного дела принимал во внимание обычные нормы и, вынося свое решение, носящее обязательный характер, во многом обосновывал его необходимостью соблюдения именно таких норм. Нет нужды говорить, что государство должно выполнять также те обязательства, которые оно само на себя добровольно взяло. Как правило, каждое государство участвует во многих двусторонних и многосторонних соглашениях и, конечно же, должно их соблюдать. Особенность, однако, отличающая государства от субъектов внутригосударственного права, заключается в том, что государство участвует в разработке норм международного права и если оно того пожелает, то может, вообще говоря, вполне правомерно отказаться от соблюдения вытекающих из этих норм обязательств, которые оно само на себя взяло (конечно, есть исключения и из этого правила). Субъекты

внутригосударственного права чаще всего не волевы в выборе, какие нормы соблюдать, а какие нет, и тем более они не могут непосредственно участвовать в процессе нормотворчества.

Подводя таким образом итог, можно констатировать следующее. Государство обязано выполнять общепризнанные принципы международного права. Оно также обязано выполнять конвенционные нормы, с которыми оно также согласилось, и обычные нормы, против выполнения которых оно ясно и своевременно не высказалось. Тем не менее, субъект международного права вполне может отказаться от выполнения конвенционных и обычных норм, и в подавляющем большинстве случаев такие действия необходимо признать правомерными⁴⁶. Наконец, нужно, видимо, признать, что бесполезно пытаться предлагать суверенному государству взять на себя по договору такие обязательства, выполнение которых оно считает нецелесообразным (что, конечно, не означает отказа от признания необходимости считаться с определенными социальными ценностями⁴⁷).

Высказанное позволяет теперь подойти к более точной и полной характеристике возможности влияния на развитие международных отношений с помощью правовых средств. Эти возможности проявляются принципиально по-разному в двух следующих возможных ситуациях. В первом случае позиция государства по какому-то международному вопросу совпадает. В такой ситуации задача специалистов - определить и сформулировать интересы государства, найти область совпадающих с ними интересов другого государства и в приемлемой форме согласовать между собой эти интересы (например, провести переговоры, найти необходимую правовую формулировку этого соглашения, опирающуюся на прецеденты, отвечающую общим требованиям международного права, точно фиксирующую интересы сторон)⁴⁸. Строго говоря, работа юриста начинается в этом процессе с выработки правовых формулировок.

Второй случай - когда позиции сторон по какой-то проблеме не совпадают. В таком случае возникает задача поиска и достижения разумного взаимоприемлемого компромисса. Один из немногих путей решения этой задачи - поиск возможностей уступки каждой из сторон в условиях, когда позиции каждой из них уже ясно определились. Возможностей найти взаимоприемлемое решение в такой ситуации, однако, довольно мало. При сформировавшихся позициях сторон, особенно если они были уже заявлены на достаточно высоком политическом уровне, возможности для дипломатического маневрирования и уступок бывают самыми минимальными. Это, в сущности, и понятно, т.к. ясное видение всеми сторонами всех плюсов и минусов каждого из вариантов выхода из возникшей проблемы, а к тому же еще и определенная угроза потери политического престижа в результате уступок и отступления от своих прежних позиций делает позиции сторон негибкими и в лучшем случае обещают какие-то развязки скорее на политическом уровне. Иными словами, в подобной ситуации возможности использования средств международного права не особенно велики. Какие-то более или менее существенные результаты могут быть скорее достигнуты с использованием политических средств и с привлечением специалистов именно в этой области, но совсем не обязательно юристов.

Если в данном случае компромисс бывает все-таки найден, то это скорее всего означает, что позиции сторон по существу совпали, хотя по форме, видимо, столь различались, что казались и в целом противоположными и, может быть, даже взаимоисключающими. В данном случае юридические средства были использованы лишь в части, предполагающей юридическое оформление, но не воздействие на позицию другой стороны.

Имеет место, конечно, и случай, когда позиции сторон раздвигаются по существу и объективно не совпадают, а компромиссное решение тем не менее удается найти. В таком случае, однако, юридические средства не играют главной роли, а развязки бывают найдены, как уже указывалось, обычно на политическом уровне, причем подчас за счет уступок только одной стороны (пусть даже и не явным).

Наиболее частая категория случаев, это когда компромисс означает взаимные уступки в разных областях (отличающихся по предмету или по времени), например, когда одна из сторон уступает или приобретает какие-то преимущества конкретного плана, соответственно приобретая или уступая в вопросе долгосрочного характера, который может привести к реальным выгодам лишь по прошествии определенного периода времени. Тут имеет место ситуация, когда выгоды сторон в той части проблемы, которая касается долгосрочной перспективы, еще не до конца ясны, а позиции еще не до конца официально затверждены, т.е. когда еще есть возможность пойти на уступки без существенного ущерба для своего престижа. В качестве примера можно привести переговоры в рамках Комитета по использованию космического пространства в мирных целях, когда там решался вопрос, какие проблемы должны рассматриваться как приоритетные. В частности, космические державы были заинтересованы в первую очередь рассматривать принципы, регулирующие деятельность в космосе или вопросы оказания помощи космонавтам, в то время, как остальные страны были более склонны отдавать предпочтение проблеме компенсации ущерба, вызванного такой деятельностью. Компромисс удалось найти именно потому, что области интересов не совпадали⁴⁹. Конечно, таких примеров из практики международных переговоров можно привести достаточно много, в частности, и в отношении Третьей конференции ООН по морскому праву⁵⁰.

Было бы, видимо, и в целом правильнее понимать работу по поиску компромисса в более широком плане⁵¹. Речь идет именно о той ситуации, когда позиции сторон по какой-то проблеме еще не окончательно определились, и даже в еще большей мере о ситуации, когда преимущества и недостатки тех или иных решений сторон могут предвидеть лишь отдельные наиболее квалифицированные специалисты. Вправе ли мы вообще относить решение таких ситуаций только к компетенции юристов-международников, а не, например, специалистов-историков, дипломатов или, скажем, экономистов? Конечно, нет, однако тут необходимо принять во внимание следующие обстоятельства.

Очевидно, что предвидение перспектив развития международных отношений дает несомненные преимущества той стороне, которая смогла сделать наиболее верную, точную и всестороннюю оценку. Однако после этапа оценки наступает, очевидно, этап реализации, то есть определения общей перспективной линии, а затем и принятия конкретных шагов, опирающихся на оценку и призванных опередить события, повлиять на их развитие. Соответственно, центр тяжести переносится в таком случае уже на механизм, с использованием которого предполагается реализовывать эту перспективную линию. Конечно, вряд ли можно взять на себя смелость утверждать, что использование специалистов в иных областях, чем юриспруденция, может оказаться на этом этапе менее эффективным⁵². Однако вполне можно в общих чертах оценить, каков может быть вклад именно юристов (то есть возможности средств именно международного права, а не просто дипломатии во всех ее формах) в процесс формирования подобной долгосрочной перспективной политической линии государства.

Действительно, современное международное право представляет из себя совокупность самых разнообразных конвенционных и обычных

принципов и норм. Свободно ориентироваться в таком специфическом вопросе может, очевидно, лишь достаточно высоко квалифицированный специалист. Главное же, однако, как представляется, заключается даже не в этом. В отличие от других областей международных отношений, международное право есть точное и подробно отраженное в документах взаимоотношений государств, которые если и подвергаются толкованию, то в довольно разумных рамках. Международное право — это та часть политики, экономики, дипломатии, истории, оценка которой взаимно признана государствами и документально отражена. В этом смысле международное право стоит как бы над этими видами международных отношений, объединяя вместе весьма важную их часть. Наиболее же существенно — это то, что государства не только совместно признали эти принципы и нормы, но и добровольно взяли их выполнять, добровольно себя ими связали.

Тут необходимо вновь вернуться к вопросу о соблюдении субъектами международного права взятых на себя обязательств. Конечно, государства, как уже подчеркивалось, могут отказаться (чаще всего вполне правомерно) от уже взятых на себя обязательств, в том числе если сочтут, что они существенно ущемляют их интересы (особенно связанные с их безопасностью)*53, или по тем же соображениям не согласятся принять на себя новые обязательства. Ключ к пониманию роли юридических инструментов в воздействии на их позицию заключается, как представляется, в следующем. Вообще говоря, отказ от принятия на себя новых обязательств (или акция по отказу от уже принятых на себя обязательств, если возникает сомнения в ее правомерности) может быть встречен международным сообществом с пониманием в том случае, если речь идет о каких-то очевидно существенных для этого государства интересах. На практике так обычно и происходит — если вырабатывается соглашение, призванное решать какую-то проблему (пусть даже не обязательно очевидно острую), то государство, отказываясь от участия в таком соглашении без разумных, по мнению других стран, причин может вызвать по отношению к себе осуждение международного сообщества и обвинения в нежелании способствовать поискам развязок в актуальных международных вопросах. То же касается и выхода из уже действующего соглашения. Более того, даже в тех случаях, когда государство выдвигает вполне, по их мнению, весомые причины в обоснование таких своих шагов, они рискуют попасть под достаточно острую критику. В качестве примера можно, например, вспомнить ситуацию, сложившуюся в связи с выходом США из БНЕСКО, в связи с отказом этой страны ратифицировать договор ОСВ-2 или подписать Конвенцию ООН по морскому праву.

Нужно отметить, что проблема признания или непризнания государствами тех или иных уже существующих норм международного права привела к возникновению и различных концепций, либо оправдывающих такой подход, либо наоборот, не признающих его законность. Речь идет о теории "основной нормы", концепциях "естественного права", позитивизма, неопозитивизма и т. д.

Таким образом, можно, видимо предположить, что если субъект международного права считает, что общие интересы сохранения международного правопорядка, а также интересы поддержания благоприятного о себе мнения международного сообщества (а также общественного мнения внутри страны)*54 перевешивают какие-то его собственные, сравнительно не столь крупные интересы, то в таком случае он может принять решение воздержаться от шагов по освобождению себя от каких-то не слишком желательных для него обязательств или согласиться с какими-то новыми обязательствами, хотя, строго говоря, такое право у него и будет. Вообще, причина

соблюдения "невыгодного" для государства права может быть достаточно много, и не обязательно мотивом является боязнь нежелательных моральных последствий, хотя это обстоятельство достаточно весомо при принятии соответствующих решений. В более абстрактной форме выбор, стоящий перед государством, заключается, видимо, в оценке баланса цены соблюдения права для преимуществ от его нарушения⁵⁵.

Нужно отметить, что на современном этапе в практике международных отношений возникли и процедуры, в которых заложены более существенные возможности достижения компромиссов, и которые, в сущности, позволяют более легко добиваться каких-то уступок. Речь идет о процедуре достижения общей договоренности и принятии решений консенсусом⁵⁶, предполагающей необходимость проведения переговоров и поиска взаимоприемлемых решений в случае, когда имеет место расхождение во мнениях⁵⁷.

5. "Мягкое" принуждение

Теперь можно рассмотреть, какие же конкретно случаи попадают в эту "вилку" баланса между общими международными и частными национальными интересами. Во-первых, речь идет о разумных, хотя и незначительных по отдаленности, уступках и компромиссах, не наносящих ущерба политическому престижу. Во-вторых, в эту категорию попадают, что важно, все те достаточно на первый взгляд мелкие вопросы, о которых в данный момент нельзя с уверенностью сказать, какие последствия они повлекут. Тут можно взять на себя смелость утверждать, что на практике такой характер имеют часто именно вопросы юридического характера, в которых по определению заложен элемент абстрактной, а значит и неопределенной структуры. Кроме того, юридические проблемы внешне нередко касаются именно каких-то конкретных формулировок, чаще всего носящих сложный для обыденного восприятия форму.

Важно отметить, однако, что подобная юридическая работа с множеством мелких, носящих внешне абстрактный характер вопросов может иметь и часто имеет не только разовый эффект, но нередко позволяет повлиять, а подчас и предопределить развитие событий в будущем, имеющих достаточно существенное значение. При этом наиболее плодотворная тактика - это постоянно находиться в центре решения вопросов определенной категории, исподволь проводя определенную линию и не "перегибая палку" в каждом отдельном случае, "играть динамичную и конструктивную роль"⁵⁸. В результате настойчивой и длительной работы можно достичь весьма существенных результатов, при условии, конечно, если и скорый результат достигается постепенно, и процесс строится таким образом, что участвующие в нем государства ни разу не имеют крупного очевидного повода "выйти из игры". Поскольку при этом, как уже указывалось, на одной чаше весов нередко находятся общие интересы всего международного сообщества, а на другой конкретные, относительно более мелкие частные национальные интересы, то линия на постепенное воздействие по существу означает, что эти конкретные интересы распределяются на какой-то определенный временной отрезок, причем таким образом, чтобы ни в какой отдельный момент они не могли перевесить общие интересы. Этот механизм может сработать (и обычно срабатывает) в силу того простого обстоятельства, что общенациональные и общеполитические интересы обладают стабильным характером и имеют примерно одинаковое значение в любой период, в то время как частные национальные интересы относительно более мелкие и, главное, нередко симметричны, относимы к

какой-то определенной исторической ситуации и чаще всего исчезает вместе с ее изменением, уступая место подобным же другим частным интересам.

Видимо, использование данного механизма воздействия на позицию другого государства является определенной формой принуждения. Его можно условно назвать "мягким" принуждением (по аналогии, например, с "мягким" правом). Это, конечно, не принудительные меры по Уставу ООН, которые являются крайней формой воздействия с целью прекращения противоправных действий и оправдано должны рассматриваться как способ обеспечения наступления политической ответственности. "Мягкое" принуждение - это и не форма превентивной дипломатии, как она обычно понимается. Принуждение само по себе является довольно широким понятием, означающим способ воздействия на другую сторону вне зависимости (вопреки) от его воли. Речь идет о случаях, когда субъект достаточно ясно выражает свою волю и его заставляют поступать вопреки ей, а также когда субъект еще не сформировал своей позиции, и его заставляют, явно или неявно для него, совершить какой-то поступок или воздержаться от него. В рассматриваемом нами случае воздействия на позицию другой стороны при решении международных проблем речь идет именно о принуждении, а не о, например, убеждении или просто о воздействии (конечно, принуждение это форма воздействия, но последнее является слишком широким понятием), т.к. в конечном результате эта сторона волею или неволею предпринимает шаги, которые ей в определенном смысле невыгодны и которые означают для нее какую-то уступку (осознанную или неосознанную).

В данной главе говорилось об ограничении возможности принуждения в международном праве. Является ли "мягкое" принуждение его формой или это самостоятельное понятие, и использование близких терминов будет вызывать лишь ненужную путаницу? Когда мы говорим об ограничении возможности принуждения, то мы при этом имеем в виду, что субъект международного права нельзя принудить с помощью любых средств соблюдать это право, если он этого не желает. Принуждение возможно, но оно ограничено. Во внутригосударственных отношениях возможности для принуждения несомненно более широкие. В международных же отношениях государство в подавляющем числе случаев связывает себя обязательствами только добровольно. Когда мы говорим о "мягком" принуждении, то имеем в виду метод ведения переговоров или иной конкретный способ реализации внешнеполитических целей, который основывается на принуждении другого государства к принятию на себя обязательств, в какой-то мере не соответствующих его интересам. Как мы видим, "мягкое" принуждение это один из путей расширения возможностей принуждения в международном праве, одна из его конкретных форм, не предполагающая использования силы для своего обеспечения.

Было бы неправильно рассматривать "мягкое" принуждение как способ обеспечения наступления ответственности. Ответственность это добровольные или вынужденные шаги субъекта права, которые должны привести к восстановлению существовавшего и нарушенного им морального или материального положения. В случае "мягкого" принуждения его объект также вынужден идти на какие-то шаги. Принужден он однако не для восстановления существовавшего положения а для изменения не в свою пользу уже существующего или предполагаемого в будущем соотношения интересов.

Если международная ответственность делится на моральную и международно-правовую (т.е. политическую и материальную) - в зависимости от области, в которой она наступает, то "мягкое"

принуждение можно подразделить на моральное, правовое, политическое и материальное в зависимости от интересов объекта принуждения, которые субъект принуждения пытается представить другой стороне как более важные.

Деление принуждения на правовое, моральное и материальное означает таким образом следующее. Объект принуждения взвешивает свои интересы и уступает, если ему кажется, что эти его правовые, моральные и материальные интересы перевешивают. На другой чаше весов тоже находятся интересы либо подобного же плана (естественно, конечно, другие по содержанию), либо его общие интересы как члена международного сообщества. Таким образом подобное деление принуждения предлагается в зависимости от интересов, которые, якобы, являются более важными (может быть, на данном этапе они действительно более важны для объекта принуждения).

Приведем в качестве пояснения несколько примеров. В ряде ситуаций субъект права склонен к компромиссам и уступкам, не желая стать объектом обвинений морального плана. Например, выходя из переговоров, которые ведутся уже длительное время, государство поступает, видимо, вполне правомерно, реализуя свои суверенные права. Но это в ряде случаев не может защитить его от обвинений, что оно не способствует, например, выработке общеприемлемой правовой нормы, срывает всеобъемлющее урегулирование проблемы. Конечно, очевидно, что пределы такого морального воздействия (принуждения) ограничены*59.

Точно так же действует и механизм ограниченного материального принуждения, когда субъект права постоянно выбирает между опасностью упустить какие-то конкретные практические национальные интересы (экономические, финансовые, а может быть, даже и оборонные) и опасностью нанести ущерб своим общим интересам как члена международного сообщества.

Представим себе, однако, еще одну ситуацию. Государство участвует в переговорах, дает какие-то предварительные обещания, вынуждает других участников переговоров идти на определенные уступки с целью способствовать успешному завершению переговоров. Если после этого такое государство попытается выйти из подобных переговоров, его вполне могут обвинить в недобросовестном их ведении, что будет уже относиться, как представляется, к области использования механизма не моральных, а правовых отношений.

Говоря о правовом "мягком" принуждении, нельзя обойти вниманием следующую ситуацию. Нередки случаи, когда государство обвиняет другую сторону в нарушении международного права. Другое государство никак на это не реагирует, т.е. само не подтверждает своей вины (а соответственно и ответственности) или прямо заявляет, что его действия были правомерными. Коллективное осуждение (например, в Совете Безопасности ООН, в Международном суде, других международных судебных органах) не приводит к констатации факта нарушения международного права, т.е. лишает возможности говорить не только о коллективном принуждении, но даже и о моральной ответственности. Не всегда в таких случаях обвинявшее в нарушении права государство готово рассматривать дело в собственных судах, и даже если оно на это пошло и получило необходимое решение, не всегда предпринимает односторонние принудительные шаги для его обеспечения. Иными словами, возможна ситуация, когда факт вины не является общепризнанным и не подтверждается никакими даже односторонними мерами кроме первоначального заявления. В таких случаях существуют, очевидно, две возможности. Первая - это когда правонарушение все-таки имело место и оно международному сообществу просто не доказано.

Вторая - это когда обвинявшее государство допустило необъективную оценку имевших место фактов. В последнем случае такое государство наносит лишь ущерб своему собственному политическому престижу. В первом же случае, им, видимо, не всегда имеют право говорить о факте использования "мягкого" принуждения (но в принципе это также возможно). Действительно, если стороны сознают, как обстояло дело в реальности, то допустившая правонарушение сторона знает о наличии своей вины, и публичное обвинение в ее адрес несомненно является фактором по меньшей мере морального давления. Однако в результате наступает моральная ответственность, происходит какой-то сдвиг к восстановлению ранее существовавшего морального баланса. Однако при такой ситуации чаще всего необоснованно ожидать, что фактор морального давления может привести к смещению этого баланса в пользу пострадавшего государства по сравнению с существовавшим до правонарушения моментом. Если же в силу квалифицированного политического и правового расчета такое смещение баланса, в конечном итоге, все-таки имеет место, то это значит, что "мягкое" принуждение осуществлено удалось. В вышеописанном случае использование факта нарушения международного права выступает не как самостоятельная область применения "мягкого" принуждения, а как лишь конкретный случай решения одной из международных проблем с использованием международно-правовых средств.

Говоря о "мягком" принуждении, нельзя забывать и следующий аспект проблемы. Если речь идет об уступках, о достижении компромисса, то в подавляющем большинстве случаев - это обоюдные уступки и обоюдный компромисс (договоренность в т.н. "пакете" - все более часто встречающаяся в современной дипломатической практике форма договоренности¹⁶⁰). Нереально пытаться принудить равного себе партнера пойти на уступки, не делая ему со своей стороны никаких шагов навстречу. Поскольку, очевидно, каждый участвующий в создании новых правовых норм яростно защищает интересы своего государства, ему предоставляется возможность при выработке компромисса найти вариант, предполагающий разницу в его пользу между обоюдными уступками. На первый взгляд, другая сторона не согласится на такие уступки своего контрагента, которые будут меньше ее собственных. На практике, однако, это почти никогда так не бывает. Во-первых, трудно представить себе ситуацию, когда взаимные уступки являются по характеру совершенно одинаковыми (симметричными). Почти всегда, получая что-то в одной области, уступаешь в другой, то есть имеет место определенная асимметрия уступок. Нередка ситуация, когда уступка конкретного характера соответствует уступке более общего, теоретического, перспективного характера с другой стороны (то есть имеет место асимметрия во времени). Одна из сторон в таком случае выигрывает что-то больше в краткосрочном плане, а другая надеется выиграть больше в долгосрочном. Несомненное преимущество и источник смещения баланса уступок в свою сторону - это инициативная позиция участника переговоров, стремящегося найти наименее болезненные варианты уступок со своей стороны, но, например, осуществление в престижном плане для другой стороны. Использование возможностей долгосрочного прогноза несомненно способствует успешному нахождению такого варианта компромисса и такого варианта уступки для партнера по переговорам, который в настоящий момент представляется вполне приемлемым, но со временем весьма возможно (но не очевидно) обернется для другой стороны существенными потерями. Тут напрашивается немного вольная аналогия с шахматной игрой, когда один из соперников совершает ходы, пока не представляющие угрозы для партнера, но в конечном этапе ведущие к победе.

Вообще говоря, разработать более точный и более долговременный прогноз способен обычно те страны, которые обладают более крупным научным потенциалом, имеют более существенный опыт в области, являющейся предметом переговоров. Конечно, чаще всего это промышленно развитые страны, особенно в случаях, когда переговоры касаются использования сложных технических средств. Вероятно, именно такая ситуация сложилась в переговорах по режиму морского дна за пределами национальной юрисдикции. Менее развитые страны, которые не имеют возможности привлекать к переговорам большее число специалистов и не имеют столь богатого опыта в промышленной или технической области, могут в такой ситуации попробовать как-то уравнивать шансы, направив все силы на подготовку и сохранение наиболее квалифицированных экспертов в области техники переговоров, как правило, именно юристов.

Так как же с теоретической точки зрения понимать компромисс? Как совпадение воли государств или же как подчинение этих волей, или как их взаимную модификацию? От ответа на этот вопрос зависит и то, как вообще понимать процесс формирования международного права - как согласование воли государств путем соглашения и выработки "общей воли", совпадающей с исходными позициями государствами, либо как совпадение лишь уже модифицированных первоначальных позиций и выработку чего-то нового, не предусмотренного ни одной из сторон (по крайней мере, не всеми сторонами) на первоначальном этапе согласования.

Практика подсказывает, что в ходе переговоров позиции государств как правило претерпевают определенные изменения. Каково же соотношение между конечным результатом и исходной позицией? Так ли уж существенна разница, чтобы можно было говорить о принципиальном, или хотя бы достаточно существенном изменении первоначальной воли? Нужно признать, что в практике международных переговоров встречается случай, когда государство изменяет в ходе переговоров свои позиции и в принципиальной мере, руководствуясь при этом, например, желанием побудить партнера по переговорам пойти на какую-то встречную уступку в другой области, либо просто поддавшись давлению. Иными словами, если понимать согласование воли буквально, то конечная договоренность может отличаться от первоначальных позиций сторон. Вместе с тем, нельзя не принять во внимание, что любые уступки все-таки не предполагают, что участник переговоров ухудшает свое положение, ничего не получая взамен. Как раз наоборот, уступки как правило предполагают желание достичь компромисса, то есть, изменив и ухудшив свои позиции (но только в приемлемых пределах), получить какое-то преимущество в другой области. Вообще говоря, предлагаемая теория "мягкого" принуждения и опирается на такой как бы двойственный характер компромисса. С одной стороны, участники переговоров исходят в первую очередь из своих коренных интересов, модифицируют свои позиции только в приемлемых для себя пределах и идут на уступки, получая какие-то уступки взамен. На первый взгляд может даже показаться, что тут нет никаких возможностей оказать воздействие на позиции другой стороны в такой мере, чтобы это привело к значительным результатам. С другой стороны, нельзя не учесть и то, что уступки при достижении компромисса носят как правило асимметричный характер, и даже если совпадают буквально, все равно в силу различных условий в каждом из государств-участников переговоров они в конечном итоге приводят к хотя, может быть, и сопоставимым, но все-таки разным последствиям. На возможности более точно подсчитать эти последствия, либо на возможности незначительно и, казалось бы, в приемлемых для партнера по переговорам рамках

повлиять на его позицию и заключается возможность "мягкого принуждения". Таким образом, международное право воспринимается его субъектами как продукт только согласования их воли или если и изменения их, то только в приемлемых рамках, т.е. все равно именно согласования воли, пусть несколько и отличающейся от исходной. Объективно же при таком внешне незначительном изменении может закладываться (и обычно закладывается) основа для того, чтобы через некоторое время поставить какое-то государство на более или же сегодня признаваемой позиции в более невыгодное положение, заставить его собственноручно добровольно согласиться с каким-то ущемлением его собственных интересов. Субъективно государства воспринимают процесс формирования норм международного права как согласование их суверенных воли в той части, в которой они совпадают между собой, а объективно результат соглашения может нести в себе зерно, подрывающее в чем-то некоторые из исходных позиций⁶³.

Рассмотрим теперь, как соотносятся между собой "мягкое" принуждение и "мягкое" право. Последнее - это не так уже редко используемое среди юристов и изучаемое понятие. Когда говорят о нем, то обычно имеют в виду международную дипломатическую работу, в результате которой вырабатываются решения, нередко документально зафиксированные, имеющие форму международных договоренностей, но юридически субъектов международного права не связывающие. Наиболее типичный пример "мягкого" права - это резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Хотя Устав ООН предусматривает возможность обеспечения реализации принятых решений, в частности, Советом Безопасности, тем не менее этого явно недостаточно⁶⁴. Нередко высказывается мнение, что некоторые резолюции ООН подлежат неукоснительному соблюдению, например, резолюция ГА ООН от 14 декабря 1960 г. о предоставлении независимости колониальным странам и народам, утвердившая международно-правовой принцип ликвидации колониализма⁶⁵, хотя, как представляется, этот приведенный случай как раз хорошо иллюстрирует возможность именно "мягкого" принуждения.

Наверное, можно встретить точку зрения, что к такому "мягкому" праву можно отнести и решения международных судебных органов. "Мягкое" право именно потому, видимо, получило название "мягкого", что оно имеет форму правовых документов, и при этом связывает субъектов международных правоотношений, но иначе, чем, например, договорная норма. Имеется в виду, что принимаемая, скажем, резолюция ООН по какому-то вопросу, частью государств поддержана не была, но тем не менее она как бы отражает мнение большинства. Таким образом, возникает фактор морального давления на меньшинство, происходящий из необходимости считаться с мнением большинства⁶⁶. В результате можно ожидать, что в дальнейшем при принятии других решений по данному вопросу - как таких же юридически необязательных, как и предыдущее, так и юридически обязательных, члены группы меньшинства, считаясь с давлением, постепенно будут соглашаться с предлагаемым решением. В идеальном случае, когда такое юридически необязательное решение поддержано всеми членами международного сообщества, можно считать, что цель давления достигнута и можно оформлять это решение как соглашение. Существует даже мнение, что уже сам факт единогласного волеизъявления свидетельствует о возникновении нормы права или подтверждает ее существование⁶⁷.

Что же касается "мягкого" принуждения - под этим понятием в данной работе имеется в виду способ дипломатического воздействия с использованием в основном правовых средств на развитие международных отношений (хотя такое воздействие может оказываться и не только в

дипломатической форме). Под это определение несомненно попадает и "мягкое" право. Представляется вполне очевидным, что говоря о "мягком" праве, мы рассматриваем одну из форм "мягкого" принуждения. В этом смысле формой "мягкого" принуждения можно рассматривать и решения международных судебных органов в той части, в которой они являются способом дипломатического косвенного воздействия на международные отношения.

Нужно ли вообще создавать самостоятельную категорию, именуемую "мягким" правом? Это понятие, конечно, отражает объективные явления международной жизни, которые являются одной из разновидностей дипломатии, имеющей своей спецификой, во-первых, использование правовых средств и, во-вторых, фактор морального давления. Но этой же спецификой обладает и более широкое понятие - "мягкое" принуждение. Является ли вообще "мягкое" право правом? Наверное, их объединяет лишь чисто внешняя сторона, только то, что решения, относимые к "мягкому" праву, имеют форму, близкую к форме международных соглашений. Дает ли основания выделение этого явления чисто по внешнему признаку рассматривать его как самостоятельную категорию? Во-первых, оно ведет к опасности терминологической путаницы и к искажению понятия "право". Во-вторых, основной смысл этой категории, как представляется, в том, что право определяется именно как "мягкое", что подчеркивает специфику его воздействия на международные отношения. Однако, если дело только в специфике воздействия, то к ней следует, как явствует из вышеприведенного анализа, отнести гораздо более широкий набор средств и методов. То, что юридически необязательные решения приобретают форму международных документов - это несомненно существующая реальность. Однако, так ли уж существенна эта сторона вопроса? Ведь в ходе, например, многих дипломатических конференций, в работе международных организаций, в частности, Комиссии международного права, вырабатываются промежуточные документы, имеющие форму проекта договора и в дальнейшем дорабатываемые и модифицируемые с учетом высказанных поправок и замечаний. Такие поправки и замечания также являются отражением воли части субъектов права, участвующих в подобной дипломатической работе, и если поправки принимаются, то значит, они отражают общее мнение или мнение большинства. По существу, факт формального голосования является одной из форм выявления мнения, пользующегося наибольшей поддержкой. По сути дела, вся разница между такой повседневной дипломатической работой и работой, например, ООН заключается с рассматриваемой точки зрения лишь в факте особого политического формального подчеркивания промежуточных результатов.

В работе III Конференции ООН по морскому праву существовала целая группа документов, которые являлись проектами будущей конвенции на различных стадиях согласования. Все эти проекты имели свои названия, свои официальные номера, содержали текст, который по форме вполне мог стать частью международного соглашения. Конечно, резолюция крупных международных организаций, таких, как ООН, есть особый продукт многосторонней дипломатии. Тем не менее, надо признать, что при ближайшем рассмотрении некоторые его специфические черты носят скорее формальный, чем существенный характер.

Все вышесказанное, конечно, не означает, что "мягкое" право нельзя выделять в самостоятельную категорию. вполне вероятно, что она может быть использована в каких то теоретических и практических целях, в частности, например, и применительно к международному праву окружающей среды*67. В настоящем исследовании, однако, удалось, как представляется, выявить, что эта категория выделяется из более

общего явления лишь по формальному признаку, что, конечно, не может иметь существенной практической пользы в данном конкретном случае.

Для того, чтобы техника "мягкого" принуждения могла быть действительно эффективно использована, необходимо наличие еще одного существенного условия - использование механизма долгосрочного прогнозирования. Как уже отмечалось, "мягкое" принуждение результативно лишь тогда, когда другие участники переговоров не столь ясно представляют себе перспективные результаты того или иного решения. Хотя такая ситуация в принципе может возникнуть на любой стадии переговоров, надо однако отметить, что наиболее благоприятные возможности чаще встречаются скорее на ранних стадиях решения конкретных международных проблем, и более редко - при формальном окончательном описании этих проблем (т.е. на этапе завершения разработки текстов договоров и т.д.). В сущности, это достаточно легко объяснимо - на ранней стадии перспективы развития международных отношений затрагиваются чаще всего в такой форме, что это воздействие не является абсолютно очевидным для каждого. В этом смысле, конечно, работа юриста, занимающегося на такой завершающей стадии поисками правовых формул, точно отражающих совпадающую и уже в принципе согласованную волю государств, также в некоторых случаях может существенно повлиять на решение каких-то перспективных вопросов, прямо не связанных с предметом переговоров, хотя скорее можно ожидать действительно эффективных результатов подобного рода на ранних стадиях переговоров, когда позиции сторон еще не так ясно определились. Из этого следует два важных вывода: во-первых, как можно раньше вступать в переговоры, касающиеся перспективных проблем. Во-вторых, не рассчитывать, что с помощью методов "мягкого" принуждения можно достаточно успешно решать проблемы, которые уже вполне ясно сформулированы (например, те, которые касаются разоружения, недопущения выезда гонимых вооружений в космос и т.д.). В этих случаях придется, видимо, полагаться для проведения своей линии в большей мере на иные рычаги - опирающиеся на степень собственного экономического и военного развития, предполагающие политические решения "в пакете" и др.

Использование "мягкого" принуждения опирается и еще на один фактор - на личную квалификацию специалистов, непосредственно ведущих переговоры. Речь идет при этом не только об их квалификации как юристов. Для правильного долгосрочного расчета необходимо, видимо, хорошее знание еще, по крайней мере, и общих международных политических и экономических проблем, высокая личная активность и инициативность. Видимо, в морском праве можно найти достаточно убедительные примеры возможностей "мягкого" принуждения. Если взять Конвенцию ООН по морскому праву, то практически по каждому существенному вопросу - установлению экономических зон, определению внешних пределов континентального шельфа, ширин территориального моря, режима проливов - была государства, выступавшие с позиций несогласия с подходом большинства. В конечном итоге, однако, Конвенцию не подписали лишь несколько государств, в частности, США, Великобритания, ФРГ - в связи с положениями ее части XI, Венесуэла - в связи с решением вопроса о разграничении морских пространств, Израиль - в связи с вопросом о национально-освободительных движениях и т.д. Другие же государства предпочли пойти по пути определенных уступок, не рискуя, во-первых, выступать в целом вопреки мнению международного сообщества и отказываться от участия в III Конференции ООН по морскому праву, и во-вторых, рассчитывая получить для себя какие-то преимущества в других вопросах, регулируемых Конвенцией, и даже просто желая способствовать установлению общего

правопорядка на морях.

Высказанное еще раз подтверждает тезис о том, что переговоры должны быть не только универсальными и преемственными (continuous), но и профессиональными*68.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот фактор, что, вообще говоря, мировой океан далеко не так хорошо исследован и не так интенсивно используется, как суша, чтобы можно было с уверенностью сказать какие конкретные практические преимущества завтрашнего дня мы теряем, когда сегодня соглашаемся на те или иные компромиссы. Можно видеть, о достаточной степени уверенности предположить, что если бы перед началом Конференции ее будущие участники знали, на какие уступки им придется пойти при заключении Конвенции, они вряд ли бы согласились на ее выработку. Кстати сказать, в начале конференции достаточно серьезно стоял вопрос о возможности выработки в принципе какого-то обобщенного рабочего проекта. В результате далеко не сразу удалось составить неофициальный сводный текст для переговоров.

Были бы рассмотрены способы воздействия на развитие международных отношений с помощью международно-правовых средств. Это, однако, позволяло лишь косвенно оценить реальные возможности такого воздействия и в принципе установить, что такое воздействие возможно. Очевидно, что эти возможности не беспредельны и не могут изменить тех элементов позиций государств, которые прямо зависят от соотношения уровней развития производительных сил и производственных отношений. Тем не менее, речь может идти о достаточно крупных уступках в области политических, экономических и военных интересов, с принципом, например, использования мирового океана и его ресурсов.

Если обобщить вышеприведенные соображения о роли международно-правовых средств в формировании международных позиций государств, то сложится следующая картина.

Работа юриста-международника с теоретической точки зрения (но далеко не всегда на практике) имеет двойной, принципиально различный характер. В тех случаях, когда позиция государств совпала, в его функцию входит правильно оформить эту ситуацию с точки зрения договорного права, подбора применимых прецедентов, согласования с уже существующим правовым регулированием в этой области. Возможности существенного влияния на ход международных событий при выполнении именно этой функции невелики. Однако международное право постоянно развивается и совершенствуется. В ходе этого процесса можно в долгосрочном плане уже более существенно повлиять на позицию других государств, используя технику "мягкого" принуждения. В качестве необходимых для этого предпосылок выступают правильный всесторонний прогноз развития ситуации на перспективу и принципиальная возможность последовательно, но постепенно склонять государство в течение длительного периода времени и разумным в каждом отдельном случае уступкам и компромиссам, оправдываемым, может быть, скорее соображениями моральной, чем юридической природы и возможным в принципе в силу особой специфики лежащих на чаше весов интересов, между которыми государству приходится постоянно делать выбор. Немаловажно и то, что возможности "мягкого" принуждения особенно велики на самых ранних стадиях обсуждения проблем, когда они еще не обрели ясных очертаний. Особенно благоприятные тут возможности открываются именно для юриста в силу значительного абстрактного элемента, присущего правовым принципам и нормам и их нередко сложной для восприятия формы. На практике этот путь, насколько автор способен судить по своему опыту, может оказаться подчас довольно эффективным. Нужно при этом, однако, быть готовым к тому, что реальные результаты проявятся далеко не сразу. Возможно,

лишь через годы или даже десятки лет.

В результате вышеприведенного анализа была выделена двойная природа использования средств международного права. Решая правовые аспекты международных проблем, юристы одновременно решают две принципиально различные задачи. В той мере, в которой позиция сторон достаточно ясно определены и совпала, задача юриста заключается в правильном договорном оформлении этого согласия, в нахождении соответствующего места будущей договоренности в уже сложившейся и существующей системе международного права. Иными словами, речь идет о выполнении функции юридического оформления. В той же мере, в которой позиция сторон не совпадает или пока ясно официально не определены, работа юриста приобретает иной характер. Он, опираясь на свой долгосрочный прогноз развития ситуации, ведет линию "мягкого" принуждения, предопределяя наиболее благоприятное для своей стороны развитие событий, воздействуя на подход другой стороны таким образом, чтобы в дальнейшем позиция обеих сторон могли бы быть сближены, а предложенный компромисс в наибольшей мере отвечал бы интересам его государства.

- 1 Правда, 1982, 16 июня.
- 2 Курс международного права (в семи томах). Том 1. Понятие, система и предмет международного права. М., "Наука", 1989, с. 184-189.
- 3 Для целей данного исследования представляется несущественным проводить различия между договорами-сделками и нормоустанавливающими договорами. См.: Тулкин Г.И. Теория международного права. - М.: Международные отношения, 1970. с. 102-108.
- 4 Хотя, например, СССР на определенном этапе и не соглашался с правомерностью таких зон, тем не менее со временем и эта позиция изменялась.
- 5 См.: Вступительная статья Г.И. Тулкина к: Арчага Э.Х. де. Современное международное право. М.: Прогресс, 1983, с. 10-12.
- 6 Конечно, по этой проблеме существует и иные точки зрения. Например, Стенли Хоффман, профессор Гарвардского университета, считает, что далеко не все нормы международного права возникли в результате добровольного принятия государствами на себя обязательств; и далеко не все нормы международного права, являющиеся продуктом добровольного согласия сторон, соответствуют требованиям международной морали. Hoffman S. Ethics and Rules of the Game Between the Superpowers - in: Right v. Might. International Law and the Use of Force. N.Y., L., 1989, p. 72-76.
- 7 Мингазов Е.Х. Социальная ценность международного права. СЕМП, 1984. М., 1988, с. 73.
- 8 Тулкин Г.И. Мирное сосуществование в международное право. Советское государство и право. 1956г., No.7. С. 5. McWhinney E. "Peaceful Coexistence" and Soviet-Western International Law", Leyden, 1984, p. 46. Ramundo B. The Socialist Theory of International Law. Wash., 1964, p. 57.
- 9 Тулкин Г.И. Теория... Указ. соч., с. 314.
- 10 Там же, с. 315.
- 11 Там же, с. 316.
- 12 Там же, с. 316.
- 13 Там же, с. 316-320.
- 14 Там же, с. 316.
- 15 Там же, с. 316.
- 16 Там же, с. 321.
- 17 Там же, с. 330-341.

- 18 Там же, с. 333. Corbett P. Law in Diplomacy. Princeton, 1959, p. 101.
- 19 Рыбаков Д.М. Правовые аспекты обеспечения ВСМБ и развитие международного сотрудничества - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987 г., с. 5.
- 20 Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. - М.: Международные отношения, 1983, с. 95.
- 21 Но означает ли это, что их необходимо соблюдать любой ценой?
- 22 Арчага Э.Х. де. Указ. соч., с. 111.
- 23 Henkin L. How Nations Behave. Law and Foreign Policy. Columbia University Press, N.Y., 1979, p. 124, 128.
- 24 Вопиюще справедливым представляется замечание, что при толковании и применении норм международного права государства нередко склонны исходить только из своих собственных интересов, а не из согласованных целей, Марочкин С.Ю. Вопросы эффективности норм международного права. СЕМП, 1986г., М., Наука, 1989, с. 12.
- 25 Арчага Э.Х. де. Указ. соч., с. 406-413.
- 26 Friedmann W. Nouveaux aspects du droit international. P., 1971, p. 190. Holsti K.J. International politics: A framework for analysis. New Jersey, 1967, p. 389, 408. Levi W. Contemporary international law: A concise introduction. Colorado, 1979, p. 343.
- 27 Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. London, The Gresham Press, 1979, pp. 127-128.
- 28 См., например: McDougal M. & Associates. Studies in World Public Order. Yale University Press, 1960, ch. 1.
- 29 Достаточно интересные соображения по технике ведения переговоров и поиска компромиссов высказываются, например, известными американскими учеными из Стэнфордского университета Г.А.Грейгом и А.Л.Джорджем: Craig G.A., George A.L. Force and Statecraft. Diplomatic Problems of Our Time. N.Y., Oxford, Oxford University Press, 1983, pp. 157-171.
- 30 Lee, Roy S. Multilateral Treaty-Making and Negotiation Techniques: An Appraisal. - Contemporary Problems of International Law: Essays in Honour of Georg Schwarzenberger on his eightieth birthday. Edited by Bin Cheng and E.D. Brown. London, Stevens & Sons Limited, 1988, p. 157.
- 31 Тункин Г.И. Теория... Указ. соч., с. 24-40. См. также: Scheffer D.J. Introduction: the Great Debate of the 1980s, in: Right v. Might. International Law and the Use of Force. Council on Foreign Relations Press, New York, London, 1983, p. 3.
- 32 Миллерсон Р.А. Роль и возможности международного права в создании ВСМБ - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987 г., с. 8-9, Рыбаков Д.М. Указ. соч., с. 5-6, Ушаков И.А. ВСМБ и прогрессивное развитие международного права. - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987 г., с. 15.
- 33 Henkin L. Op. cit., pp. 138-139.
- 34 Lee, Roy S. op. cit. pp. 159-163.
- 35 В данном случае принуждение понимается как система мер, направленных на поддержание международного правопорядка и защиту прав отдельных государств, См.: Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев, 1982, с. 31.
- 36 Арчага Э.Х. де. Указ. соч., с. 264-265.
- 37 Тункин Г.И. Право... Указ. соч., с. 27.
- 38 Арчага Э.Х. де. Указ. соч., с. 177-212.
- 39 Тункин Г.И. Право... Указ. соч., с. 27-28.
- 40 McDougal M., Feliciano F. Law and Minimum World Public Order.

- Yale University Press, 1961, pp. 28-31.
- 41 Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. London, Weidenfeld & Nicolson, 1954, lecture VI.
- 42 Известия, 1988, 8 декабря.
- 43 Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., Alfred A. Knopf, 1959. Thompson K. Political Realism and the Crisis of World Politics. Princeton, 1960.
- Schwarzenberger G. Power Politics. L., 1964. Aron E. Politics and History. L., 1978. Waltz K. Theory of International Politics. Reading, Massachusetts, 1977. Bzezinski Z. American Foreign Policy in a Rapidly Changing World. - The Atlantic Community, v. 17, N 1, 1979.
- 44 Aron E. Paix et guerre entre les nations. P., 1962, pp. 704, 709-710. Stoessinger J. The Might of Nations. N.Y., 1967, p. 240.
- Levi W. Law and Politics in the International Society. L., 1976, p. 52. Morgenthau H.J. Op. cit., p. 209-242. Kennan G. American Diplomacy 1900-1950. Chi., 1951, p. 98. Schwarzenberger G. Power Politics. L., 1964, p. 199.
- 45 McDougal M. International Law, Power and Policy. - Recueil des cours de l'Academie de droit international, v.82 (1953), p. 169.
- McDougal M., Feliciano F. Op. cit., p. 7. Falk R. The Role of Law in World Society: Present Crisis and Future Prospects. - In: Toward World Order and Human Dignity. Essays in Honor of M. McDougal. N.Y., 1976, p.150. Barkun M. International Norms as Facts and Ideals. ASIL Proceedings of the 68th Annual Meeting, 1972, p. 41.
- 46 Это касается, например, обвинений в адрес Советского Союза в том, что в первые годы своего существования он отказался вообще признать действовавшее тогда международное право. Тулин Г.В. 40 лет Великой Победы в международное право - Советский ежегодник международного права, 1984. М., Наука, 1988, с. 13.
- 47 Мингазов Д.Х. Указ. соч., с. 64-71.
- 48 Bull H. Op. cit., pp. 180-181. Henkin L. Op. cit., p. 32.
- 49 Lee, Roy S. Op. cit. pp. 170. Cheng B. The United Nations and Outer Space - 14 Current Legal Problems (1961), p. 247. Lee Roy S. and Jazentuliana N. Manual on Space Law, Vol.111 (1981), pp. xiii-xxiii.
- 50 Caminos H. and Molitor M.R. Progressive Development of International Law and the Package Deal - 79 AJIL (1985) p. 871.
- Buzan B. Negotiating by Consensus: Developments in Techniques at the United Nations Conference on the Law of the Sea - 75 AJIL (1981), p. 324.
- 51 Тинберген Я. Пересмотр международного правопорядка. М.: Прогресс, 1980, с. 131-132.
- 52 Там же, с. 138-137.
- 53 Holsti K.J. Op. cit., p. 389, 408.
- 54 Тинберген Я. Указ. соч., с. 138-141.
- 55 Henkin L. Op. cit., pp. 44-45, 50, 71.
- 56 К сожалению, и процедура консенсуса также подчас не обеспечивает принятия справедливых решений - в тех случаях, когда необходимо позитивное выражение согласия, а не просто отсутствие возражений. См., например: Bull H. Op. cit., pp. 156-160.
- 57 Lee, Roy S. Op. cit., p. 166. См. также: Касьян Н.Ф. Консенсус в современных международных отношениях. М., Международные отношения, 1983.
- 58 Bull H. Op. cit., pp. 159-168.
- 59 Morgenthau H.J. Op. cit., pp. 174-196, 197-206. См. также: Трофимов В.Н. Основные глобальные проблемы современности и

- международное право - XXVII съезд КПСС и правовые проблемы международной безопасности и разоружения. Сборник научных трудов под редакцией Г.П. Задорожного. МГНМО МИД СССР, М., 1987, с. 32, 48.
- 60 Lee, Roy S. op. cit., p.159, 169-176. Тинберген Я. Указ. соч., с. 222-224.
- 61 Хайд Ч. Международное право, т.1, ВЛ, 1950, с. 59. Rousseau Ch. Droit international public, P., 1953, p. 11. Triepel H. Volkerrecht und Landesrecht, Leipzig, 1889, S. 32. Heffter A.W. Das europaische Volkerrecht der Gegenwart, B., 1867, S. 4. Seferiades S. Apercu sur la coutume juridique internationale et notamment sur son fondement. <<RGDIP>>, 1936, p.145. Heller, Die Souveranitat, B., 1927, SS. 122-124. Anzilotti D. Corso di diritto internazionale, v.I, Roma, 1928, pp. 43, 63, 64 et seq. Perassi T. Teoria dotmatica delle fonti di norme giuridiche in diritto internazionale, <<RDI>>, 1917, p. 290. Giuliano M. La comunita internazionale e il diritto, Padova-Cadav, 1950, p. 81. Strupp K. Regles generales du droit de la paix, <<RdC>>, v. 47 (1934), p. 301.
- 62 Для сравнения см: Тункин Г.Е. Теория... Указ. соч., 1970, с. 231-245.
- 63 Блищенко И.П. На пути к созданию нового международного правопорядка. Советское государство и право, No.4, 1983г., с. 113.
- 64 Там же.
- 65 Такой подход перекликается, видимо, с точкой зрения, что рекомендации международной организации являются в первую очередь дипломатическим инструментом. См., например: Virally M. L'Organisation mondiale. P., 1972, p. 187.
- 66 См.: Castaneda J. Legal Effects of United Nations Resolutions. 1969, p. 171.
- 67 Тимошенко А.С. Экологическая безопасность и международное право. СЕМП, 1988, М., Наука, 1989, с. 26-27.
- 68 F. de Callieres. On the Manner of Negotiating with Princes. Trans. A.F. Whyte, University of Notre Dame Press, 1963, p. 9.

1. Возможность достичь соглашения в случаях совпадения или несовпадения позиций сторон

Как уже указывалось, при оценке возможностей заключения международного договора можно столкнуться с двумя видами ситуаций - когда позиции сторон совпадают и когда они не совпадают. Соответственно, в каждом из этих случаев проявится двойной характер использования правовых средств. Это деление имеет, как мы увидим, прямое отношение к способам решения проблем, связанных с сохранением мира и с обеспечением охраны окружающей среды.

Действительно, если возникает угроза существованию самой цивилизации, то можно с уверенностью утверждать, что все государства придерживаются при этом единой позиции - предотвратить ее. Причем если угроза достаточно серьезная, то речь пойдет об использовании всех и любых средств для ее предотвращения. Именно характер глобальной угрозы и приобрели две рассматриваемые проблемы - обеспечения военной и экологической безопасности. Если возникает угроза военной или экологической катастрофы, то все государства предпримут все от них зависящее, чтобы не допустить их.

Государства занимают единые позиции не только в связи с опасностью глобальной катастрофы и уничтожения всего человечества. На примере проблем охраны окружающей среды очень ясно видно, что к категории нежелательных ситуаций, предотвратить которые стремятся все государства (т.е. позиции сторон совпадают) относятся практически все более или менее крупные аварии. Такие нежелательные ситуации, конечно, авариями не исчерпываются. Во многих других случаях, однако, грань между совпадающими и несовпадающими позициями государств может становиться более расплывчатой и неопределенной. Еще более неясна эта грань в ситуациях, касающихся военной безопасности. Дело тут, как представляется, заключается в следующем.

Каждое государство при решении конкретно стоящих перед ним задач, касающихся, в частности, вопросов военной и экологической безопасности, взвешивает с одной стороны свои общеглобальные, а с другой стороны, конкретные прагматические интересы. Это означает, что если государство при изучении какой-либо своей планируемой акции придёт к выводу, что она в качестве своего глобального последствия может привести к всемирной катастрофе, то такая акция, естественно, осуществляться не будет. В этом случае глобальные интересы решительно перевешивают все прочие возможные и предполагаемые конкретные выгоды.

Бесколько иная ситуация возникает, если, по мнению государства, планируемые им шаги не угрожают катастрофическими последствиями. В таком случае делается, вероятно, оценка степени серьезности угрозы, которая может возникнуть. Например, решается вопрос об оборудовании судов для перевозки грузов, способных создать угрозу окружающей среде (ядовитые, радиоактивные вещества, нефть и т.д.). Ясно, что непредвиденная авария может произойти с судном, оборудованным сколь угодно хорошо (известно немало случаев, когда гибли самые "непотопляемые" суда). В таком случае возникает вопрос, сколь велик шанс аварии и сколь велик будет ущерб в случае загрязнения морской среды. Можно предположить, какой логикой могут руководствоваться политики и специалисты при оценке подобных ситуаций. Если речь идет, например, о танкере с большим водоизмещением, то очевидно, что риск

аварии достаточно велик. Более того, разлив нефти, как показали аварии с "Амоко Кадис" и другими танкерами¹, не только загрязняет огромные пространства моря и наносит необычайно высокий экологический ущерб, но и чреват серьезными политическими последствиями, ущербом для политического престижа государства. В таком случае государство будет вполне готово пойти на заключение международного соглашения, которое регулировало бы размеры ответственности, предусматривало бы определенные стандарты и требования, тем самым одновременно выступая как бы в роли формального оправдания в случае аварии - все международные требования соблюдены, значит, нельзя винить страну в небрежности, в пренебрежении интересами других государств. Более того, если при формировании такой позиции страна придет к выводу, что аварии могут произойти (или уже происходили) с чужими судами у ее берегов, то это только прибавит ей решимости бороться за заключение соответствующего международного соглашения, причем регулирующего достаточно жестко данную проблему (например, авария в Клайпедском порту в 1981 году).

Близкими будут позиции государств и по такой, к примеру, проблеме, как безопасное обращение с ядерным материалом. Опасные и обширные последствия ядерных аварий, весьма широкий общественный резонанс на них не оставляют места для каких-либо сомнений, какую линию проводить в этом вопросе. Об этом свидетельствует Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г., Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г. и Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г. В этом смысле показательна также предложенная Советским Союзом в МАГАТЭ (естественно, уже после событий в Чернобыле) программа создания международного режима безопасного развития ядерной энергетики² (к этой же группе соглашений следует отнести и Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г.). Обсуждение конвенций 1986 г. может быть хорошей иллюстрацией к рассматриваемому вопросу. С одной стороны, чернобыльская авария со всей очевидностью показала реальную возможность возникновения подобных опасных ситуаций, сразу изменив соотношение в понимании, какой риск еще можно считать приемлемым, а какой уже нет. Обе конвенции удалось разработать и принять в рекордные для документов такого типа сроки. Все те положения, по которым мнения участвовавших в конференции государств совпадали, удалось согласовать достаточно быстро. Однако даже несмотря на то, что чрезвычайная ситуация требовала принятия, казалось бы, максимально возможных мер защиты, тем не менее по некоторым вопросам согласие так и не было достигнуто. Надо полагать, что эти вопросы как раз и касались тех самых областей, в которых некоторые из участвовавших в конференции государств допускали возможность "разумного" риска (вполне возможно, что такое допущение и является вполне обоснованным даже вопреки широкому общественному мнению). Например, в конвенциях не нашел должного отражения вопрос об оповещении в случае аварий с ядерным оружием, и компромиссные формулировки на этот счет вряд ли оправданно рассматривать как окончательные его разрешения, хотя советская делегация и заявила о своей готовности оповещать о всех случаях ядерных аварий³. Не разработано также пока в рамках Конференции по разоружению и соглашению о недопустимости нападения на ядерные установки.

Достаточно единую позицию занимает значительная группа стран и по ряду вопросов военной безопасности. Тут можно привести целую группу международных соглашений - о нераспространении ядерного оружия, о мирном использовании космического пространства, о сокращении

вооружений и многие другие. Мотивы, побуждающие государства занимать сходные позиции, не всегда одинаковы. Наиболее очевидный мотив - это предотвращение военных конфликтов. Можно, однако, предположить, что нередко в качестве важного мотива выступает желание укрепить на международной арене свой политический авторитет, снизить накал критики за проведение милитаристского курса. Вероятно, в какой-то мере это может касаться вопросов сокращения некоторых видов вооружений, когда реально вряд ли можно высоко оценивать вероятность возникновения вооруженного конфликта между заинтересованными сторонами, тем более когда разоружение охватывает лишь отдельные виды военных средств в их военных арсеналах.

Выше описаны некоторые из ситуаций, которые в силу тех или иных, но относительно близких причин достаточно обширные группы государств или некоторые государства хотели бы предотвратить, или некоторые из целей, которые они желали бы достичь. Тем не менее далеко не всегда государства едины в подходе к ситуациям, касающимся рассматриваемых проблем обеспечения мира и охраны окружающей среды.

Действительно, практически любое производство, сколь угодно совершенное, сопровождается какими-то вредными воздействиями на окружающую среду, допустимым или недопустимым в соответствии с установленными требованиями. Практически нельзя предусмотреть и гарантировать того, что та или иная авария, сопровождающаяся опасным для окружающей среды последствием, не случится. Видимо, нет нужды приводить фактический материал в подтверждение этого утверждения - история человечества за последние несколько десятилетий изобилует роковыми случайностями, которые по расчетам были практически невозможны. Немало и таких случаев, когда было достаточно оснований предполагать, что та или иная деятельность может привести к опасному повышению уровня загрязнения окружающей среды. Тем не менее такая деятельность осуществлялась, а ее негативные последствия, несмотря, казалось бы, на их очевидную опасность, тем не менее не были вовремя предотвращены.

Что касается военной безопасности, то и в этой области мы являемся свидетелями целого ряда вооруженных конфликтов⁴, случаев использования силы или угрозы применением силы, беспрецедентного наращивания вооружений, разработки новых крайне опасных средств ведения боевых действий, расширения круга стран, владеющих новыми видами вооружений, в том числе и оружием массового уничтожения. Нередко высказывается мнение, что применение силы уже изначально заложено в современных моделях глобальной международной системы⁵.

2. "Разумный" риск и "примлемый" ущерб

Что же лежит в основе мотивов, которыми руководствуются те или иные государства, занимая позицию, ведущую в конечном итоге к опасным последствиям? Надо признать, что взвешивая все "за" и "против" перед принятием какого-то решения, соответствующие государственные деятели предполагают, что общие опасные последствия не должны наступить, либо что они будут столь незначительны или наступят в столь отдаленном будущем, что ущерб окажется достаточно меньше тех конкретных преимуществ, которых предполагалось добиться. Если достаточно заблаговременно до возникновения опасной военной или экологической ситуации можно было бы высказать мнение о ней соответствующих лиц, ответственных за принятие государственных решений, то, наверное, никто из них не высказался бы за вооруженный

конфликт или за нанесение ущерба окружающей среде, чреватые глобальными опасными последствиями. Тем не менее, опасность возникновения таких ситуаций время от времени появляется. Видно, основная причина этого - серьезный просчет в прогнозировании последствий планируемых шагов»6.

Для целей данного исследования, касающегося возможностей использования средств международного права для предотвращения глобально опасных и ограниченно опасных ситуаций, важен сам факт, что на определенном этапе государство может осознанно придерживаться курса, способного в дальнейшем привести к последствиям, которых оно не желало. Только на том этапе, когда такие последствия становятся очевидными, стороны, которых они касаются, занимают единую позицию, направленную на их предотвращение. До того же момента, когда ситуация становится очевидной, некоторые или все государства, которых эта ситуация касается, вполне осознанно ведут линию, которая в дальнейшем вопреки их воле в конечном итоге приводит или может привести к неблагоприятным последствиям. В этой связи представляется уместным привести подсчеты института Брунингса, согласно которым с 1946 по 1975 г. США использовали свои вооруженные силы в политических целях в 215 случаях, а угрозы применения ядерного оружия - в 19 случаях»7.

Что же лежит в основе возможности того, что отдельные государства проводят такой опасный курс? Видно, причина заключается в том, что такие государства в принципе допускают возможность ограничения ущерба экологической и военной безопасности или считают возможным существование ситуации, предполагающей "разумный" риск перерастания ее в опасную. По существу речь идет о существовании морали государства и ее политических лидеров, которая не совпадает с общечеловеческой моралью»8. Можно понять, что это означает на практике. Понятно, что увеличение запасов вооружений, разработка все более сложного и эффективного оружия несомненно предполагает какое-то увеличение риска возникновения, например, случайного его применения. Другой вопрос, сколь велик этот риск. С момента изобретения ядерного оружия бывали даже ситуации, когда самолеты теряли такое оружие, происходили аварии с носителями ядерных боеголовок и т.д.»9. Во насколько известно, ни разу не имел места случайный ядерный взрыв боевых средств. Сколь же велик и приемлем ли риск такого случайного взрыва? Другой пример: даже за последние десятилетия человечество не раз становилось свидетелем фактов применения силы и возникновения военных конфликтов. Можно предполагать, что все случаи применения силы были результатом преднамеренного государственного курса и по крайней мере часть государств была готова участвовать в вооруженном конфликте. Думается, что тут речь также идет об "ограниченном" ущербе и "разумном" риске, т.к. такие государства не предполагали, очевидно, что существует реальный шанс создать угрозу для безопасности всего человечества или даже угрозу только их собственному существованию.

В области охраны окружающей среды примеры, по существу, тождественные. Многие государства создают у себя ядерные электростанции, причем достаточно часто в густонаселенных районах. Понятно, что теоретически сколь ни мал шанс аварии, но он будет существовать в любом случае. Значит, государство предполагает, что оно идет на разумный риск, если считает, что такой шанс действительно настолько мал, что им можно пренебречь. Точно так же какой-то ущерб окружающей среде наносит практически любое промышленное производство. Размеры ущерба в принципе известны в каждом таком случае. Другое дело, что опять-таки никто не сможет

дать стопроцентную гарантию, что такие внешне безвредные последствия не смогут в какой-нибудь невероятной комбинации или в каком-то непредвиденном направлении и в течение значительного периода времени привести к серьезно опасным последствиям. Тут речь идет о "пределах", "ограниченном" ущербе. За примерами такие не надо ходить далеко. Всем известны последствия применения ДДТ, возникновения кислотных дождей, разрушение озонового слоя в результате использования определенных химических веществ и т.д.

Роберт Гилпин выдвинул пять положений, лежащих, по его мнению, в основе изменения или сохранения международной ситуации: международная система стабильна, если ни одно государство или группа государств не считает выгодным ее менять; государство или государства допытываются изменить систему, если ожидаемые от этого выгоды перевешивают предполагаемые отрицательные результаты; государства будут стремиться изменить международную систему до тех пор, пока предполагаемая цена дальнейших изменений не сравняется или не превышает предполагаемых выгод; как только достигнут баланс между ценой и выгодностью дальнейших изменений, будет наблюдаться тенденция более быстрого возрастания экономической стоимости поддержания *status quo*, чем необходимых для этого экономических возможностей; если нарушение баланса международной системы не ликвидировано, то тогда система будет изменена и будет установлен новый баланс, основывающийся на перераспределении сил¹⁰. В предложенной схеме интересна позиция автора в отношении баланса между выгодой от перемен и их ценой. Как представляется, тут можно усмотреть определенную близость с предложенной в данной работе идеей разумного риска и ограниченного ущерба, хотя, конечно, очевидно и различия, заключающаяся, в частности, в том, что у Гилпина речь идет о любых изменениях, а не только о тех, которые связаны с проблемой выживания человечества.

Несомненно, что любое общество развивается по определенным законам, носителями исторического характера. Вместе с тем, для целей именно данного исследования было бы, видимо, правильно избежать искушения объяснить развитие всех общественных отношений, лишь исходя из таких общих исторических законов. В данной главе автор исследует причины возникновения опасных ситуаций, исходя скорее из законов развития отдельной личности или относительно узких социальных групп, хотя постоянно это не подчеркивает, употребляя терминологию общего плана, такую, например, как "позиция государства". Это происходит, конечно, не из заблуждения, а лишь в целях упрощения изложения. Видимо, должно представляться достаточно очевидным то, что такие понятия, как "разумный риск" и "ограниченный ущерб" применимы именно к поступкам личности и связаны скорее с категориями морали (в том числе, конечно, общественной и международной), но и одновременно морали отдельной личности), чем права. Такой подход не есть отказ от объяснения общественного развития не на основе исторических законов. Дело в том, что именно в данном случае на поверхности явления лежит не столько общая закономерность, сколько психология отдельной личности, что следует из достаточно простого положения — ни при какой ситуации нормальная личность не может вести дело к всеобщей катастрофе, то есть и к своему собственному уничтожению. Вероятно это скорее закономерность более общего плана, поскольку в аномальных случаях личность способна уничтожить себя физически, а общество нет. По счастью, нам пока не пришлось убедиться в обратном. Тем не менее формирование явления имеет место скорее в сознании отдельной личности или относительно узкого круга лиц, принимающих государственные решения или влияющих

на их характер, и прямо, как видится автору, не вытекает из общих законов общественного развития, которые могут лишь вести к более или менее благоприятной для этого обстановке. Иными словами, в данном конкретном случае применить, например, классовую теорию развития общества или в целом пытаться объяснить ситуацию, опираясь непосредственно на учение об историческом материализме, не представляется продуктивным. Если можно пытаться, например, предвидеть мирный или немирный ход тех или иных исторических событий, предсказывать революционный характер перехода от одного способа производства к другому, опираясь непосредственно на общую теорию развития общества, то описать возникновение опасности всеобщей катастрофы на основе такого же подхода для автора не видится возможным.

Необходимо в связи с данной темой коснуться также таких понятий, как международный деликт и международное преступление. С одной стороны, представляется, что действия, которые ведут к опасности всемирной катастрофы, справедливо было бы рассматривать как международное преступление, т.е. как международное противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление перед международным сообществом в целом¹¹. Тем не менее следует все-таки удерживаться от искушения считать, что международные преступления — это действия, прямо направленные на создание опасной для человечества ситуации, а все остальные нарушения международного права можно считать международными деликтами. Действительно, если какие-то действия совершенно очевидно ведут к катастрофе, т.е. к ситуации, когда государство — индикатор таких действий само будет уничтожено, и это государство само подобную опасность создает, совершенно, видимо, несправедливо исходить из того, что оно умышленно такие действия предпримет. Соответственно, тут правильнее было бы говорить о случайности, а не об умышленных действиях. Другое дело, когда государство — актор надеется на благоприятный исход. Оно при этом может заблуждаться, но тем не менее речь тут идет уже об ограниченном ущербе и о разумном риске, которые по определению предполагают, что в силу просчета может возникнуть глобальная угроза. Кроме того, опасная ситуация, возникшая в целом случайно, могла иметь в качестве одной из причин и правонарушение, не носящее столь серьезного характера, как международные преступления (т.е. речь идет о международном деликте). Иными словами, международное преступление и международный деликт не эквивалентны, с одной стороны, действиям, прямо и очевидно ведущим к глобальной катастрофе, и, с другой стороны, действиям, предполагающим возможность "разумного" риска и "ограниченного" ущерба.

Будут ли позиции государств совпадать в вопросах, когда речь идет о "разумном" риске и "ограниченном" ущербе? Представляется очевидным, что она будет совпадать лишь тогда, когда сами такие государства будут намерены проводить линию, предполагающую подобный риск и ущерб. Однако в такой ситуации не будет и стоять вопрос о запрещении мероприятий, проводимых в соответствии с подобной линией. В лучшем случае речь пойдет о внешней регламентации, предполагающей сохранение ситуации в "разумных" и "ограниченных" рамках. Тогда же, когда какие-то государства будут предполагать, что они могут пострадать в результате чьих-то мероприятий, основанных на "разумном" риске и "ограниченном" ущербе, то несомненно их позиция не совпадет с позицией государств, организовавших такие мероприятия.

Для защиты своих прав они скорее всего объединят свои усилия, однако, это будет использованное уже не правовых, а иных средств принуждения. Что же касается использования правовых рычагов, то в этом отношении можно сказать следующее.

Мы подошли к формулированию важного критерия, на основе которого можно определять, какие правовые средства следует использовать - документальное оформление или "мягкое" принуждение. Действительно, если мы еще раз обратимся к категориям "разумный" риск и "привлекательный" ущерб, то приходим к выводу, что они всегда сопровождаются намеренными действиями государства и предполагает несопадение позиций отдельных государств. Наоборот, ситуация, в возникновении которых ни одно государство не заинтересовано, сопровождается совпадающими позициями (по определению) и отсутствием преднамеренных действий, наличием случая.

Если позиция государства совпадает, то речь идет о документальном оформлении, а если не совпадает, то, видимо, о "мягком" принуждении. Логично выстраивается следующий вывод - если имеет место намерение, то используется "мягкое" принуждение, а если непропорциональные действия и случай - то документальное оформление.

Как представляется, использование критерия намеренного и случайного результата может оказаться достаточно полезным на практике при выборе внешнеполитических и дипломатических средств (в нашем случае правовых средств) для решения определенных проблем.

Если какое-то государство или группа государств намеренно проводит курс, который, по оценкам других сторон, может быть опасным, то можно ожидать, что такие государства будут одновременно вести следующую линию в отношении возможности заключения или соблюдения правовых норм, ограничивающих такой курс. Во-первых, они под любыми предлогами станут избегать участия в переговорах, касающихся выработки подобных норм. Если же уйти от переговоров по политическим соображениям будет сложно, и участвовать в них все-таки придется, то это государство постарается не допустить принятия решений, по крайней мере, реально ограничивающих его возможности в планируемой им области¹². Даже если соответствующие договоренности будут разработаны и заключены, то вряд ли удастся добиться, что выступавшее (пусть скрытно) против них государство присоединится к ним. Даже если страна уже является участницей международного соглашения, ограничивающего какую-то деятельность, и она на каком-то этапе сочтет, что осуществлять такую деятельность ей выгодно, и ищется, по ее мнению, условия, обеспечивающие разумный риск и опасность лишь ограниченного ущерба, то эта страна просто откажется от такого соглашения, приняв, конечно, в учет соображения политического и морального порядка. В данном случае мы имеем дело с ограничением возможности принуждения. Обычно никакими правовыми средствами (да, наперное, и не только правовыми) не удастся резко изменить положение вещей в такой ситуации.

Эту ситуацию ясно и наглядно могут проиллюстрировать примеры из области борьбы за разоружение. Хорошо известна позиция США, длительное время либо избегавших ряда переговоров, касающихся ограничения и сокращения определенных видов вооружений, либо участвовавших в них, но чисто формально, во многом, видимо, руководствуясь лишь соображениями воздействия на общественное мнение. Даже если какие-то решения принимались и соглашения выработывались (например, ОСВ-2), они потом не ратифицировались. Как только США сочли, что Договор по противоракетной обороне сдерживает их военные космические программы, они приняли курс на фактический отказ от него ("широкое" толкование договора именно это и означало).

В других областях достаточно показательны позиции государств, не участвующих в ряде международных соглашений - Договоре о нераспространении ядерного оружия, Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах и т.д.

Позиция государств может достаточно радикально измениться в отношении тех проблем, которые, как выясняется, касаются выживания человечества. В отличие от большинства (но не всех) международных вопросов, эти проблемы будут рассматриваться международным сообществом однозначно - с точки зрения их скорейшего успешного разрешения. Таким образом, если станут очевидными (в результате различных обстоятельств - аварии, достаточно убедительных доказательств ученых), что существующая проблема реально связана с решением вопроса о выживании человечества, то можно ожидать, что по отношению к ней сформируется единый подход. Достаточно показать, что "разумный" риск и "ограниченный" ущерб не будут таковыми и последствия могут последовать самые опасные, и это во многом способно предпринять успешное урегулирование конкретной проблемы. На практике встречается значительное количество примеров, подтверждающих это. Борьба за обеспечение выживания человечества идет по меньшей мере по двум крупным направлениям. Одно из них - политическое. Это, как правило, общественные движения или позиция отдельных государств, активно доказывающих опасные последствия тех или иных действий (загрязнения окружающей среды, гонки вооружений), т.е. по существу доказывающих, что ущерб и риск не будут ограниченными и разумными, или предлагающих модели поведения, способные снизить степень риска и отодвинуть пределы опасной ситуации¹³. Эта борьба, несшая, как уже было указано, скорее политический характер, ведется в дипломатической форме.

"Мягкое" принуждение - это второе крупное направление такой борьбы. Вообще говоря, в ряде случаев именно общественное движение, курс отдельных государств или групп государств, направленные против "разумного" риска и "ограниченного" ущерба, создают моральный климат, необходимый для "мягкого" принуждения. Но эти два направления хотя и являются двумя сторонами одной медали, но не одним и тем же. Первое основывается на методах морального, политического, научного воздействия (когда результаты научных исследований показывают, что риск и ущерб могут быть непрямыми) и лишь отчасти ведется в дипломатической форме. Второе же как правило ведется в дипломатической форме, существо его известно достаточно узкому кругу специалистов, оно основано на использовании специфических правовых методов и международного права в целом. Результаты его далеко не очевидны для общественности, и к тому же даже не всегда удается проследить, в итоге каких конкретных дипломатических шагов в прошлом возник сейчас тот или иной результат.

Возникает вопрос, можно ли использовать категории преднамеренности и случайности результата в качестве надежного критерия применимости тех или иных правовых средств в отношении проблем иных, чем обеспечение военной и экологической безопасности? Для ответа на него необходимо еще раз обратиться к существу использования этих категорий. Очевидно, что предпринимемые тем или иным государством международные акции являются результатом преднамеренно проводимого курса. Трудно представить себе какие-то действия в этой области, которые не были бы предварительны, по крайней мере, сформулированы. Другое дело, что результаты этих акций далеко не всегда совпадают с теми, которые предполагалось получить. Иными словами, внешнеполитические акции есть результат

преднамеренных действий, а возникавшие в результате этих акций ситуации могут по содержанию не совпадать с предварительными расчетами, т.е. быть в том числе и случайными. Весь вопрос заключается в том, сколь приемлемой может быть такая случайная ситуация, в нашем случае, когда речь идет о выживании человечества. Ответ однозначен - та часть случайно возникающих ситуаций, которая угрожает существованию человечества, является неприемлемой. В отношении ее можно ожидать наличия единого подхода со стороны всех государств. Те же ситуации, которые также затрагивают вопросы выживания, но не угрожают жизни на Земле, уже не всегда могут вызывать по отношению к себе такой однозначный подход. Взять к примеру войну между Ираном и Ираком. Известно, войдя ли эти страны планировали столь затяжные военные действия. Но поскольку война не угрожала одновременно им обоим катастрофическими последствиями, то позиции их в отношении возможности и порядка прекращения боевых действий не совпадали. Подобная же ситуация сложилась, например, в отношениях между США и Канадой по проблеме кислотных дождей. Ясно, что американские компании не преследовали цель вызвать такие кислотные дожди. Но сколь скоро подобная ситуация сложилась, возник вопрос об оценке ущерба и в целом характера опасности для каждой из сторон. Позиции сторон не совпали, поскольку каналы терпели только ущерб, а американская сторона, тоже страдавшая от этих дождей, одновременно была заинтересована в промышленном производстве.

Таким образом, напрашивается вывод, что критерий оценки ситуаций в зависимости от того, возникли ли они в результате преднамеренного планирования или случайно, имеет практическое значение лишь в том случае, если по рассматриваемой проблеме складывалась случайная ситуация будет вызывать однозначную реакцию всех государств, а в ином случае быть для них всех неприемлемой в силу угрозы для самого их существования. В принципе, критерий преднамеренности и случайности может быть использован для анализа разных проблем, но в данном случае он несомненно применим в силу того очевидного обстоятельства, что государства не заинтересованы в своем собственном уничтожении. Например, можно быть уверенным, что у большинства государств будет близкая позиция, по такой ситуации [возникающей, естественно, не в силу преднамеренных шагов], как опаснее заболеть, даже если она и не угрожает уничтожением всего человечества. В международной практике можно найти достаточное количество и других подобных примеров, касающихся безопасности человечества.

Как уже было отмечено, практически все внешнеполитические государственные акции являются результатом предварительного планирования, т.е. осуществляются преднамеренно (за исключением, может быть, случайных высказываний государственных деятелей и других подобных ситуаций), однако, результаты таких преднамеренных акций, т.е. реально возникающие ситуации, далеко не всегда совпадают с прогнозом. Если они не совпадают в достаточно существенной мере, никем предварительно не планировались и не ожидались, можно считать их возникающими случайно. На практике, однако, грань между случайными ситуациями и преднамеренным результатом далеко не такая ясная и очевидная, как в теории, и, вообще говоря, в определенной мере условная. Во-первых, отдельные государства могут предвидеть катастрофические последствия каких-то шагов. Могут предвидеть их и какие-то социальные группы (партия "зеленых", например), отдельные ученые, политические и общественные деятели. Конкретных примеров из области борьбы за мир и за охрану окружающей среды можно было бы привести предостаточно. Вопрос заключается в том, в какой мере

прогнозы этих государств, специальных групп и отдельных лиц принимаются в расчет другими государствами в процессе формирования внешнеполитического курса (или внутриполитического, но затрагивающего интересы других стран).

Во-вторых, далеко не сразу и не очевидно возникает ситуация, опасная для существования человечества. Это особенно касается состояния окружающей среды, поскольку всемирная военная катастрофа, если она случится, произойдет скорее всего не только неожиданно, но и весьма быстро. Если же ситуация перерастает в опасную постепенно, то она попадает под категорию опасной тогда, когда большинство государств убеждается, во-первых, что развитие событий выходит из-под контроля, и, во-вторых, что оно приобретает опасный характер. Именно эти три критерия (выход из-под контроля, опасный характер и всеобщее осознание этого) определяют и грань между ситуациями, возникающими в силу преднамеренного курса и случайными ситуациями. Важно подчеркнуть, что случайные ситуации могут возникнуть как самостоятельно ("случайная" война в силу технической ошибки, авария), так и перерасти из запланированных ситуаций (ограниченная война, ограниченный экологический ущерб).

Говоря о случайных ситуациях, необходимо отметить, что в современную эпоху, вообще, видимо, необходимо более внимательно изучить такую категорию, как случай. Случайные события могли сыграть значительную роль и раньше. И в предыдущие времена случайные события, касающиеся, например, отдельных государственных деятелей, приводили в конечном итоге к международным событиям большого значения. Случайно занесенные опасные болезни ставились настоящим бедствием для целых континентов. Однако никогда раньше не существовало двух важных факторов. Во-первых, сейчас степень освоения планеты столь велика и она столь плотно заселена, что последствия значительно большего числа случайно возникающих опасных ситуаций могут затронуть всю цивилизацию. Во-вторых, уровень развития техники стал небывало высоким. Произошла научно-техническая революция, которая ознаменовала начало периода, когда научные идеи стали способны создавать новые материальные блага непосредственно, без промежуточных производственных звеньев. Однако отрицательной стороной высокого развития техники и новой роли науки стало то, что точно так же, как и положительные, так и отрицательные результаты отдельных научных расчетов и предложений, а также технических мероприятий стали носить глобальный характер. Опасность последствий интеллектуальной или технической ошибки приобрела глобальный характер. В этом смысле роль такой ошибки, роль опасной случайности и стала самостоятельной категорией, фактором, способным вызывать проблемы глобального характера. По существу, человечество на практике уже предпринимает меры, чтобы предотвратить возможные последствия таких случайностей или сами эти случайности. Уже вырабатаны и действует Конвенция о физической защите ядерного материала, об оповещении в случае ядерных аварий, есть соглашение об экстренной связи между СССР и США в случаях угрозы миру. Более мягкие соглашения регулируют вопросы, например, грузовой марки (т.е. направлены против перегрузки судна и фактически против возможности аварии) и др.

3. Умысел, неосторожность, упущение, вина, самонадзорность

В праве существует уже давно сложившиеся категории умысла,

неосторожности, упущения, вины. Однако, видимо, ни одно из них не является полным эквивалентом категорий преднамеренного результата и случайного результата и не сможет выполнять их функций в целях данного исследования.

112 Действительно, мы рассматриваем ситуации, возникающие как в силу преднамеренного курса государства, так и возникшие непреднамеренно, случайно. Важно то, что далеко не все такие ситуации, как одного, так и другого вида, представляют реальную опасность для существования человечества. Далеко не все преднамеренные действия, приведшие в конечном итоге к опасной ситуации, являются международным деликтом. Более того, не все нарушения международного права, и даже не все международные преступления в принципе могут прямо привести к ситуации, угрожающей существованию человечества. Отправная точка, центр данного исследования - это обеспечение выживания человечества. Исходя из этого, предлагаются средства, способные обеспечить достижение цели, предлагаются критерии оценки этих средств, основывающиеся на практической и теоретической целесообразности, определяются правовые категории, которые могут быть эффективно использованы именно для решения данной конкретной задачи - обеспечения предотвращения военной и экологической опасности, угрожающей существованию человечества. При этом, конечно, вполне возможно, что методы и категории, которые определены в данном исследовании, могут оказаться полезными и при анализе других правовых ситуаций. Цель этой работы - определить пути возникновения и развития опасных для существования человечества ситуаций и одновременно найти юридические пути противодействия этому процессу. Не все нарушения международного права прямо угрожают существованию человечества и точно также не все ведущие к такой угрозе действия противоречат международному праву. Например, агрессия - наиболее опасное международное преступление противоправно, и борьба против ее возникновения несомненно связана с проблемой выживания. Подобную же опасность представляет и накопление запасов оружия, разработка новых его видов, торговля оружием. Далеко не всегда, однако, можно считать эту деятельность противоправной. Видимо, обоснованно предполагать, что серьезное нарушение теплового баланса планеты грозит катастрофическими последствиями, но в международном праве вряд ли удастся найти нормы или принципы, хотя сколь-нибудь определенно касающиеся этой проблемы, если речь не идет, конечно, об умаленном воздействии на окружающую среду в военных целях.

Наиболее близкими к категориям преднамеренного и случайного результата являются в праве умысел, неосторожность, упущение, самонадеянность. Умысел является одной из форм вины. Для вины, конечно, необходимо, чтобы субъект сознавал опасный характер своих действий, предвидел опасные последствия, сознательно допускал их наступление. Нужно, однако, еще раз подчеркнуть разницу между просто опасными последствиями и последствиями, опасными для существования человечества. Это далеко не одно и то же. Не вызывает сомнений, что с международными преступлениями следует бороться, а нарушений международного права следует не допускать. Но в еще большей мере необходимо стремиться достичь главную цель - обеспечить выживание человечества, и методы борьбы за это имеют свою специфику (хотя, конечно, такой подход совсем не означает, что не нужно бороться, скажем, против нарушений международного права в целом).

Такая специфика заключается в следующем. Можно уверенно утверждать, что ни одно государство не ставит своей целью уничтожение человечества, не планирует действий, направленных на достижение этой цели. Если исходить из этого положения, то можно

считать, что при квалификации действий, способных привести к такому результату, нельзя говорить об умысле. Вина в таком случае может существовать (а может и не существовать), но это скорее преступная самонадеянность или небрежность, т.е. неосторожность. Таким образом, когда мы говорим об умаленном результате, то не имеем в виду, что этот результат — уничтожение человеческой цивилизации. А значит, категории умысла и неосторожности, хотя они где-то и перекликаются с категориями умаленного и случайного результата, тем не менее не применимы.

Следует отметить, что институт ответственности занимает своеобразное место при решении проблем, связанных с выживанием человечества. Как уже мы выяснили, далеко не всегда можно говорить о наличии вины в случаях возникновения опасных для всего человечества ситуаций. А раз нет вины — значит не может быть и основной на ней ответственности (хотя возможна абсолютная или объективная ответственность¹⁴). Абсурдно, кроме того, говорить об ответственности, когда речь идет о возможном уничтожении объекта этой ответственности. Тем не менее этот институт все-таки играет определенную роль при решении проблем, связанных с выживанием человечества, и этот аспект проблемы будет подробнее рассмотрен ниже. Кроме того, вина — это отношение к своим действиям, а умаленный и случайный результат — это по определению результат такой вины. Подход к оценке событий по результату, а не по наличию вины, продиктован в том, что определение вины необходимо не само по себе, а для решения вопроса об ответственности.

Нужно также отметить, что, например, в статье 3 проекта статей об ответственности государств, разработанного в Комиссии международного права ООН, понятие вины не упоминается в качестве необходимого элемента международного правового деяния государства.

4. Двойственный характер проблемы разоружения

Рассмотрим теперь, какие международные ситуации из уже известных можно отнести к возникающим как непреднамеренный результат какой-то деятельности и возникающим как преднамеренный результат государственного курса. Речь, разумеется, идет о ситуациях, которые в принципе можно считать опасными, способными перерасти в экологическую или военную катастрофу.

Особый интерес при этом представляет рассмотрение проблемы накопления запасов вооружений, их распространение и совершенствование. Внешне она выступает как единая проблема, а мы нередко склонны рассматривать и как единое целое путь борьбы с этим — разоружение¹⁵. Действительно, на практике пополнение запасов оружия и ликвидация их выступают как две взаимосвязанные стороны одного физического процесса. Можно, однако, взять на себя смелость утверждать, что, несмотря на внешнюю форму, единый процесс разоружения имеет своим основанием две совершенно различных движущих силы, и в зависимости от того, какая из них превалирует, можно рассчитывать, насколько переговоры об ограничении запасов вооружений, об их ликвидации или о противодействии их распространению будут успешными.

Возьмем уже сформулированный нами критерий преднамеренного и случайного результата. Для того чтобы его применить, установим, для каких целей существует оружие. Во-первых, оно может выступать как орудие осуществления насилия. Во все предыдущие эпохи оно в основном

именно такую роль часто и играло. Будучи произведенным, оно в конечном итоге когда-нибудь бывало и использовано. Конечно, наличие оружия является и фактором политического давления, позволяет угрожать использовать силу. Однако оружие — это и средство защиты. Возможность дать вооруженный отпор, нанести ответный удар служит уже сдерживающим фактором, удерживает другие государства, например, от агрессии. Если оба или несколько государств способны нанести эффективный ответный удар, если ни одно из них не имеет решающего военного преимущества над другим, то между ними устанавливается своеобразный баланс. Необходимость сдерживания породила и такое понятие (в том числе и в доктрине международного права), как уровень разумной достаточности¹⁶. Конечно, этот баланс является балансом силы и с точки зрения морали он не является лучшим способом поддержания мира (но совсем не с точки практической целесообразности). Тем не менее вооружения являются основой баланса силы, и, будучи одним из орудий противодействия агрессии, являются соответственно в определенной мере и способом поддержания мира, и эту их роль отрицать нелогично¹⁷, хотя несомненно, что сила и оружие не являются единственными серьезными факторами в вопросах сохранения мира. Уместно в этой связи привести высказывание Госсекретаря США Г. Киссинджера на конференции по внешней политике в 1973 г.: "Как только достаточность достигнута, дополнительное увеличение мощи не переводится в используемую политическую силу, а попытки достичь практических выгод могут привести к катастрофе"¹⁸.

Можно соглашаться или не соглашаться с точкой зрения, что именно ядерное оружие является основным сдерживающим агрессию фактором, поскольку оно, в отличие от обычных вооружений, позволяет намного легче нанести ответный удар, причем такой, который вызывает массовые разрушения. Может быть, такую же роль могут играть и химическое, и бактериологическое оружие.

Не вдаваясь пока более подробно в анализ проблемы разоружения, отметим также еще следующее. Можно ожидать, что в той мере, в какой запасы вооружений, их рост, совершенствование и накопление будут рассматриваться частью государств или всеми государствами как реальная угроза существованию человечества, заключение необходимых международных соглашений и принятие практических мер будет, по сути, лишь делом техники. В той же мере, в какой государства склонны рассматривать оружие как гарантию собственной независимости, как неизбежный элемент поддержания мира на основе баланса силы или как средство осуществлять ограниченное организованное насилие, не угрожающее, по их мнению, всеобщей военной катастрофой, то в этих пределах вряд ли можно рассчитывать на легкие дипломатические успехи. Тут скорее речь следует вести об изучении того, насколько риск является разумным, убедить в наличии реальной опасности другую сторону (если такая опасность действительно существует, что совсем не аксиома) и одновременно вести в отношении нее по дипломатическим и иным каналам линию "мягкого" принуждения. Такой курс, естественно, оправдан лишь тогда, когда действительно существует опасность катастрофических последствий.

Высказанное необходимо пояснить несколько подробнее. В принципе, является общепризнанным факт, что ядерный конфликт даже относительно ограниченного масштаба может угрожать катастрофическими для человечества последствиями. Между СССР и США — крупнейшими ядерными державами — давно ведутся переговоры по различным направлениям, касающиеся, в частности, проблемы владения ядерным оружием. В каждой из этих стран есть специалисты, которые придерживаются различных точек зрения, сколь мал или велик риск возникновения между СССР и

США ядерной войны. Однако имеется достаточно широко разделяемое понимание, что если такая война в силу хоть сколь угодно малого шанса, но состоится, то победителей в ней не будет. Естественно, что полной гарантии того, что подобное не случится, быть не может. Конфликт может состояться (если попробовать определить наиболее разумно возможную причину) в силу технической ошибки, например, сбоя в компьютерах, из-за неверной оценки чужих действий, по причине политического просчета, недостаточно продуманных политических и военных акций, наконец, в силу неконтролируемой эскалации бывшего сначала безобидным противоборством в каком-то вопросе. Конечно, все эти возможности крайне маловероятны, но полностью исключить их из расчета было бы неверно. Обратим внимание, что во всех этих случаях речь идет не о преднамеренном, а о случайном результате. Следовательно, вполне обоснованно было бы предполагать, что оба государства будут занимать одинаковые позиции в отношении необходимости снижения таких случайностей до минимума. Как закономерный практический итог этого и было заключено в 1973 г. соответствующее Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. Стороны Соглашения согласились "действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способных вызвать опасное обострение их отношений, избежать военных конфронтаций и чтобы исключить возникновение ядерной войны между каждой из сторон и другими странами"¹⁹. США и СССР пришли также к договоренности, что "если в какой-то момент отношения между сторонами или между каждой из сторон и другими странами будут выглядеть как влекущие риск ядерного конфликта или если отношения между странами, не являющимися участниками настоящего Соглашения, будут выглядеть как влекущие риск ядерной войны между СССР и США или между каждой из сторон и другими странами, Советский Союз и Соединенные Штаты ... незамедлительно приступят к срочным консультациям друг с другом и предпримут все усилия для предотвращения этого риска"²⁰. Этим, конечно, содержание Соглашения не исчерпывается, но приведенные выдержки представляются вполне показательными. Между СССР и США существуют и иные договоренности подобного содержания, однако в данном случае важно показать существо вопроса.

Можно ли считать достаточно опасными испытания ядерного оружия? Может быть, к ядерной катастрофе подобные испытания и не приведут, тем более, что они не привели к ней в конце 50-х и начале 60-х гг., но ущерб, который испытания наносили, представляется достаточно серьезным, во всяком случае, ущерб окружающей среде. В результате, в 1963 г. был заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. К моменту его заключения по крайней мере три основные ядерные страны - СССР, США и Великобритания - уже обладали ядерным оружием и уже испытали его основные виды. Запрещение испытаний для них не означало фактического запрета на разработку и владение таким оружием. Естественно, что ни одна из этих трех стран, уже обладая этим оружием, не желала наносить бессмысленный ущерб окружающей среде. Вероятно другой мотив - заключить всеобщий универсальный договор большого международного значения, неучастием в котором будет связано для других стран с определенными политическими выдержками. Не намереваясь в 60-е гг. непосредственно заняться созданием своего собственного ядерного оружия и стремясь, очевидно, не допустить, чтобы оно появилось и у других стран, многие государства стали его участниками. В результате теперь начать подобные испытания, выйти из Договора означало бы для них реальную опасность оказаться под серьезной международной критикой. Наверное, три государства - авторы договора, могли

предвидеть такое развитие ситуации, и они могли придерживаться по этому вопросу близких позиций. Хорошей иллюстрацией подобного подхода мог бы послужить и вопрос о нераспространении ядерного оружия. Данный частный пример, когда третья сторона вынуждена вступать в договор или по крайней мере его уважать, хорошо мог бы проиллюстрировать на практике существование "мягкого" принуждения. Так, в 1973 г. Австралия и Новая Зеландия обратились в Международный Суд с иском о заявлении против Франции в связи с ядерными испытаниями в южной части Тихого океана, в котором просили признать эти действия противоправными, Франция была вынуждена в 1975 г. отказаться от испытаний в атмосфере, т.е. уважать обязательство Договора 1963 г. не будучи его участником, хотя решение суда не могло быть для нее формально обязательным. Иными словами, политические издержки перевесили в расчетах Франции ее возможности оставаться на формальных позициях.

В целом же в данных случаях можно проследить закономерность - тогда, когда государства по какому-то вопросу стремятся предотвратить нежелательное, непланируемое или развитие событий, когда они имеют дело с возможностью случайного результата, то наличие совпадения принципиальных позиций, и как итог - заключение соответствующей договоренности.

Конечно, предотвращение опасного случайного результата - не единственный мотив заключения соглашений в области контроля над вооружениями. Поскольку вопрос о разоружении носит ярко политический характер и международная общественность остро на него реагирует, вполне естественны попытки достичь в этой области договоренностей, предусматривающих пусть не радикальные меры, но какие-то достаточно заметные шаги, что несомненно будет способствовать росту престижа сторон таких договоренностей. Вполне возможным мотивом может выступать и желание путем установления ограничений или сокращения вооружений в определенных областях сменить военно-стратегический баланс в свою пользу. Надо предполагать, что в любом случае этот фактор учитывается, особенно когда речь идет о государствах с различным научным и техническим потенциалом, когда структура их вооруженных сил различна и когда количества сокращаемых каждой стороной вооружений одного вида не совпадают. Такие попытки на практике несомненно имеют место и, в частности, это касалось переговоров между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и о сокращении стратегических наступательных вооружений*21.

Вышеуказанные соображения конъюнктурного характера не направлены на коренное решение вопроса о разоружении, но они могут служить определенной движущей силой в этом направлении и привести пусть и ограниченным, но каковы-то результатам.

Нужно отметить, что к примеру, приведенному выше и касавшемуся заключения соглашения о сохранении вооружений по политическим мотивам, с целью укрепить свой международный престиж сильного государства, не может быть применен критерий случайного и преднамеренного результата. Дело в том, что, как уже указывалось, использование этих критериев оправдано лишь в случаях, когда речь идет об опасности уничтожения человеческой цивилизации, о вызывании человечества. В данном же случае речь идет о достижении ограниченных целей, не связанных с вызыванием человечества. В этом сложность проблемы разоружения, которая внешне выступает как единый вопрос, но по существу имеет двояственный характер. Что же касается запрещения испытаний ядерного оружия в трех средах, то и к этой проблеме может быть применен критерий случайного результата лишь в той мере, в

какой действиями сторон договора руководили соображения не частного, а общего порядка — не предотвращение ограниченного ущерба окружающей среде, а обеспечение выживания человечества.

Несколько по-иному стоит вопрос в отношении примера, касающегося попыток сместить военно-стратегический баланс в свою сторону. Тут несомненно преднамеренный результат, попытка добиться с помощью дипломатических и политических средств цели, носитель в своем зародыше "разумный" риск и непосредственно не связанной, по расчетам, с опасностью всемирной катастрофы. Другой пример подобного рода — это активное нежелание Франции и Великобритании сокращать свой стратегический ядерный потенциал. Очевидно, эти страны строят свою позицию исходя из того, что обладание этим видом оружия гарантирует им не только независимость, но и особый статус в международных делах. Владение этим оружием рассматривается ими, надо полагать, как "разумный" риск, не угрожающий непосредственно ядерной катастрофой. На практике этот тезис далеко не так бесспорен — достаточно вспомнить хотя бы историю англо-аргентинского конфликта в связи с Фолклендскими островами и просочившиеся в этой связи в прессу сообщения о том, что Великобритания была готова к применению ядерного оружия.

Еще один пример — программа "звездных войн", которую США не склонны рассматривать в качестве угрозы существованию человечества. Вполне вероятно, что риск такого трагического исхода ничтожно мал, хотя, к сожалению, абсолютно точный ответ на этот вопрос может дать только практика.

Во всех этих случаях мы имеем дело с ситуацией, когда страны преднамеренно стремятся к достижению какого-то результата, который рассматривается другими сторонами как чреватый опасной всеобщей катастрофой. Нечего говорить, что в этих случаях нет оснований ожидать легкого достижения соглашений о предотвращении таких ситуаций. Тут возможны другие пути, и среди них уже упоминавшиеся нами "мягкое" принуждение и одновременные попытки просчитать и доказать реальную опасность позиции этих стран, убедить их на научном уровне или путем широкого общественного движения, что речь идет об угрозе их собственному существованию.

5. Ущерб окружающей среде

К ситуациям, угрожающим глобальной катастрофой и возникающим как непреднамеренный, случайный результат человеческой деятельности, можно отнести значительную часть случаев нанесения ущерба окружающей среде. Тут можно даже пойти дальше и утверждать, что практически любая достаточно крупная авария, вызвавшая загрязнение, даже пусть и не в таких масштабах, которые угрожают уничтожением жизни на Земле, является нежелательным результатом, который любые государства будут единодушно готовы предотвратить. Не всегда, конечно, заранее можно предполагать, аварии какого типа могут произойти, но после таких случаев международное сообщество нередко предпринимает весьма энергичные усилия, чтобы предотвратить впредь подобное опасное развитие событий. Яркий пример — авария в Чернобыле. После нее в довольно короткие сроки были выработаны и приняты такие соглашения, как Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии и Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, хотя за несколько лет до этого, несмотря на очевидную теоретическую возможность подобных опасных случайностей,

заинтересованные государства не предпринимали никаких подобных шагов в области международного права. Объяснение этому достаточно простое — риск подобных аварий выглядел как чрезвычайно малый, а значит практически приемлемый. Такой риск рассматривается как приемлемый, видимо, тогда, когда предполагают, что на практике, в силу крайне малых шансов, опасная ситуация просто невозможна, во всяком случае, в пределах данной страны. Практика порой опровергает подобные расчеты.

К сожалению, в практике многих государств нередко продолжает оставаться довольно расплывчатыми и понытия, какой ущерб окружающей среде можно считать приемлемым. И если принимается решение, что ущерб будет приемлемым, то следует ожидать и следующего шага — попыток достичь преднамеренного результата, который в силу некачественных расчетов, а может быть и невозможности точных расчетов, представит при определенных условиях такую угрозу окружающей среде, которую, если бы она была известна заранее, никто бы не рискнул рассматривать как приемлемую. К этой категории опасных ситуаций совершенно справедливо отнести не только те, которые влекут загрязнение окружающей среды, но и предполагающие иные виды воздействия на нее, например, ведущие к нарушению теплового баланса, к изменению климата (в частности, в масштабах региона — достаточно вспомнить проекты по повороту сибирских рек на юг), к разрушению основного слоя планеты.

Казалось бы, никакое загрязнение не может считаться желательным. Это, конечно, так. Но на другой чаше весов при принятии решений по этим вопросам нередко находятся иные, порой достаточно весомые факторы: соображения обороны, необходимость осуществлять экономическую деятельность. На практике, наверное, мало какое производство совсем не наносит ущерба окружающей природе. Чистые сооружения как правило дороги, да и не всегда эффективны. В таких условиях вполне понятно нежелание соответствующих компетентных организаций и лиц отказываться от осуществления важных экономических, а одновременно, может быть, и имеющих политическое звучание проектов. Например, в рамках Международного банка предлагалось, что если какая-либо страна желает получить экономическое содействие в осуществлении тех или иных промышленных проектов, она должна предусмотреть в этих проектах меры по охране окружающей среды. Развивавшиеся страны воспротивились, однако, таким строгим мерам (то есть соответствующим западным стандартам), рассматривая их в качестве препятствия быстрому и дешевому экономическому развитию*22.

В целом такой подход, наверное, имеет определенное оправдание (но только, конечно, не моральное). Видно, надо соглашаться с какими-то разумным экологическим ущербом, если он сопровождается существенными позитивными приобретениями в других областях. Действительно, не останавливаться же по этой причине все виды производства и не отказываться от всех благ современной цивилизации, если есть разумные основания полагать, что последствия не будут катастрофическими или по крайней мере слишком нежелательными и необратимыми.

В связи с этим нельзя не вспомнить первый доклад Римскому клубу, подготовленный Д. Медоузом и называвшийся "Пределы роста". Автор предлагал для предотвращения экологической катастрофы заморозить производство. В дальнейшем исследования на эту тему показали, что человечество еще не достигло такого уровня развития, когда дальнейшее расширение производства будет неизбежно вести к катастрофическому ухудшению состояния окружающей среды.

Нужно при этом отметить, что Д. Медоуз, предлагая такое ограничение производства, исходил все-таки из необходимости введения ограничений в условиях уже достигнутого высокого уровня развития экономики. При прогнозировании будущего состояния окружающей среды с помощью математических моделей раньше предлагались решения "нулевого роста", предполагавшие, что для предотвращения дальнейшего загрязнения необходимо охранять промышленное производство в существующих рамках*23.

Совсем другой вопрос, что считать приемлемым ущербом и как его подсчитывать. В реальной жизни большинство просчетов допускается именно в этой области, а эти просчеты и являются, по существу, первопричиной последующих нежелательных последствий. Выход тут может быть найден только за счет ответственных политических и административных решений, опирающихся на качественные научные расчеты.

6. Терроризм

Ситуации, возникавшие вопреки воле, видимо, всех (или почти всех?) государств - это террористические акты. Однако если в предыдущий период истории они могли угрожать лишь жизни отдельных людей или, может быть, ограниченных групп населения, то теперь ситуация в этом вопросе меняется в более неблагоприятную сторону. Мало того что акты терроризма участились, а число их явно склонно расти. Появилась реальная опасность, что в руки отдельных индивидуумов может попасть и ядерное оружие. Известны многочисленные попытки ядерного шантажа, а также случай, когда террористами планировалась акция по уничтожению 35 ядерных электростанций*24. Нельзя также исключать возможность использования в террористических целях химических или бактериологических средств. Последствия подобных террористических актов могут быть довольно обширными, а может и опасными для всего человечества. Конечно, отдельные личности не смогут уничтожить с помощью ядерного оружия жизнь на Земле в силу того простого предположения, что подобное оружие обладает все-таки определенными физическими размерами, не говоря уже о размерах самолетов и ракет-носителей. Действительно, нельзя же серьезно полагать, что в каких-то частных руках могут сосредоточиться десятки или тем более сотни ядерных боеголовок. Вряд ли можно говорить об опасности отравить достаточно обширные пространства, сопоставимые по размерам со всей планетой, но сама по себе угроза террористических актов, которые не могут быть желательными ни для одной из стран, позволила разработать целый ряд международных конвенций*25. Более острожно, однако, следует отнестись к проблеме распространения опасных болезней. История борьбы, например, со СПИДом показывает, и достаточно убедительно, что человеческая цивилизация пока не достигла такого уровня, чтобы гарантировать быструю разработку эффективных средств против новых опасных болезней. Что же касается ядерного и химического оружия, то нельзя сбрасывать со счетов и тот фактор, что их использование, само по себе и не угрожающее катастрофой, может спровоцировать крупный международный, а уже поэтому опасный для судеб человечества, конфликт или инициировать природные процессы, также с чрезвычайно опасными последствиями

7. Угроза применения силы

К ситуациям, возникающим как преднамеренный результат политики тех или иных государств и способным угрожать безопасности человечества, следует отнести применение силы, угрозу ее применения, политический и военный шантаж. К возникновению подобных ситуаций ведет также политика на достижение военного превосходства. Во всех подобных ситуациях государства, ответственные за их возникновение, конечно, не стремятся прямо подвести человечество к грани катастрофы, но тем не менее способствуют этому косвенно, считая, что "ограниченная ядерная война" возможна, что угроза применения силы вряд ли вызовет опасную ответную реакцию и не сможет привести к глобальному военному конфликту. До сих пор такой конфликт не произошел, но тем не менее представляется, что многие здравомыслящие политики в ряде ситуаций (но только не всегда) отвергнут как неприемлемый, неразумный риск подведение к такой ситуации. По мнению автора, действия советской стороны, которые привели к "карибскому кризису", как раз и попадают в категорию тех случаев, когда риск явно выходил за пределы разумных рамок. А к какой категории можно отнести планы США осуществить ядерную бомбардировку Советского Союза - "Дрошот", "Троян", "Кафмун" и др. ?*26

Обобщая, можно кратко вновь привести примеры возможных опасных ситуаций, являющихся либо случайными, либо преднамеренными результатами государственной деятельности. К нежелательным случайностям относятся всякого рода крупные аварии, влекущие загрязнение среды, угроза террористических актов (они являются случайными для государства, но преднамеренными для лиц, которые их планируют), возникновение международной конфликтной ситуации или даже войны в силу технических ошибок, например, сбоя в компьютерах, по причине неверной оценки чужих действий, политического просчета, неконтролируемой эскалации военного столкновения. К ним же относятся проблемы разработки и распространения таких видов оружия, которые могут представлять угрозу и для той страны, которая способна их применить. Речь идет, например, о бактериологическом или химическом, а тем более о ядерном оружии.

Ситуации, возникающие как преднамеренный результат курса государств, и в своей основе способные, вероятно, создать глобальную угрозу - это те, которые основываются на расчетах (правильнее сказать, на просчетах) предполагаемого разумного риска и ограниченного ущерба. Среди них такие проблемы, как накопление запасов вооружений, разработка их новых опасных видов, распространение определенных типов оружия в той или иной форме среди не являвших его ранее государств, вывод ядерного оружия в космос. Может быть опасным применение силы и угроза ее применения, навязывание гонки вооружений. Особая группа ситуаций касается преднамеренного нанесения ущерба окружающей среде как побочный и неизбежный результат промышленной и иной деятельности, т.е. те случаи, когда ответственные за них государства склонны неоправданно рассматривать подобный ущерб как приемлемый.

8. Обеспечение безопасности на национальном и международном уровне

Вопрос о правовых способах обеспечения безопасности государств, по

крайней мере, военной, уже достаточно подробно рассматривался в юридической литературе. Наиболее надежным способом обеспечения военной безопасности чаще всего вполне оправданно понималась физическая способность государства защитить себя от внешней опасности*27. Проблема обеспечения выживания человечества, затрагивающая к тому же не только военные, но и экологические вопросы, уже вряд ли может решаться только с таких позиций. Тут скорее нужно исследовать методы предотвращения и исправления как ошибок и просчетов других государств, так и своих собственных, а также предотвращения опасных ситуаций, возникших случайно или непредвиденно. Способность защитить себя от внешнего врага есть в определенной мере и способ предотвращения войны, которая в конечном итоге может оказаться опасной для всего человечества. Однако ни одно государство не ставит своей целью уничтожить человеческую цивилизацию, и это может произойти лишь в силу просчетов и недосмотров, если, конечно, не принимать в расчет случай, когда предотвратить такой исход будет невозможно в силу объективных причин.

Оправданным представляется говорить о международном обеспечении выживания человечества, хотя при этом имеется в виду, что решения государств, преследующие эту цель, нередко будут непосредственно касаться внутренних проблем и лишь косвенно затрагивать другие страны, поскольку выживание человеческой цивилизации - это глобальная проблема.

9. Гарантии

Некоторыми юристами исследуется категория гарантий (в частности, международно-правовых) безопасности государств. При этом правильно отмечается, что гарантия есть просто высокая степень обеспечения какой-то цели и терминологически было бы точнее говорить просто об обеспечении, более или менее надежном, т.к. гарантия предполагает высшую (а значит, недостижимую?) степень надежности. Впрочем, термин "гарантия" достаточно прочно вошел в юридический язык и несомненно имеет право на существование*28.

В советской юридической литературе можно встретить упоминание о гарантиях нормативных, организационных (односторонних, двусторонних, многосторонних), материальных, прямых, косвенных, политических, международно-правовых. При этом имеется в виду в общих чертах следующее. Нормативные гарантии - это общие принципы международного права, затрагивающие вопросы безопасности. Организационные гарантии - это способы обеспечения безопасности, основывающиеся на односторонних, двусторонних или многосторонних действиях. Материальные гарантии предполагают принятие решений, влекущих физические последствия (например, разоружение), политические касаются лишь решений политического характера в соответствующих областях, а международно-правовые - это те же политические решения, но уже договорно оформленные. Прямые гарантии - это меры, непосредственно направленные на устранение угрозы войны, а также система мирного урегулирования споров, а косвенные гарантии - это все те меры и условия, которые пусть не прямо, но хоть как-то способствуют поддержанию мира (перестройка международных экономических отношений, уважение прав человека, создание нового информационного порядка). Каверное, все вышеперечисленные виды гарантий можно считать, исходя из связей, способами и средствами

обеспечения безопасности*29. Способом обеспечения являются и гарантии нормативные или международно-правовые. Международно-правовая норма есть согласованная воля государства, несмотря на свою специфическую правовую форму и относительную самостоятельность (абстрактность). Такая воля является одним из способов, которым эти государства стремятся обеспечить международную безопасность.

Нет никакого сомнения, что все вышеперечисленные способы и средства обеспечения безопасности справедливо разделены на различные группы в зависимости от их формы, содержания, субъекта, осуществляющего их, предмета, объема и т.д. Такие гарантии покрывают многие области, имеющие прямое отношение к обеспечению безопасности, а такие гарантии как косвенные, касаются весьма широкого круга вопросов, и вряд ли даже возможно достаточно полно все их перечислить.

Очевидно, что попытке классифицировать различные способы обеспечения безопасности имеет несомненно важное теоретическое значение, а значит, в конечном итоге и практическую значимость.

Путь решения проблемы обеспечения выживания человечества - это, видимо, использование всего арсенала существующих для этого способов. Выживание человечества связано не только с военной, но и с экологической безопасностью, но, как представляется, это по существу не должно отразиться на принципах классификации способов ее обеспечения. Возможно ли эффективно применять классификацию уже известных способов, составленную на основе, подобной вышеописанной? Наверное, ответить на этот вопрос можно будет лишь решив проблему, какова вообще практическая целесообразность такой классификации. Если подойти с точки зрения практических потребностей, то тогда, вероятно, удастся сузить круг всех теоретически возможных вариантов. Справедливым также представляется предложить классификацию, которая была бы достаточно подробной, охватывала бы все возможные ситуации и основывалась бы при этом на использовании лишь одного признака (или нескольких, если они учитываются одновременно).

Исходить из потребностей практики - значит, по крайней мере, определять, опираясь, в частности, на обоснованную систему классификации, какие средства и как надо использовать в тех или иных ситуациях. Подобный подход предполагает необходимость исходить в такой классификации скорее из характеристик предмета, угрожающего безопасности, а не из собственных характеристик применяемых при этом средств.

10. Три стадии опасных ситуаций

В целях подобной классификации могут быть использованы различные аспекты ситуаций, опасных для человечества. Не претендуя на наиболее оптимальное решение, представляется целесообразным попытаться основываться на критерии различных стадий существования опасных ситуаций. Вряд ли при этом будет возможно заранее предсказать все возможные виды и формы подобных ситуаций. Вероятно, в данном вопросе придется опираться на уже имеющийся у человечества опыт и на разумное, обоснованное предвидение случаев, которые могут возникнуть в будущем.

В военной области угрозу существованию человечества может представлять такое использование оружия, которое либо непосредственно вызовет массовую гибель населения, либо так изменит условия его существования, что они окажутся непригодными для жизни.

Экологическая катастрофа тоже возможна в этих двух вариантах - либо уничтожение человечества в результате непосредственного воздействия загрязняющих веществ, либо за счет непереносимого изменения условий проживания.

Обычно можно встретить мнение, что для человечества существует опасность самоуничтожения в результате лишь двух возможных опасных ситуаций - либо практически мгновенно погибнуть в пламени ядерной войны, либо постепенно разрушать окружающую среду и в конечном итоге сделать ее непригодной для существования. Представляется все-таки, что различия здесь далеко не столь очевидны, и даже более того, такую разницу в сужатах предполагать не только нецелесообразно, но и неправильно. Хорошо известен прогноз т.н. "ядерной зымы", которую вызовет достаточно обширное применение ядерного оружия. Угрозу в таком случае будет представлять именно радикальное, хотя и не мгновенное, изменение состояния биосферы. Более того, нельзя разграничить и эти ситуации на основе того, имеем ли мы дело с оружием или с мирным промышленным производством. Например, хотя ядерное оружие является частью военного арсенала, тем не менее его случайный взрыв вполне можно сравнить с аварией на мирном производстве. Меры по предотвращению такой случайности могут параллельно предполагать и предотвращение опасности войны (т.е. меры, связанные, например, с разоружением), а могут и просто быть направлены на предотвращение случайности, как таковой (порядок обращения с ядерным материалом). С такой же точки зрения можно подойти и к испытаниям опасных, разрушительных видов оружия. Запрет таких испытаний не только позволит избежать нежелательных экологических последствий, но и предотвратить совершенствование оружия, что, как можно предполагать, послужит сокращению вероятности войны. Изменение же характера пространства, где проводятся испытания (надежная защита, перенос испытаний под землю) влечет скорее лишь положительные итоги с точки зрения охраны среды обитания человека.

В области экологии также известны случаи, когда в результате загрязнения, особенно вызванного аварией, гибнет сразу значительное количество населения, причем из-за непосредственного воздействия опасных веществ. Конечно, пока вряд ли можно найти такую производственную или иную хозяйственную единицу, которая в случае ее разрушения могла бы создать глобальную угрозу. Даже крупнейшая авария чернобыльского ядерного реактора имела по существу крайне ограниченные последствия. Однако уже ведутся работы по созданию реактора, основанного на термоядерном синтезе, что, надо полагать, может представлять более серьезную опасность.

По сути дела, нет нужды разграничивать военную и экологическую угрозу. И та и другая проходят через следующие одинаковые стадии. Так, в любом случае всегда имеются какие-то причины, которые непосредственно и привели к возникновению нежелательных последствий. Кроме того, несомненно существует стадия, когда развитие событий приобрело очевидный для всех опасный характер. Между этими двумя стадиями существует еще одна стадия, на которой ситуация, чреватая опасными последствиями, уже сложилась, но реальная вероятность этих последствий еще неочевидна для всех сторон.

На практике эта схема может выглядеть следующим образом. Сначала складываются причины международной спорной, конфликтной ситуации, но самого конфликта пока нет (первая стадия). Затем возникает международный спор, с высокой вероятностью опасных последствий, но он еще не обострился настолько, чтобы привести к применению силы (вторая стадия). Затем, если спор не урегулирован, он перерастает в вооруженный конфликт, который уже непосредственно и очевидно для

всех создает опасность всемирной военной катастрофы (третья стадия). Точно так же сначала возникают причины, предпосылки нанесения ущерба биосфере, но сам этот ущерб еще пока не нанесен. На следующей стадии этот ущерб уже нанесен, но он носит как бы обобщенный характер, высокая вероятность его опасных глобальных последствий еще не очевидна для всех. К этой же стадии надо, видимо, отнести и ситуации, когда ущерб не нанесен, но созданы условия с высокой вероятностью опасных последствий, что очевидно не для всех, но по крайней мере для некоторых специалистов. Следующая, третья стадия - экологический ущерб очевиден, его опасный характер совершенно ясен для всех.

Еще один пример - террористические акции. Несомненной представляется стадия возникновения каких-то причин. Можно, наверное, выделить стадию завладения террористом опасными средствами. Несомненна третья стадия - применения этих средств.

Эту, пока несколько абстрактную, схему и общие примеры можно пояснить следующим образом. Конечно же, как и все явления окружающей нас жизни, эти стадии объединены между собой причинно-следственной связью. Бессмысленным представляется говорить о четвертой стадии - уничтожении жизни на Земле. Можно было бы взять только две стадии - очевидно опасную ситуацию и ситуацию, предшествующую ей. Конечно же последняя является причиной первой, не будучи одновременно наверняка опасной. Можно теоретически рассматривать и более длинную цепь причин и следствий, чем предложенная трехзвенная. Вероятно, в каких-то ситуациях, или в будущем, в условиях, когда можно будет делать более глубокие оценки и прогнозы, это будет даже необходимо. Однако, как будет показано ниже, если исходить из практических возможностей и, наверное, потребностей сегодняшнего дня и из имеющегося арсенала средств, то в большинстве случаев удастся более или менее надежно найти не только непосредственную причину уже существующей опасной ситуации, но и в силу нередкой очевидности этой причины установить достаточно определенно уже ее первопричину. При этом можно будет найти разумные средства для оказания позитивного воздействия на ход развития событий на всех этих трех стадиях. Более же глубокий анализ вряд ли окажется возможен без применения специальных методов.

Таким образом, если остановиться на трехзвенной системе, то первый элемент в ней можно было бы условно назвать стадией причины ущерба, второй - стадией высокой вероятности ущерба экологической или военной безопасности и третий - стадией ограниченного физического ущерба.

Следует понимать, что различие в стадиях лишь условно предполагает различие в субъективном отношении к вероятности их опасных последствий. Ясно, что нанесение физического ущерба в результате аварии или военных действий чаще всего более чем ясно означает опасность нежелательных последствий. Такая ситуация представляется очевидной для всех. Что же касается оценки вероятности нанесения ущерба в будущем, то тут субъективные оценки могут расходиться, и на практике чаще всего и расходятся. Нечего говорить, что еще более ранняя стадия будет очевидной своими опасными последствиями для еще более узкого круга лиц. С другой стороны, нельзя отрицать, что в результате высокой убедительности раннего научного прогноза все заинтересованные стороны осознают реальность опасных последствий и примут заблаговременные согласованные меры. И в качестве противоположного случая можно предположить (и к сожалению, не без оснований), что даже если военные действия охватят целый регион и несомненно могут представлять реальную опасность для всего человечества, тем не менее встретятся оценки, что оснований для

подобной глобальной угрозы нет.

Необходимо обратить внимание и на еще один условный элемент подразделения на три вышеописанные стадии. Дело в том, что выделение этих самостоятельных стадий совсем не означает, что каждая опасная ситуация будет развиваться по схеме: возникновение причины перспективного ущерба, формирование стадии с высокой вероятностью возникновения ущерба и, наконец, нанесение ограниченного физического ущерба. На практике вполне возможно, что причины межгосударственного столкновения приведут непосредственно к прямому военному столкновению, повлекшему глобальную катастрофу. В таком случае стадии высокой вероятности ущерба и ограниченного ущерба военной и экологической безопасности просто не успеют развиться. Суть деления на три стадии преследует следующую цель - если эти стадии выявляются на практике, то для принятия на каждой из них максимально эффективных мер будут предложены соответствующие специфические средства. По сути дела, характер этих средств вытекает уже достаточно очевидно из самого подразделения на вышеописанные стадии. Когда ущерб уже физически нанесен и развитие событий идет явно к катастрофе, обоснованно ожидать полного совпадения позиций государств в отношении необходимых шагов: во-первых, ограничить распространение ущерба и, во-вторых, ликвидировать опасную ситуацию. Единство позиций предполагает и метод формальных правовых действий документального юридического оформления. Важно при этом во избежание путаницы подчеркнуть, что речь идет не о физических действиях по предотвращению опасности, а о заранее предпринятых формальных действиях на основе разумного предположения, что рассматриваемая возможная ситуация будет для всех несправедливой. Надо полагать, что когда ход событий перейдет в область физического ущерба, предпринимать формальные юридические меры будет скорее всего просто некогда. В этот период уже должен на практике сработать защитный механизм, разработанный и согласованный заранее и на этой основе документально оформленный.

На стадии с высокой вероятностью возникновения ущерба будут интенсивно вестись научные исследования с целью выяснить степень такой вероятности. В случае, если это будет доказано, нужно ожидать, что результаты исследований будут доведены до всех заинтересованных сторон с целью убедить занять единую позицию на противодействие опасному развитию событий. В случае, если это удастся, останется лишь документально, юридически оформить имеющееся понимание. В этом же случае эффективным средством может оказаться одностороннее выдвижение на политическом уровне соответствующей инициативы, которая в такой ситуации вряд ли будет рассматриваться другими сторонами как пропагандистский шаг. Одновременно с проведением исследований степени вероятности риска будут использоваться дипломатические средства выяснения и ликвидации разногласий во взглядах сторон на степень опасности ситуации, что может завершиться принятием компромиссного решения и достижением ситуации, уже непосредственно не чреватой опасными последствиями. При этом скорее всего решение будет найдено в условиях, когда еще не удастся убедить все стороны, что исходная ситуация была реально опасной.

На этой же стадии возможно уже использование приемов воздействия на позицию другой стороны с помощью "мягкого" принуждения. Такой метод на этой стадии может быть эффективным скорее всего лишь в ограниченных масштабах ввиду достаточной очевидности для сторон непосредственных целей друг друга.

Только на стадии возникновения причины возможного перспективного ущерба безопасности имеются полные условия для применения метода

"мягкого" принуждения. Обсуждение проблем на уровне экспертов, причем в условиях, когда речь идет не о чисто теоретических вопросах, будет способствовать самому успешному поиску нужных развязок. Конечно, и на этой стадии параллельно ведутся научные исследования вероятности риска возникновения опасной ситуации, но их результаты, видимо, должны ложиться в основу прогнозных оценок, используемых одним из экспертов, прежде чем становится предметом широкомасштабной кампании по убеждению всех заинтересованных государств.

На этой стадии вряд ли можно говорить о средствах мирного урегулирования споров, поскольку тут интересы сторон еще не приобретают конкретной формы, а значит, и не приходят в прямое столкновение.

Что касается возможности применения метода публичного выдвижения широкообсуждаемой политической инициативы на стадиях причины и высокой вероятности ущерба, то это может быть оправдано лишь в той мере, в какой существует возможность для документального юридического оформления, а поскольку речь идет о проблемах обеспечения выживания человечества, то только в той степени, в какой точен и убедителен научный прогноз реальности глобальной катастрофы. И наоборот, если результаты такого прогноза подгоняются, чтобы выдать желаемое за действительное, то политические инициативы, выдвинутые в его подкрепление, приведут к прямо противоположным результатам, надолго скомпрометировав возможность принятия в необходимых условиях оправданных международно согласованных решений.

Все вышесказанное ситуация более подробно рассматривается в последующих главах. Там же делаются попытки наметить области, где есть возможность и необходимость в принятии шагов в сфере международного права.

11. Этика и правила игры

Иногда у политологов и юристов можно встретить мнение, что международная безопасность опирается не столько на принципы и нормы международного права, сколько на негласные правила игры, сложившиеся между сверхдержавами. Добровольное соблюдение таких правил лежит в основе устойчивого баланса сил между такими странами, являясь более действенным фактором, чем писаные нормы³⁰.

Рассмотрение этой проблемы представляет определенный интерес в контексте данной работы. Может быть, такие правила игры более важны для международной безопасности, чем международное право, и использование подобного механизма может оказаться более плодотворным для предотвращения угрозы глобальной катастрофы?

Наверное, нужно согласиться, что такие правила игры существуют. Политики их не формулируют в письменном виде и опираются на них скорее подсознательно, принимая то или иное решение. Только ученые выделяют их как самостоятельное явление и подробно описывают и анализируют, пытаясь установить общие закономерности и возможности для практических выводов. Сам факт существования таких правил можно объяснить следующим образом. По мнению автора, это явление более тесно связано с особенностями человеческой психики, чем, например, нормы права. Конкретные политические личности в силу общих закономерностей восприятия международной обстановки склонны достаточно сходно реагировать на некоторые явления и ситуации. Действительно, подобные правила игры почти никогда не оговаривались

с другим государством. Они сложились стихийно в силу одинаковых или близких оценок соответствующих ситуаций. Если же согласование имело место, то тогда даже в том случае, если оно не было документально зафиксировано, мы тем не менее имеем дело не с правилами игры в понимании описавших это явлении авторов, а с обычными нормами и принципами международного права (если, конечно, речь идет о договоренностях, носящих не разовый, а универсальный характер).

К таким правилам игры относят понимание сверхдержав о пределах сфер влияния противоположной стороны, о необходимости избегать прямой конфронтации в интересах поддержания общего состояния силового равновесия, о необходимости придерживаться политики ядерного сдерживания, никогда не отказываться от идеологической конфронтации, никогда не становиться на абсолютно одинаковые позиции, не допуская тем самым политического кондоминиума (т.е. совместного управления) в отношении остального мира (за исключением, может быть, вопроса о нераспространении ядерного оружия). К этим же правилам относят и молчаливое признание права другой стороны использовать инструменты силы для поиска союзников и "элементов" в третьих странах. К нескольким другой, как бы подчешенной, группе правил относят желание сверхдержав удерживать центральный баланс сил между собой, что находит выражение в факте гонки вооружений. Твердыми правилами игры являются отказ от применения ядерного оружия (но не отказ от угрозы его применения), стремление избежать прямой конфронтации между собой. Среди таких правил упоминают и некоторые другие, однако для целей данного исследования достаточно и общего о них представления.

Как мы видим, большинство этих правил прямо или косвенно относятся к проблеме поддержания устойчивого баланса сил как средства поддержания общего порядка в мире и одновременно как средства поддержания своего исключительного статуса. Нужно отметить, что в этих целях в современной обстановке существование этих правил более чем необходимо. Баланс сил и преимущественное военное положение по отношению к третьим странам являются основополагающими элементами современной системы международной безопасности, но она одновременно не по всем, мягко говоря, совпадает с требованиями международной морали в том виде, как ее чаще всего склонно понимать международное сообщество (поэтому, применительно к таким правилам, представляется неправомерным применять термин "этика"). Раздел сфер влияния, гонка вооружений, воздействие на третьи страны, ядерное сдерживание - все это, может быть, и необходимо для безопасного мира с точки зрения опасности всеобщей катастрофы, но никак не ведет к справедливости в отдельных относительно мелких вопросах, и даже не гарантирует от локального применения вооруженной силы. Соответственно, прямые и ясно выраженные договоренности на этот счет вряд ли возможны. В таком случае остается лишь прибегать к молчаливому взаимопониманию, чреватому недопониманием, пробами и ошибками, постоянным желанием уточнять, а по сути нередко изменять баланс.

Наверное, упомянутые правила игры в вопросе предотвращения всеобщей экологической и военной катастрофы могут играть роль, лишь аналогичную роли обычных принципов и норм международного права, а именно как фактор постепенного давления на другие государства. Более того, по своей обязательности эти правила ближе к общим принципам права, так как они чаще всего продиктованы объективными обстоятельствами, пусть и преломившимися через сознание отдельных политических личностей. Это значит, что, опираясь на такие правила, можно заставить другое государство более существенно реагировать на "мягкое" принуждение. Иными словами, правила игры должны обязательно

приниматься в учет, но они имеют в целом ту же форму воздействия, что и право, и соответственно должны таким же образом и использоваться.

12. Промежуточное состояние между войной и миром

Постепенное перерастание ситуации во все более опасную побудило некоторых юристов попытаться как-то классифицировать это явление. Например, Ф. Джессеп предложил концепцию "промежуточного состояния", определяя ее следующим образом. Промежуточное состояние — это состояние, когда отношения между государствами уже больше не являются дружественными, но еще и не переросли в вооруженный конфликт. Ф. Джессеп выделяет различные элементы такого состояния. Так, между государствами существует враждебность и напряженность, например, когда вместо мирного договора заключено лишь перемирие. Другой важный элемент — решение отдельных вопросов не может устранить такую напряженность и враждебность. Третий элемент — стороны, тем не менее, пока не намерены прибегать к войне как средству решения спора*31.

Близко к "промежуточному состоянию" и понятие т.н. "смешанного состояния" (*status mixtus*), авторы которого утверждают, что между состоянием войны и мира трудно провести четкую границу, а само такое смешанное состояние характеризуется по крайней мере несколькими стадиями*32.

13. Право международной безопасности

Хотя обычно каждое новое международное соглашение заключается применительно к определенной конкретной проблеме, тем не менее часто его содержание относится к целому ряду вопросов, относящихся и к другим отраслям права. Например, Договор об Антарктике был заключен для решения территориальной проблемы этого континента, для примирения позиций государств, выдвигавших территориальные притязания, и государств, не признававших такие притязания. Об этом договоре обычно говорят в контексте международного морского права или международного права и территории. Тем не менее в договоре крайне важны и положения, образующие демилитаризованный статус этого региона, обеспечивающие здесь охрану окружающей среды, в частности, от радиоактивного заражения, предусматривающие возможность проведения свободных научных исследований. В советской доктрине международного права можно встретить следующие подразделы или отрасли, которые касаются вопросов обеспечения мира и безопасности — это принципы мирного сосуществования, обеспечения международного правопорядка*33 и одновременно международно-правовые вопросы предотвращения войны*34. Проблемы же охраны окружающей среды и мирные средства разрешения международных споров выделяются также в самостоятельные разделы. Сколь практически полезно именно такое деление? Вероятно, многое здесь зависит от того, какие ставятся задачи. Систематизация, обычно применяемая в советской доктрине международного права, строится, как правило, на основе объекта, регулируемого соответствующей группой международных соглашений. В любом случае, даже на основе такого деления, не удастся, однако, добиться, чтобы каждый договор мог быть отнесен только к одной

определенной отрасли или подгруппе соглашений. Тем не менее, такая систематизация имеет то несомненное преимущество, что целый ряд международных соглашений полностью или в значительной мере относится к одному определенному объекту. В результате возникает достаточно компактная схема, в которой в максимально возможной степени удается избежать рассматривания в различных разделах одних и тех же соглашений, хотя и с различных точек зрения. Конечно, это не единственно возможный подход. Перед наукой международного права стоит не только задача компактного изложения материала. В частности, представляется полезным подход, когда международные соглашения и практика будут группироваться каждый раз в зависимости от той задачи, которую они призваны решить или могут решить. В таком случае не избежать множественности подобных обобщений, одновременного наличия нескольких или многих групп, включающих в себя в различном порядке один и те же международные соглашения. Несомненно, что из-за повторяемости общий объем материала будет существенно возрастать. Однако когда речь идет не об обучении международному праву, а о его использовании для решения определенных задач, это представляется вполне оправданным - компетентные специалисты смогут в каждом случае сориентироваться в возросшем объеме информации. Соответственно, такие разделы международного права как обеспечение международной безопасности (военной и экологической), международное право окружающей среды, международное морское, экономическое право и т.д. будут во многом повторяться, включая в каждом отдельном случае соответствующие соглашения или практику с точки зрения стоящих задач. На вышеназванной основе рассматриваемому в данной работе проблематику можно было бы сформулировать как международное право вызывания человечества, право международной безопасности или международное право военной и экологической безопасности. Главное достоинство такого определения заключается в том, что оно позволяет включить международное право окружающей среды в более общий раздел международного права, органически связать его с другими проблемами обеспечения вызывания человечества. Ведь МПОС выделялось в самостоятельную отрасль права не случайно, а в силу настоятельной жизненной потребности, а именно - найти на совместной международной основе решения проблем окружающей среды, которые приобрели такую актуальность из-за того, что оказались прямо связанными с проблемой вызывания человечества в целом. Соответственно, было бы логично распространить на МПОС и некоторые из тех принципов, которые применяются для решения этой проблемы в других отраслях международного права. Одновременно к международному праву военной и экологической безопасности относятся те принципы и нормы права, которые касаются вопросов обеспечения мирного сосуществования, правопорядка и международной безопасности и составляет ядро общих принципов современного международного права. К этой же части международного права нужно отнести международно-правовые средства мирного разрешения споров, международно-правовые вопросы предотвращения войны, а также отдельные разделы международного морского, космического, экономического права и др.

14. Право вооруженного конфликта

Право вооруженного конфликта чаще всего рассматривается как самостоятельная отрасль международного права. При этом общность соответствующих принципов и норм основывается на общем предмете их

регулирования*35. Конечно, в такой классификации есть определенные преимущества. Тем не менее, нужно отметить, что если подходить к этой совокупности принципов с точки зрения их функций, то было бы оправданно выделять по крайней мере три их крупные группы: принципы, регулирующие вопрос предотвращения возникновения конфликтных ситуаций, принципы, касающиеся мирного урегулирования споров, и принципы, направленные на сдерживание конфликта, уже принявшего вооруженный характер, в определенных разумных рамках. Такой подход имеет некоторые недостатки, носящие подчас практический характер. Во-первых, нередко международные соглашения, а также содержащиеся в них отдельные принципы и нормы касаются одновременно всех этих целей или по крайней мере двух из них. Таким образом, это усложняет их классификацию за счет дублирования, особенно когда норма сформулирована не настолько четко, чтобы она могла быть безоговорочно отнесена к той или иной группе. Кроме того, возникло бы определенное совпадение с такой самостоятельной отраслью международного права, как мирное разрешение международных споров. Во-вторых, среди юристов нет единства, какие нормы вообще целесообразно относить к праву вооруженных конфликтов. Например, И.Н. Арцибасов и С.А. Егоров не считают, что в эту группу должны входить нормы, относящиеся к предотвращению войны*36, а переговоры они склонны рассматривать скорее как способ выхода из уже возникшего в вооруженной форме конфликта, чем как способ предотвращения его*37. Конечно, такая классификация тоже оправдана, поскольку она преследует определенные цели, хотя деление права вооруженных конфликтов по трем указанным признакам в большей мере способствовало бы пониманию его сущности, не сводя его содержание лишь к совокупности норм, направленных на сдерживание вооруженного конфликта в разумных рамках.

Тем не менее на практике многие юристы склонны именно так ограничительно понимать содержание права вооруженных конфликтов. Поэтому когда говорится о совокупности норм, направленных на удержание опасной ситуации в разумных рамках, при этом во многом имеется в виду именно право вооруженных конфликтов, хотя и не только оно.

15. Мирное сосуществование и выживание человечества

Вполне оправданно задать вопрос: как соотносятся между собой принцип мирного сосуществования и проблемы выживания человеческой цивилизации? Когда мы говорим о мирном сосуществовании двух социально-экономических систем, то имеем при этом в виду в первую очередь отсутствие войн, взаимный отказ от применения силы, решение всех вопросов исключительно мирными средствами. Одновременно мирное сосуществование предполагает также сотрудничество двух систем и вообще включает в себя весь тот комплекс принципов, на которых СССР строит свои отношения с другими государствами, или, как об этом было сказано на XXIII съезде КПСС: "Мирное сосуществование стало высшим универсальным принципом международных отношений".

Нужно, видимо, все-таки признать, что то содержание, которое обычно вкладывается в советской доктрине международного права в понятие "мирное сосуществование", является неоднозначным. "Мирное сосуществование" - это во многом политическая концепция, существенно прямо включающая в себя определенные политические элементы. Речь при этом идет, например, не только о сотрудничестве

двух систем, но и об их соревновании, об идеологической борьбе, о законности национально-освободительных войн, о праве на самооборону, о принципе антиколониализма. Иными словами, мирное сосуществование предполагает наличие борьбы в определенных областях и возможность прибегать к силе в тех случаях, когда это считается оправданным. Конечно, нельзя отрицать право народов на самоопределение, право на самооборону, нельзя игнорировать такую уже существующую реальность, как соревнование социально-экономических систем. Однако точно так же нельзя отрицать, что выживание человечества является высшей задачей, которой должны подчиняться и интересы классового порядка. Если цивилизация погибнет, то классовые споры будет просто никому вести. А как быть в ситуации, когда вполне справедливым национально-освободительная война может создать реальную угрозу всеобщей военной катастрофы? Можно ли вести такую войну с применением ядерного или химического оружия? Мы привыкли к тому, что национально-освободительные войны ведутся с помощью простейших видов оружия. Тем не менее, ситуация вполне может и измениться, и такую возможность совершенно недопустимо сбрасывать со счетов. Точно так же, если исходить из соображений здравого смысла, вряд ли можно согласиться с тем, что, например, право на самооборону предполагает возможность применения любых видов оружия, в том числе и тех, которые могут угрожать всеобщему миру. Например, Великобритания считает совершенно бесспорным свои права на фолклендские острова. Вместе с тем, в ходе ее конфликта с Аргентиной в связи с этими островами, в печати публиковались сообщения, что Великобритания при определенных обстоятельствах была готова для защиты своих прав применять ядерное оружие. Наверное, если бы это случилось, то никакая законность и обоснованность ее прав не могли бы служить оправданием такого шага.

А если соревнование социально-экономических систем и идеологическая борьба между ними, как бы это ни звучало невероятно, также на каком то этапе будут, волюн или неволюн, вести к ситуации, опасной для самого существования человечества?

Видно, во всех этих вопросах было бы оправданно исходить из следующего. Несомненно, что у субъектов международных отношений могут существовать вполне законные и обоснованные права, которые можно и нужно отстаивать. Но отстаивать при этом не любой ценой, а исходить по крайней мере из высших интересов выживания человечества, учитывая и другие достаточно важные интересы. Любые же конструкции, которые возводят в ранг абсолюта вопросы, способные создать реальную угрозу существованию человечества, вряд ли имеют право на существование. Принцип мирного сосуществования несомненно носит привлекательную политическую окраску, и совершенно понятно, почему он так активно используется. Вместе с тем, он точно так же совершенно несомненно несет такое содержание, которое в сложившихся современных условиях никак нельзя возводить в абсолют и априори безоговорочно поддерживать. Все те его элементы, которые способны создать угрозу человеческой цивилизации, должны в современных условиях применяться лишь с определенными оговорками и только самостоятельно, а не затуманиваться в контексте концепций, имеющих явно политическую окраску. Реальность существования угрозы выживания человечества делает недопустимо высоким риск небрежного обращения с вопросами, способными привести к катастрофическим результатам. Можно и нужно говорить о необходимости мирного сосуществования, но при этом по меньшей мере необходимо ясно указывать на его подчиненность высшим интересам самого существования человечества. Может быть, было бы даже оправданно и вывести за скобки понятия "мирное сосуществование" некоторые его вышеупомянутые элементы, применяя их

только самостоятельно, что послужило бы определенной дополнительной гарантией разумного к ним подхода»³⁸.

1 Старжинна Т.М. Экологические концепции и охрана окружающей среды - Советский ежегодник международного права, 1984. М., Наука, 1986, с. 247. Можно привести краткую хронику основных аварий с танкерами и их последствия. Март 1967 г. Танкер "Торри Кэмпбел" с 120000 т. сырой нефти на борту попал на рифы у побережья Великобритании и раскололся. Декабрь 1972 г. В Омаском заливе нечастье постигло танкер "Си Стар". 115000 т. нефти вылилось в море. Май 1976 г. У побережья Испании на рифы сел танкер "Уркайола". 90000 т. нефти оказались в море. Февраль 1977 г. В результате возникшего пожара на борту танкера "Хэвайан Патриот" "потеряно" в северной части Тихого океана 90000 т. нефти. Март 1978г. Супертанкер "Амоко Кадис" затонул неподалеку от французского порта Брест. 230000 т. сырой нефти всплыло на поверхность воды и образовало самое большое нефтяное пятно в истории судоходства. 360 км. побережья было загрязнено. Июль 1979г. Танкеры "Этлант Экспресс" и "Ижэн Кэптен" столкнулись в Карибском заливе недалеко от Тринидада. Из обеих судов в море вылилось 300000 т. нефти. Ноябрь 1981г. Во время шторма потерпел аварию танкер "Глоуб Аспина", авария произошла у волнореза порта Клайпеда. В море попало 10000 т. нефти из 16500 т. Август 1983г. Недалеко от атлантического побережья загорелся танкер "Кастилло де Бельвер". Судно затонуло. 250000 т. нефти оказалось в океане. Январь 1985г. У побережья Антарктиды терпит аварию танкер "Бая Парасо". на его борту 1000 т. дизельного масла.

2 Известия, 1986, 25 сентября

3 Нойрме А.И. Международный режим безопасности развития ядерной энергетике - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987г., с. 47-48.

4 Наверное, полезно упомянуть хотя бы часть случаев применения силы за послевоенный период: агрессия Англии, Франции и Израиля против Египта в 1956г.; интервенция США в Ливане и Иордании в 1958г.; агрессия Бельгии в Конго, интервенция США против Кубы в 1961г. (Залю Свиней), вмешательство США во внутренние дела Лаоса, вооруженная интервенция США в Доминиканской Республике в 1965г.; агрессия Израиля против арабских государств в 1967г.; агрессивная война США против Вьетнама, "футбольная" война между Гондурасом и Сальвадором в 1969г.; война между Индией и Пакистаном в 1971г.; вторжение США на Гренаду в 1983г.; война между Ираком и Ираном из-за разграничений территории по реке Шатт-эль-Араб, бомбардировка Соединенными Штатами Ливии в 1986г.; минирование Соединенными Штатами никарагуанских портов в 1984г.; нападение Ирака на Кувейт в 1990г.

5 Тункин Г.И. Право и сила в международной системе. М.: Международные отношения, 1983, с. 94-94.

6 Как верно указывает некоторые специалисты, один из убедительных тому примеров - Корейская война. См.: Henkin L. How Nations Behave. Law and Foreign Policy. Columbia University Press. N.Y., 1979, p. 150.

7 Гегемонизм. М., 1982, с. 124.

8 Hoffmann S. Ethics and Rules of the Game Between the Superpowers - in: Right v. Might. International Law and the Use of Force. N.Y., L., 1989, p. 74.

9 Arkin M.A. and Handler J. Naval Accidents 1945-1988. Neptune Papers. Greenpeace, Institute for Policy Studies, June 1989, pp. 3-

5. 79-81.
- 10 Gilpin K. War and Change in World Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1981.
- 11 Арчага Э.Х. де. Современное международное право. /Под ред. и с вступит. статей Тункина Г.И. - М.: Прогресс, 1983, с. 413-416.
- 12 Лук И. Социализм и международное право. М., Международные отношения, 1977, с. 95-96.
- 13 Тинберген Я. Пересмотр международного правопорядка. М.: Прогресс, 1980, с. 201-206.
- 14 Курс международного права (в 7-ми томах). Т. 3. Основные институты международного права. М., "Наука", 1980, с. 249-254.
- 15 Разоружение нередко рассматривают и как способ борьбы за мир. Этот тезис, однако, не представляется абсолютно бесспорным и рассмотрен более подробно в последующих разделах данной работы. См. по этому вопросу также: Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., Alfred A. Knopf, 1950, pp. 325-330.
- 16 Материалы XXVII Съезда КПСС. М., 1986, с. 65. Рыбаков Ю.М. Правовые аспекты обеспечения ВСМБ и развитие международного сотрудничества - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987 г., с. 5-6.
- 17 Тункин Г.И. Указ. соч., с. 130-133.
- 18 Цит. по: Тункин Г.И. Указ. соч., с. 149.
- 19 Сборник действующих договоров... вып. 29, с. 27.
- 20 Сборник действующих договоров... вып. 29, с. 28.
- 21 На пути к ядерному разоружению. Правда, 16 декабря 1987г.
- 22 Henkin L. Op. cit., p. 196.
- 23 Более поздние модели, создаваемые, в частности, советскими учеными, предполагали уже совместную эволюцию человека и биосферы.
- 24 Свиридов Ю. Спасность простых решений. Новое время, No.5 (2223), 29 января 1988 г., с. 38.
- 25 Исайев А.И. Указ. соч., с. 51.
- 26 Например, Конвенция по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988г., Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988г., Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию 1988г., Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970г. и др.
- 26 Карганов С. Бомба и президент. Новое время, No. 5, 29 января 1988 г., с. 41.
- 27 Ваттель Э. Право народов или принцип естественного права, применяемые к поведению и делам ваши и суверенов. М., 1960, кн. II, гл. IV, с. 49. Капустин М. Обзорные предметы международного права вып. II, М., 1966, с. 75. Петровский В.Ф. Доктрина "национальной безопасности" в глобальной стратегии США. М., 1980, с. 47. Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963, с. 76. Скакунов Э.И. Международно-правовые гарантии безопасности государств. М., 1983, с. 6.
- 28 Перетерский И.С. Политич. гарантии в международном праве. Сов. государство и право, 1956, No. 9, с. 46. Сенчило В.М. Гарантии применения внедоговорной ответственности в международном воздушном

- праве. - Сов. ежегодник международного права. 1976. М., 1978, с. 145. Скакунов Э.И. Указ. соч., с. 30.
- 29 Левин Д.Б. Проблема обеспечения мира и основные начала международного права. - Советское государство и право, 1958. No. 5, с. 35.
- 30 Hoffmann S. Op. cit., p. 71-93. См. также Главу IV.
- 31 Jessup Ph. Should International Law Recognize an Intermediate Status between Peace and War. AJIL, v. 48 (1954), pp. 100-102.
- 32 Schwarzenberger G. Jus pacis ac belli? AJIL, v. 37 (1943), p. 474. McDougal M.S. Peace and War: Factual Continuum with Multiple Legal Consequences. AJIL, v. 49 (1955), p. 67.
- 33 Международное право (под ред. Ф.И. Кожевникова), М., Международные отношения, 1987, с. 47-56.
- 34 Там же, с. 482-525.
- 35 Арцибасов И.И., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., Международные отношения, 1989, с. 17-19.
- 36 Там же, с. 21.
- 37 Там же, с. 205-219.
- 38 По вопросам содержания, обычно вкладываемого в идеи мирного сосуществования в советской доктрине международного права, см.: Курс международного права (в 7-ми томах), Т. 2. Основные принципы международного права. М., "Наука", 1989, с. 25-43.

Глава III. Опасные ситуации в экологической и военной области и некоторые причины их возникновения

1. Причины опасных ситуаций

Вряд ли можно достаточно полно описать все возможные причины, способные привести к возникновению ситуаций, чреватых опасными последствиями. Можно в этой связи указать, что по мнению некоторых древних мыслителей и ученых, причины войны крылись в особенностях и недостатках человеческой природы¹ (хотя и в наше время эта точка зрения достаточно широко распространена, и, может быть, совсем не без основания²). Некоторые из них видели причины войн и конфликтов в ненависти людей друг к другу, в несправедливости и гонимых³, другие - в религиозных предрассудках и суевериях, третьи - в эгоизме и жадности монархов⁴. Социалисты-утописты говорили о необходимости социальных преобразований⁵. В XIX в. начали возникать общества, как национальные, так и международные, искавшие причины войны и борющиеся за всеобщий мир⁶. В многочисленных проектах "вечного мира", появившихся в XIX в., причина войны связывалась с отсутствием международного суда для разрешения всех споров между государствами или с отсутствием международного союза, обладающего надгосударственной властью, или с отсутствием международного кодекса и организации союза государств⁷. В третьем докладе Римскому клубу норвежец Я. Тивберген усматривал такие причины в наличии или в отсутствии всеобщего образа мыслей⁸.

В нашу эпоху предлагается целый спектр мер по поддержанию мира и обеспечению охраны окружающей среды. Только в качестве примера можно привести следующие некоторые международные предложения. Так, на 43-й сессии Генассамблеи ООН в 1989г. М. Горбачев предложил создать центр по срочной экологической помощи⁹, а также создать международную космическую лабораторию или пилотируемую орбитальную станцию для контроля за состоянием природы. Председатель Комиссии европейских сообществ Жак Делор предлагал создать Европейское агентство по защите окружающей среды, которое было бы открыто и для восточноевропейских стран. Заместитель министра иностранных дел СССР В.Ф. Петровский высказался за разработку международно-правового документа, регламентирующего деятельность всех стран в Арктике для защиты ее окружающей среды¹⁰. Я. Тивберген считал, что необходимо создать позитивный механизм по управлению глобальными ресурсами и окружающей средой, разработать специальную стратегию для гармонизации социальных и экологических целей, а также набор критериев для использования ресурсов и управления ими¹¹. Возможно, что международная конференция по охране окружающей среды, проведение которой запланировано в рамках ООН на 1992 г., и займется рассмотрением этих и подобных им предложений.

Предложения в области военной безопасности не менее разнообразны. Так, указывается, что разоружение должно рассматриваться как часть глобальной проблемы выживания человечества. Предлагается также сокращать военные бюджеты, остановить распространение ядерного оружия, усилить гарантии при транспортировке, хранении и использовании ядерного материала, запретить оружие массового поражения и чрезмерно жестокие формы ведения войны, ускорить прогресс в создании сил, служащих средством для поддержания мира (в рамках демократизации Совета Безопасности ООН), создать Всемирное агентство по разоружению, заключить договор о полном запрещении

испытаний ядерного оружия, заключить конвенцию о запрещении химического оружия, постепенно переориентировать научные и технические ресурсы с военных целей на цели развития, использовать национальное законодательство и иные пути для регулирования торговли оружием, развивать международную терпимость, укреплять доверие и др.

Цель данного исследования - не найти формулу "вечного мира" и не предложить исчерпывающий набор мер по предотвращению экологической и военной угрозы, а лишь попытаться определить, как с помощью средств международного права можно в принципе попытаться снизить ее опасность. В предыдущих разделах данной книги речь идет в большей мере о выявлении причин, непосредственно ведущих к возникновению опасных ситуаций. Автор, тем не менее, далек от мысли, что существование таких причин является единственным источником опасных ситуаций. Совершенно ясно, что существуют общие закономерности развития человеческого общества, которые приводят к возникновению условий, особо способствующих появлению непосредственных причин опасных ситуаций. Особенности устройства международной системы государств, условия существования ее в стабильном состоянии, условия поддержания международного порядка, роль силы в поддержании баланса между крупнейшими государствами, взаимодействие между порядком и справедливостью - вот далеко не полный перечень таких общих условий, формирующих конкретную обстановку, в которой вызревают опасные ситуации. Действительно, если территориальный спор возникает между Великобританией и Францией (разграничение континентального шельфа), то, поскольку взаимозависимость этих стран подчиняется скорее законам судебным органам. Если же территориальный спор возникает между Ираном и Ираком, взаимоотношения которых более логично объясняются с точки зрения концепции политического реализма¹², то вполне вероятно, что он может перерасти и в вооруженный конфликт. В сущности, примеры могли бы быть самыми разнообразными, однако и эти приведенные случаи достаточно ясно доказывают соотношение непосредственных причин опасных ситуаций и обстоятельств, создающих условия для таких причин. Уместно также указать и на глобальные закономерности развития общества, связанные с соотношением уровня развития производительных сил и производственных отношений, и ведущие в конечном итоге к возникновению новых общественно-экономических формаций. Такие закономерности носят слишком общий характер, в силу чего их достаточно сложно учитывать при разработке конкретных мер по предотвращению возникновения опасных ситуаций.

2. Территория и ресурсы

Что может послужить причиной военного столкновения, т.е. ситуации, способной привести к военной катастрофе? Не будет ошибкой утверждение, что в истории человечества многие конфликты и войны возникали из-за территорий. Это достаточно понятно и объяснимо. Трудно договориться мирным путем по такому вопросу, как принадлежность пространства, т.е. по вопросу, с которым хорошо знаком весьма широкий круг лиц. Любая уступка или компромисс будут рассматриваться как проявление слабости, как дипломатическое и политическое поражение. Кроме того, суша уже давно хорошо освоена. Выгоды от приобретения сухопутной территории более чем очевидны - это и новое жизненное пространство, и новые экономические и ресурсные возможности. Это и выгодное географическое положение, и

присоединение к себе уже созданного в пределах этой территории экономического и культурного потенциала. Этим, конечно, не исчерпываются все преимущества присоединения территории. Суть заключается в том, что территория обобщает ряд не только существенных и реальных, но и очевидных для всех выгод. С другой стороны, достижение договоренности в отношении уступки или присоединения территории — крайне сложный политический вопрос.

Если обратиться к современной истории, то можно найти не один пример применения силы именно потому, что в основе спорной ситуации были притязания на какие-то пространства. Достаточно вспомнить войну между Великобританией и Аргентиной из-за Фолклендских островов. В основе кризисной ситуации на Ближнем Востоке также во многом лежит проблема территории. Наконец, война между Ираном и Ираком вспыхнула в своей основе именно из-за вопроса о прохождении границы по реке Шатт-эль-Араб.

В наше время на первый план все более определенно выходит также и проблема ресурсов, тесно связанная с владением различными пространствами. Борьба за ресурсы в какой-то своей части — это и борьба за владение соответствующими пространствами или за право их эксплуатировать. И в этом случае уместно вспомнить попытку аннексии Ираком Кувейта в августе 1990г.

Конечно, территориальный спор может возникнуть в любом районе. Вместе с тем, в настоящее время необходимо обратить особое внимание на те пространства, которые пока еще недостаточно освоены — на Мировой океан, Антарктику и Космос. Именно здесь можно в ближайшем историческом будущем (а может быть, и в достаточно скором времени) ожидать наиболее острого столкновения интересов различных государств. Права государств в отношении районов, находящихся под территориальным суверенитетом, уже относительно достаточно ясны. Политическая карта мира сложилась уже достаточно определенно, можно не сомневаться, что попытки пересмотреть существующие реалии будут наткнуться на самое отчаянное сопротивление. Является ли это фактором, который будет сдерживать силовое противостояние? Конечно, гарантий этому нет. Более того, процессы, которые идут в Советском Союзе и связаны с пересмотром существующих государственных границ, могут быть источником весьма неприятных потрясений. Скорее всего, однако, в перспективе основные конфликты сместят "прописку" и переместятся именно в пределы пространства, которые будут интенсивно осваиваться, а значит превращаться в источник новых обширных ресурсов. Нужно учитывать и то, что освоение ресурсов потребует установления порядка такой деятельности, а значит и борьбу за объем своих прав.

Современный период истории характеризуется двумя важными особенностями. С одной стороны, человечество достигло достаточно высокой ступени цивилизации и можно ожидать, что по многим крупным проблемам теперь удастся, как никогда ранее, добиться политических решений, избежать применения силы, разработать систему мер, обеспечивающих разумное, достаточно справедливое и сбалансированное развитие сообщества государств. Отражением этого процесса является развитие и укрепление международного права, растущее желание всех государств считаться с его положениями и следовать им.

Другая особенность нашего времени — все еще относительно невысокий технический и экономический уровень всего сообщества государств. В результате пока хорошо освоенной и достаточно малой используемой продолжает оставаться только суша. Выход и работа в космосе находятся на стадии уникального научно-технического мероприятия. В большей мере освоена Антарктика, постоянный состав научных экспедиций в ее пределах достигает нескольких сот человек. Об

экономическом же освоении ледового континента пока речь идет только в проектах. Мировой океан освоен наимного более основательно, однако степень в этого освоения далека от уровня использования суши. Действительно, океан интенсивно используется для судоходства. Относительно широко и достаточно продолжительный срок осуществляется морское рыболовство. Начинает развиваться добыча нефти и некоторых других полезных ископаемых на шельфе в пределах небольших глубин. Наиболее существенное, однако, то, что океан не заселен на постоянной основе, и его изучение и использование носят преимущественно экспедиционный характер. Человечество еще стоит на пороге широкого экономического освоения морских пространств - искусственного наращивания, а не только сбора жидких ресурсов, освоения минеральных ресурсов, находящихся как на дне так и в его недрах. Более того, наши знания о Мировом океане также довольно ограничены. В определенной мере океан, конечно, уже исследован, но отсутствует не только техника, но и технология работ на больших глубинах, еще только изучаются условия, которые необходимо выполнить, чтобы обеспечить человеку приемлемые условия длительного существования в глубоководных районах. Имеющиеся образцы техники, способной работать на достаточно больших глубинах, являются по существу уникальными, что и неудивительно, поскольку, по оценкам специалистов и по опыту первых разработок, требования и техническим характеристикам таких аппаратов превышают порой требования, предъявляемые в космической технике. Это объясняется тем, что в толще океанских вод давление достигает сотен атмосфер, температуры нередко близки к нулевым, водам массой весьма подвижны и одновременно химически относительно активны.

Слабая изученность и низкая степень освоения Мирового океана может сыграть, как это не будет звучать парадоксально, положительную роль в вопросе о предотвращении новых конфликтных ситуаций. Уже достаточно длительное время международное сообщество определяет принципы и нормы, которыми следовало бы руководствоваться в осуществлении в Мировом океане какой-то деятельности. Разработаны ряд международных соглашений, довольно подробно регламентирующих такую деятельность. Наконец, принят Конвенция ООН по морскому праву, носящая всеобъемлющий характер. Нельзя сказать чтобы разработка этих принципов протекала совсем гладко. По некоторым вопросам ряд стран продолжает упорно придерживаться своих позиций, несмотря на то, что они явно противоречат интересам всего международного сообщества в целом. Что же касается режима международного района морского дна, то по этой проблеме существует серьезные различия в подходе уже целых групп стран. Тем не менее важно существование самого процесса мирового сообщества договаривается о детальной регламентации пространства, занимаемого 2/3 поверхности нашей планеты. Представляется, что одна из важнейших причин, почему это оказалось возможным, заключается именно в том, что Мировой океан еще слабо освоен. Конечно, отдельные государства хорошо представляют, какие преимущества они получают от традиционных видов его использования, и учитывают это, принимая участие в тех или иных международных переговорах. Однако видов этого использования не так уж и много, во всяком случае, несомненно меньше, чем видов использования суши. Поэтому в тех случаях, когда разрабатываемые принципы не затрагивают слишком серьезно имеющиеся виды использования морей, участники переговоров всходят в целом, из критерия, что закрепить свои права в большей мере и на более обширные пространства лучше, а на менее обширные - хуже. Неясность того, какие ресурсы и какие возможности скрыты в пределах этих морских пространств, позволяет легче соглашаться на договоренности,

результаты которых скажутся лишь в отдаленной перспективе. В результате вырабатываются общие нормы, которые регламентируют права и обязанности сторон в будущем и в отношении ситуаций, конкретные обстоятельства которых зачастую сейчас или вовсе неизвестны, либо могут предполагаться в самом общем приблизительном виде. Когда же эти обстоятельства начнут проявляться, когда в пределах тех или иных морских зон обнаружатся ресурсы важнейшего стратегического значения, возможность для возникновения спорных ситуаций будет сведена до минимума за счет того, что права различных государств будут уже заранее определены.

В качестве обратного примера представляется уместным привести историю освоения сухопутных пространств и международной регламентации деятельности в ее пределах. В силу естественных причин суша сначала была многосторонне освоена, причем права тех или иных групп населения в течение значительного исторического периода определялись в зависимости от способности придумать с ними считаться. Иными словами, сначала проблемы возникали, а затем они чаще всего решались сальвоными методами. И сейчас права на сухопутные пространства столь детально исторически закрепились, что споры даже в отношении незначительных площадей могут послужить источником острого конфликта. Конечно, международное право в значительной мере регламентирует порядок использования сухопутных пространств. Редко разграничение государственных территорий происходит сходными методами — например, по фарватеру рек, по водоразделу, по меридианам или параллелям и т. д. Тем не менее нет ни сложившейся и общеприемлемой единой практики такого разграничения, ни признаваемых всеми государствами всеобъемлющих норм права. Существуют лишь многочисленные прецеденты, которые не обязательно принимаются в учет. Формальным поводом для начала военных действий между Ираном и Ираком как раз и послужило то, что стороны не были удовлетворены длиной прохождения государственной границы между ними по реке Шатт-эль-Араб.

История практического освоения Мирового океана и формирования правовой регламентации человеческой деятельности, связанной с ним, развивается по-иному. Сейчас разрабатываются правовые нормы, предопределяющие многие из прав и обязанностей государств, которые могут возникнуть только в будущем, а реально возможности активизации человеческой деятельности в пределах морских пространств возникнут лишь через определенное время. Тут уместна и аналогия с освоением Антарктики. Уже разработан целый ряд международных соглашений — Договор об Антарктике 1959 г., Конвенция о сохранении тюленей Антарктики 1972 г., Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г., Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики 1988 г., а практическое освоение этого континента все еще остается делом достаточно отдаленного будущего. Соответствующие аналогии могут быть приведены и в отношении космического пространства. Соглашение о Луне 1979 г. уже довольно подробно регламентирует порядок эксплуатации ее ресурсов, а то время как на практике в такой плоскости вопрос пока не стоит.

Нужно отметить, что этот процесс "превентивной" разработки правовых норм вообще, видимо, особенно характерен для нашего столетия и именно сейчас протекает довольно активно во многих областях человеческой деятельности, в том числе и прямо не связанной с использованием пространств. Тем не менее такое развитие международного права проходит подчас довольно болезненно.

В морском праве за последние 40 лет произошел крайне существенный скачок вперед в вопросе регламентации как деятельности государств.

так и объема и объектов их прав. Если раньше суверенная власть государства распространялась только на его внутренние и территориальные воды, а совидения - лишь на свои суда¹⁴, то к концу 50-х гг. появились договорные нормы, закрепляющие такие права прибрежных государств на毗连公海 и территориальному морю воды, на континентальный шельф. Была регламентирована деятельность в открытом море, оговорен его правовой статус. В Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. отразилась практика установления 200-мильных экономических зон, был определен правовой статус и режим морского дна за пределами национальной юрисдикции, подробно регламентирован и уточнен порядок осуществления многих известных и предполагаемых видов использования морских пространств.

Конечно, непосредственной причиной возникновения опасного конфликта в связи с использованием Мирового океана может быть любая ситуация, которая приведет к серьезному столкновению интересов государств. Все также причины предвидеть невозможно. Однако вполне possible представляется задача оценить некоторые из проблем использования морских пространств, чтобы наметить наиболее вероятные варианты.

Подчас можно встретить точку зрения, что проблема разграничения морских пространств, проведения границ между морскими зонами различных государств не относится к числу самых крупных в международном праве¹⁵. Действительно, пока вопросы разграничения морских пространств и определения границ морской юрисдикции решались в основном без применения силы. Среди немногочисленных примеров иного рода можно упомянуть решение Иквиз о залив Сидр историческими подлами, что в результате привело к столкновению с США и применением силы. Всегда ли практика в этой области будет оставаться столь бескровной? Достаточно вспомнить, что столкновения из-за островов очень нередко влекут применение силы (Варасельские Фолклендские острова). Не заключается ли причина именно в том, что суша более освоена и, в отличие от морских пространств, может быть заселена? Не изменится ли ситуация самым радикальным образом, когда в моря станут местом постоянного обитания человека, особенно учитывая обостряющиеся демографические проблемы? В этой связи показательны следующие цифры - приблизительно из 330 проблем, связанных с разграничением морских пространств, до сих пор удалось урегулировать лишь около 100¹⁶.

3. Экологическая безопасность

Эндимо, в вопросах окружающей среды причины возникновения опасных ситуаций - это, во-первых, как уже указывалось, просчеты в связи с предположениями, что планируемые действия не приведут к неблагоприятным последствиям сверх допустимых пределов, т.е. ошибка в планировании размеров ущерба и в шансах предполагаемого риска. Во-вторых, речь может идти о сознательном нанесении ущерба окружающей среде, когда какие-то интересы в других областях (например, при необходимости развивать промышленность) перевешивают соображения поддержания всеобщей экологической безопасности. Граница между этими двумя случаями не всегда может быть очевидной на практике, но в теоретическом плане ясно, что речь идет о наличии или отсутствии умысла.

Таким образом, причинами возникновения экологической опасности с точки зрения психологии человеческой личности при принятии решений. Что

касается материальных причин, то скорее всего они происходят из высокого уровня развития технологии (в результате быстро растет материальное производство), а также в силу противоречия между ограниченными размерами среды существования человека и пока безграничным возрастанием объема его деятельности.

Можно провести определенную параллель между причинами возникновения опасных ситуаций в военной и экологической областях. Наверное, оправдано говорить в собирательном плане о желании овладеть и в том, и в другом случае какими-то материальными или духовными ценностями и правами — на ресурсы, пространство, продукты и прибыли производства, заработать политические дивиденды и прочее в этом же роде. Сокращение таких причин опасных ситуаций должно, задано, идти через ограничение возможностей приобретения подобных прав, причем ограничение, налаженное как не учитывающим в инициативе формирования решения субъектов, так и самим субъектом, планирующим соответствующие шаги.

В практической области решение экологических проблем, в отличие от военных, лежит, вероятно, в большей мере в области формулирования теорий, используемых для регулирования экономической и научно-технической деятельности. Речь в первую очередь идет о теории как внутрисубъективной, так и международной экономического устройства.

Некоторые советские ученые высказывают мысль, что кардинальное решение экологических проблем может лежать на пути превращения принципа самовосстановления природных ресурсов, присущего ранее самой природе, в принцип управляющий и регулирующий воздействие человека на сферу взаимодействия природы и общества¹⁷. Несомненно, что если бы это было возможно, проблемы охраны окружающей среды были бы в значительной мере разрешены. К сожалению, возникновение подобной международной нормы возможно лишь в случае, если субъекты международных отношений смогут верно рассчитывать и регулировать свои собственные мероприятия, способные оказать воздействие на окружающую среду. Именно в этом и заключается основная проблема — расхождение между общим желанием не загрязнять окружающую среду и конкретными действиями, пока еще все равно ведущими к этому. И если эта проблема будет решена, то тогда не будет и необходимости устанавливать какие-то дополнительные принципы охраны среды, либо такие принципы будут иметь исключительно техническое, вспомогательное значение, регулируя на более системной основе уже существующую реальность. Однако совершенной утопией было бы полагать, что решение экологических проблем можно начинать с другого конца — сначала разрабатывать какой-то принцип и потом пытаться заставить все государства с ним согласиться, совершенно не учитывая, что это невозможно без решения сначала объективных проблем, ведущих к нежелательным экологическим последствиям (задуманные просчеты в планировании и умелые нарушения, но вызванные в конечном итоге объективными экономическими и социальными причинами).

Хотя пока принципы экологической безопасности в большинстве случаев не сформулированы в такой же форме, как и принципы военной безопасности, тем не менее многие страны вполне оправдано видят возможность заимствования и взаимообогащения в этой области. Например, предлагается сформулировать основополагающие принципы экологической безопасности, опираясь на уже достигнутый правовой опыт в военной области. Предлагается система следующих принципов: равной экологической безопасности, запрещения экологической агрессии, контроля за соблюдением согласованных требований экологической безопасности, регулярного обмена информацией об

экологической ситуации на национальном и региональном уровнях, предотвращения трансграничного ущерба окружающей среде, сотрудничества в чрезвычайных экологических ситуациях, научно-технического сотрудничества, права на благоприятную окружающую среду*18.

Признание этих принципов международным сообществом в качестве императивных было бы весьма полезным. Вместе с тем, в этой связи можно было бы высказать следующие замечания. Во-первых, в приведенном случае трудно усмотреть достаточно близкую связь по крайней мере со всеми основополагающими нормами, касающимися обеспечения военной безопасности - верховности границ, ненападения, уважение суверенитета и т.д. Действительно, международная безопасность во многом связана с соблюдением основополагающих основных норм международного права, а их, видимо, трудно, во всяком случае все, прямо связать с нормами, регулирующими вопросы охраны окружающей среды. Во-вторых, хотя автор сам отстает идею близости проблем обеспечения военной и экологической безопасности, он видит эту близость главным образом в причинах, мотивах и путях развития и предотвращения таких ситуаций, что в ряде случаев может означать сходство в применяемых правовых принципах, но далеко не всегда и далеко не автоматически. Сходство будет как бы вторичного характера, продиктованного теми же причинами, мотивами, путями развития и предотвращения подобных ситуаций. Сама же ситуация по своей природе все-таки различна, и конкретные нормы будут также чаще всего отличаться, оставаясь при этом общими в тех рамках, которые продиктованы общими закономерностями. Можно говорить об общих закономерностях формирования опасных ситуаций в силу общих закономерностей принятия политических решений по военным и экологическим вопросам, в силу общих закономерностей формирования поступков конкретных политических личностей. Общее имеется и в способах мирного урегулирования споров, и в сохранении опасных ситуаций в ограниченных рамках. Вряд ли это дает основания говорить о буквальном сходстве конкретных международно-правовых принципов. Скорее можно говорить о формировании международно-правовых методов одновременного воздействия на явление, ведущее как к военной, так и к экологической катастрофе. При этом далеко не всегда будут иметь форму принципов и норм, которые прямо можно увязать с военными и экологическими проблемами, например принципы, регулирующие процедуры мирного разрешения споров либо направленные на решение ресурсных и территориальных вопросов, проблем взаимоотношений "Север-Юг", характера тактики дипломатического воздействия на партнера с целью выработки соответствующих договоренностей и т.д. Именно в таком ключе и построена данная работа, преследующая цель в первую очередь выявить наиболее общие закономерности и первопричины и лишь вторично рассматривающая вопросы формы.

4. Развивающиеся страны

Причин возникновения опасных военных и экологических ситуаций может быть названо сколько угодно много. Это - и случайное использование ядерного оружия, и личные амбиции определенных государственных деятелей, и противоречия на национальной почве, и просчеты экономического планирования, и т.д. Интерес, однако, представляет изучение таких причин, которые наиболее вероятны и

предсказуемы. Одна из них уже была указана - это противоречия, возникающие вследствие споров в отношении пространств и природных ресурсов. Необходимо остановиться и еще на одной такой причине - отсталости развивающихся стран.

То, что отсталость развивающихся государств является глобальной проблемой, ее вызывает низкий возрастной, другой вопрос, является ли такая отсталость достаточно частой и вероятной причиной возникновения опасных ситуаций в военной и экологической области, причем даже в тех случаях, когда речь идет об относительно небольших странах? Обычно принято говорить, что такую опасность представляет внешнеполитический курс другой группы стран, а именно развитых капиталистических государств. Так не это? Конечно, такие страны, как США, Великобритания, Франция и др. в последние десятилетия нередко оказывались вовлеченными в различные конфликтные ситуации, сопряженные с применением силы. Могли ли эти конфликты повлечь катастрофические последствия? Да, несомненно могли, в частности, "рунджик" и "карболит" кризисы, Наверное, подобная опасность все еще остается. Тем не менее, нужно признать, что конфликты с участием развитых стран носят частный, ограниченный характер, обычно связаны с борьбой за второстепенные, а не глобальные проблемы. Наоборот, проблемы развивающихся стран носят ярко выраженный глобальный характер. Если они обострятся, то неизбежно повлекут принципиальные изменения в структуре сообщества государств, а значит, могут повлечь и ситуации, когда станет неизбежным и крупномасштабное применение силы. Развитые государства нередко сами первые прибегали и применяли силу. Разница, однако, заключается в том, что они могли бы этого и не делать, понося в результате лишь всего только моральный ущерб (конечно, не во всех случаях, но достаточно часто). Наоборот, противоречия, происходящие из глобальных проблем развития и касающиеся стран "группы 77", вряд ли оставят такой выбор - применять или не применять силу. Голод, нищета, неконтролируемый рост населения могут повлечь человечество в ситуацию, когда применение силы может оказаться неизбежным.

В любом случае автор считает необходимым остановиться именно на вопросе об уровне развития стран "группы 77", так наименее освещенной в научной литературе с точки зрения вероятной опасности военной и экологической опасности. Он, все-таки, заслуживает внимания, и скорее всего не меньшего, чем проблемы империалистической агрессии.

Наверное, можно достаточно уверенно утверждать, что страны, относящиеся к наименее развитым, имеющие низкий жизненный уровень, значительной части своего населения, сталкиваются с проблемой социальных беспорядков именно в среде таких социальных групп. Это достаточно понятно и объяснимо, т.к. наиболее деградирующее население имеет много социальных претензий, в силу угроз голода всегда готово прибегнуть к крайним формам протеста, не опасаясь при этом, в отличие от других слоев, потерять уже приобретенные материальные блага. Указанные социальные группы дестабилизируют в первую очередь внутрисоциальную обстановку в стране, а не ее внешний курс. Тем не менее, нестабильная внутренняя обстановка в конечном итоге вполне определенно предопределяет и внешнеполитические акции. Угроза голода и нищеты населения заставляет руководство страны прибегать ко всем возможным с его точки зрения шагам, чтобы как-то облегчить как объективную ситуацию в стране, так и укрепить свое собственное положение. В результате развивающиеся страны дают согласие на размещение на своей территории предприятий с опасными производствами (например, химический завод в индийском городе Бхопал), разрешают

захоронение у себя отходов, представляющих опасность для жизни человека, не слишком придирчиво смотрит на очистку отходов своей производств, желая не ставить дополнительных препятствий на пути развития своей собственной промышленности. В политической области великие страны остро чувствуют национальные проблемы и нередко стараются на пути не только политического, но и военного авантюризма, поимка за рубежом якобы виновных в их возникновении, подчас используя покровительство-эмоциональное отношение народов масс к существующему в мире порядку²⁰. Нередко таким "виновным" может оказаться соседнее (и не только соседнее) государство, ограниченные военные акции против которого или приговаривание к ним отягчают на время свою собственное выживание от внутренних проблем²¹. В такой группе ситуаций относятся, в частности, откаты от предоставления должной компенсации за национализированное иностранное имущество, а также откаты от уплаты внешних долгов.

Необходимо в этой связи отметить и такое явление, как быстрый рост вооруженных сил и вооружения в развивающихся странах. Производством, возможно, желанием преодолеть диктат бывших метрополий или ростом националистических настроений. В результате две трети производимого Западом оружия, включая новейшие его виды, покупают развивающиеся страны²².

Необходимо признать в расчет и то, что определенный экономический рост развивающихся стран сопровождается, к сожалению, не сокращением, а увеличением абсолютного числа неграмотных, голодающих, безработных и обделенных людей²³.

К сожалению, далеко не всегда политические деятели развивающихся стран относятся с должным уважением и таким общечеловеческим ценностям, как мир, что, возможно, происходит из того, что в этих странах сама человеческая жизнь имеет высокую цену.

Конечно, нельзя вмешиваться в решение внутренних проблем суверенного государства, и в этом смысле возможности международного сообщества существенно ограничены. Тем не менее речь может идти о косвенном воздействии на происходящие в развивающихся странах процессы и об определенном влиянии на их внешнеполитический курс.

Внешнее воздействие может быть военным, политическим, экономическим. Под военным воздействием подразумевается обязанность крупнейших государств, в первую очередь постоянных членов Совета Безопасности ООН, содействовать поддержанию мира и международной безопасности, что можно обеспечить за счет серьезного военного превосходства и вытекающих из этого возможностей вмешаться в ход событий, если они начинают развиваться в неблагоприятном направлении. Нет нужды говорить, что эти возможности сами могут привести к многочисленным злоупотреблениям в отношении других государств, и в этой части они вполне справедливо подвергаются критике, как, например, та же пресловутая "стратегическая оборонная инициатива" США. Однако возможности злоупотреблений совсем не означает, что сила и военное превосходство не должны в принципе использоваться даже в случае, если речь идет о самом существовании цивилизации. Тут уместна аналогия с медицинскими мерами по "жизненным показаниям", когда пациент наверняка погибает и любая попытка ему помочь является оправданной. Более того, практика послевоенного периода хотя и изобилует многочисленными примерами таких злоупотреблений со стороны сверхдержав, тем не менее во всех этих случаях речь шла о сравнительно незначительных акциях, если иметь в виду, что на другой чаше весов человечество имело в запасе или хотело иметь механизм предотвращения эскалации военных действий до недопустимо опасного уровня.

В связи с таким упомянутым военным воздействием можно привести определенные примеры практического плана. Так, в последнее время нередко говорят о снижении уровня военного противостояния сверхдержав, о необходимости взаимного сокращения ими своих вооружения. Предпринимаются и определенные практические шаги в этой области, касающиеся в первую очередь армий СССР и США. По сути дела, раньше в этом случае речь всегда шла о снижении уровня военного противостояния между капиталистическими и социалистическими странами. Конечно, это следовало бы всячески и безоговорочно приветствовать, если считать, что глобальный военный конфликт может возникнуть только из столкновения интересов этих стран между собой. Такое предположение, однако, может оказаться не только не точным, но и неверным, особенно если принять во внимание, что опасность применения оружия массового поражения со стороны стран с неустойчивыми политическими режимами (т.е. чаще всего со стороны развивающихся стран) возрастает с ростом проблемы распространения ядерного оружия²⁸, да и не только его. В результате же может оказаться, что одновременное снижение уровня военной развитости стран и Советского Союза может оказаться в конечном итоге не стабилизирующим, а дестабилизирующим фактором в деле поддержания всеобщего мира, т.е. возникнет сдерживающий эффект, который совместно оказывали эти страны на государства, склонные в силу тех или иных причин к военным авантюрам.

Политическое воздействие включает в себя весьма широкий спектр международных мероприятий, особенно в рамках ООН, призванных создать неблагоприятные условия для неправомерного применения силы, развиваемых войн.

Экономическое воздействие - это целенаправленные действия в рамках определенной стратегии международного экономического развития, разработанные с помощью связей же развивающихся стран²⁹. Здесь речь идет о концепции Нового международного экономического Порядка, о стратегиях развития, разрабатываемых в рамках ООН, включая, со исследованиями отдельных ученых (в том числе исследования "Римского клуба") и т.д. Основной вопрос при этом - каким путем необходимо идти, какую помощь развивающимся странам необходимо оказывать, чтобы она носила не только чисто гуманитарный характер, а велась бы к возникновению механизма самостоятельного продвижения к решению соответствующих национальных проблем, а не иждивенчества.

Можно согласиться с выводами многочисленных исследований на эту тему, что такая помощь должна в первую очередь быть направлена на преодоление неграмотности, на подготовку квалифицированных национальных кадров в передовых областях науки и техники, на передачу современной технологии, а не сводиться, например, к оказанию только продовольственной помощи.

5. Концепция развития

"Экономическая стагнация лучше экологической катастрофы" - этот тезис лег в основу известной концепции "нулевого роста"

Дж. Форрестера - Д. Медоуза. К современным концепциям относится и доктрина "дифференцированного органичного роста" М. Мосеравича - Э. Пестеля, предполагающая разнотемповое возрастание образующих частей экономики. В любом случае в этих концепциях речь идет о необходимости снижения темпов роста производства в развитых капиталистических странах, с чем сейчас соглашаются буржуазные

специалисты. Можно также упомянуть в качестве примера и проект "Интерфакчерс" (авторы: Ж. Лезурн, У. Михальски, М. Сакамото, Д. Ноурс). Все это в подобии им современные рекомендации о путях решения глобальных проблем развития не идут, к сожалению, дальше концепций, разделяемых специалистами. Возможно, это происходит в силу сложного характера изложения существа вопроса и в силу уже сложившихся стереотипов государственной политики. Вопрос заключается в том, каким образом можно было бы, выбрав предвзято наиболее оптимальный путь развития, превратить научную концепцию в официально поддерживаемую истину, иными словами, в норму международного права. Выказывается при этом мнение, что скорее всего можно было бы добиться каких-то сдвигов, используя международные организации. Иными словами речь идет о том, чтобы привлечь к обсуждению подобную концепцию не только свободных ученых, но и официальных представителей государств, связанных к тому же обязанностью прийти к какому-то решению²⁶, а также перевести решение проблем с национального на международный, наднациональный уровень.

В этой связи можно упомянуть опыт разработки, например, Конвенции ООН по морскому праву. На конференциях были представлены все группы государств, и в ходе переговоров обсуждалось, в частности, как будет отражены в Конвенции идеи установления НИЭП в международном морском праве. В результате в Конвенцию были включены нормы, в какой-то мере отражающие концепции НИЭП (общее наследие человечества, контроль прибрежных государств над ресурсами морских зон), но сами теоретические взгляды, лежащие в основе этих норм, отражены не были, что вполне естественно, если учесть те противоречия между различными государствами и группами государств, которые выявились.

Второе, такой путь, продолжавший объективными обстоятельствами, может быть использован и в дальнейшем. В таком случае при выработке тех или иных международных соглашений затрагивавших фундаментальные проблемы развития человечества, будут не в рамках согласованной основе формироваться и нормы, регламентирующие принципиальный характер направлений такого развития. Что же касается самих концепций, то они как и ранее, будут выдвигаться отдельными учеными или даже государствами и в дальнейшем отрабатываться на международных научных форумах или в авторитетных международных организациях и формулироваться в качестве рекомендации или резолюции. Достаточно в качестве крупного примера упомянуть "Хартю экономических прав и обязанностей государств" и иные аналогичные документы, принятые в рамках ООН.

Если говорить о существе концепции роста касавшихся проблем наименее развитых стран, то нужно отметить, что основное их направление должно быть не столько на преодоление различия в уровне жизни и развитии в развивающихся государствах, сколько на создание механизмов помощи последним в достижении и поддержании необходимого уровня экономического потенциала, способного уже обеспечивать соответствующий уровень жизни²⁷. Иначе помощь развивающимся странам была бы по своей структуре состоящей исключительно из продовольственных и потребительских товаров. Проблема именно в том и заключается, чтобы оказать помощь так, чтобы не стимулировать иждивенчество, не поощрять коррупцию²⁸, а способствовать развитию собственных средств страны, способных самостоятельно обеспечить необходимый рост в соответствующих областях. Именно поэтому так много в последнее время в контексте НИЭП говорится о передаче технологии и подготовке специалистов из развивающихся стран, т.е. передаче не материальных, а интеллектуальных благ (хотя при этом специалисты утверждают, что принципиально невозможно воспроизвести

развивающихся странах образ жизни, утвердившийся в настоящее время на Западе, независимо от характера передаваемой технологии*29, а преодолеть разрыв хотя бы только в обеспеченности продовольствием до уровня поддержания политической стабильности не удастся еще несколько десятков лет*30).

Конечно, и на разработку соответствующих технологий также были затрачены какие-то средства, и если встать на позицию автоматической передачи всему остальному человечеству всех новых достижений, то помимо проблем сохранения прав на интеллектуальную собственность возникнет и проблема исчезновения заинтересованности в дальнейшем проведении таких работ. Этот фактор должен учитываться, в частности, в форме материальной компенсации за передачу технологии*31.

Нужно иметь в виду, что помощь не сводится только к продовольственной или интеллектуальной. Значительные возможности заключаются, например, в улучшении условий международной торговли, а также в преобразованиях и в некоторых других областях.

6. ИМП и ОНЧ

Решение проблем установления Нового Международного Экономического Порядка (ИМП) может быть достаточно тесно связано с проблемами обеспечения выживания человечества. Эта связь может быть реализована по двум направлениям. Так, этим путем может быть как-то смягчена проблема экономического отставания развивающихся стран, а значит и смягчено их желание восстановить справедливость любой ценой, прибегнуть к военным или экономическим (т.е. в том числе с самыми тяжелыми экологическими последствиями) авантюрам.

В сущности, идея ИМП уже довольно активно, хотя пока и не слишком успешно продвигается в жизнь. Помимо известных резолюций ГА ООН Декларации об установлении ИМП и Хартии экономических прав и обязанностей государства*32, нужно упомянуть Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. и Соглашение о принципах деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. В обоих этих договорах нашло отражение понятие принципа Общего наследия Человечества (ОНЧ), который во многом построен на идеях ИМП и предусматривает существенные экономические и политические выгоды именно для развивающихся государств. Принцип ОНЧ в том виде, как он и был сформулирован, вызывает много справедливых замечаний со стороны промышленно развитых стран и со стороны СССР. Значит ли это, что такой принцип не должен вообще признаваться? Тут на равных чашках весов оказываются следующие интересы. С одной стороны, развитые страны вполне оправданно озабочены экономическим содержанием ОНЧ, предусматривающим для них ряд обременительных обязательств. С другой стороны, экономическая помощь развивающимся странам является реальностью нашей эпохи, причем она необходима не только в силу тех или иных гуманитарных соображений, но и для снижения напряженности экономических, а значит и политических проблем этих стран, что несомненно важно для поддержания безопасного мира. Кроме того, желание развивающихся стран добиваться установления ИМП и признания принципа ОНЧ служат для них достаточно мощным стимулом, чтобы активно участвовать в создании новых международно-правовых принципов и норм, регулирующих новые виды деятельности и использование международных пространств, а значит связанных с областями повышенной вероятности столкновения в скором будущем интересов различных государств.

Видимо, можно утверждать, что в интересах создания безопасного мира необходимо считаться с идеями ИМОП и ОНЧ. Другой вопрос, каким должен быть баланс интересов развитых и развивающихся государств. Какова вообще цена безопасного мира? Каков должен быть баланс между порядком и справедливостью, если он вообще достижим? Наверное, пока нельзя соглашаться с выдвигнутыми развивающимися странами требованиями в отношении Луны, международного района морского дна и Антарктики, т.н. бремя обязанностей и ограничений для развитых стран слишком велико*33. Компромисс должен быть разумным, и остается надеяться, что его удастся достичь.

7. Процедуры принятия решений

Серьезное беспокойство вызывает также утверждающееся в международной практике процедуры принятия решений. За последние сто лет резко возросло число стран, принимающих участие в решении тех или иных международных вопросов. Если на первой Гаагской конференции в 1899 г. присутствовало всего 26 государств, то на второй, в 1907г., уже 44. Если максимальное число членов Лиги Наций достигало 50, то только первоначальное число членов ООН равнялось уже 51. Теперь в ООН более чем полторы сотни членов. Делегации более чем 150 стран приняли участие в III Конференции ООН по морскому праву. Среди членов Лиги Наций страны Азии и Африки составляли всего 14, а среди первоначальных членов ООН это число составило лишь 13. Сегодня именно развивающиеся страны и составляют наиболее многочисленную группу стран, принимающих участие в решении международных проблем. Они же теперь являются и самыми горячими сторонниками принятия решений на основе процедуры большинства - простого или квалифицированного. Практически всегда при этом развитые страны не могут даже заблокировать принятие неприемлемых решений, не говоря уже о возможности добиться принятия решений в свою пользу. При принятии решений как правило применяется принцип "одно государство - один голос". В крайне незначительном числе международных организаций применяется процедура взвешенного голосования или консенсуса как правило в тех, где число развивающихся стран по тем или иным причинам невелико. Конечно, во многих случаях при принятии решений теперь предпринимаются попытки добиться консенсуса (если не всех заинтересованных государств, то хотя бы присутствующих). Тем не менее упоминание консенсуса как правило сопровождается оговоркой, что если он оказывается недостижим, то решение принимается на основе большинства.

Можно ли в таких условиях обеспечивать справедливость при решении международных вопросов? Практика последних десятилетий показывает, что такое несовершенство процедуры ведет к нарушению принципа справедливости, создает достаточно серьезную угрозу для существующего международного порядка (это касается, например, некоторых принципов ОНЧ). Создаваемое при этом новое международное право служит нередко не укреплению стабильности, а продвижению своеобразно понимаемых идей справедливости*34.

Опасная тенденция решать международные проблемы голосованием с применением процедуры простого или квалифицированного большинства имеет место и в международном морском праве. Речь идет о попытках развивающихся стран утвердить принцип общего наследия человечества.

Сама по себе идея "интернационализации контроля" за деятельностью государств в международном районе морского дна была первоначально

выдвинута во второй половине 60-х гг. США (рассчитывавшими, вероятно, сохранить за собой такой "контроль"*)³⁵ и переключалась с относительно аналогичным подходом авторов концепции "объема наследия человечества". Тем не менее, когда эти идеи стали приобретать конкретные очертания в соответствующих международных документах, и в первую очередь в Конвенции ООН по морскому праву, выяснилось, что речь идет о процедуре принятия решения простым или в крайнем случае квалифицированным большинством, что означало полный контроль со стороны наиболее многочисленной группы стран - развивающихся государств. Нет нужды говорить, что такая ситуация оказалась в конечном итоге неудовлетворительной не только для развитых капиталистических, но и для социалистических стран.

ii. Функциональный суверенитет и наднациональный договор

В качестве одного из средств по предотвращению возникновения опасных ситуаций иногда предлагают пойти по пути принятия мер на основе концепции функционального суверенитета. Нужно признать, что развитие техники резко повысило масштабы последствий (как положительных, так и отрицательных) тех или иных мероприятий. В результате существенно возросла опасность, что некоторые из шагов, предпринимаемых суверенным государством в пределах своей территории могут своими последствиями прямо затронуть интересы других стран. Это касается, в частности, как экологических, так и военных вопросов. Соответственно под сомнение была поставлена правовая концепция абсолютности территориального суверенитета. По существу, никто не возражает, что государство в настоящее время не имеет права проводить на своей территории любые мероприятия, не учитывая мнение остального мирового сообщества. Иными словами, речь идет о том, что суверенитет в любом случае перестал быть абсолютным. Совершенно очевидно, что существует новое явление взаимозависимости государств, привнесшее специфические черты и в характер международных отношений³⁶. Другой вопрос, как теперь определить характер суверенитета с правовой точки зрения. Эта проблема является достаточно важной, поскольку речь идет об определении характера прав государства как в отношении его собственной территории и ресурсов, так и в отношении пространства и ресурсов, находящихся только под его юрисдикцией, например, морских пространств.

Нередко высказывается мнение, что суверенитет перестал быть абсолютным, одновременно перестал быть и территориальным, а стал функциональным, т.е. требующим юрисдикция над определенными землями, а не над географическим пространством. По существу же речь идет о необходимости создания теоретических предпосылок для последующей интернационализации всех мировых ресурсов, для объединения усилий групп стран или всех стран по осуществлению права суверенитета, о создании децентрализованного планетарного суверенитета³⁷. Взаимно, тут оправданно усматривать и связь с идеей всемирного государства.

Нужно отметить, что некоторые нормы международного права в определенной мере подтверждают концепцию функционального суверенитета. Действительно, в международном морском праве говорится о суверенных правах прибрежного государства в отношении континентального шельфа, но только в целях его разведки и разработки его природных ресурсов (ст. 77 Конвенции ООН по морскому праву). То же касается и ресурсов экономической зоны.

Однако, не лучше было бы говорить все-таки не о функциональном

суверенитете, а о территориальном, но ограниченном? Не равно ли и в утопично ли сейчас говорить о подобной степени интернационализации прав государств? Может быть, правильнее искать решения проблем, исходя из существующей реальности - деления мира на различные государства и различные общественно-политические системы. Если сейчас такая интернационализация невозможна, то не отбрасывай ли в принципе предлагать решения глобальных проблем как поэтапное продвижение к идее коллективного управления всем жизненным пространством на Земле? Если конечная цель недостижима, то вполне возможно, что меры, направленные на частичное к ней продвижение будут не только не улучшать ситуацию, а лишь ее ухудшать, хотя и не очевидно, в не сразу.

Да и что означает на практике такой "функциональный" суверенитет, например, в отношении ресурсов прибрежных морских зон? Чем он отличается от просто неограниченных в отношении его прав прибрежного государства? Как представляется, даже на основе Конвенции ООН по морскому праву прибрежное государство вполне может осуществлять в отношении таких ресурсов все три правомочия, составляющие право собственности - владение, распоряжение и пользование. Возможные же ограничения в использовании этих ресурсов (вероятно, такие, как обязанность предоставлять допуск другим государствам к остаткам допустимого улова) ничем по своей природе, видимо, не отличаются от возможных аналогичных ограничений в отношении эксплуатации ресурсов, находящихся в пределах суверенной территории (к примеру, неизрасходование ущерба окружающей среде в масштабах, способных затронуть интересы других государств). Эксплуатация в любом случае предполагает возможность полного отчуждения полученного продукта. Другое дело, если бы речь шла о суверенитете в целях наблюдения или, скажем, изучения. Такие права, правда, трудно назвать суверенными.

Существование проблемы заключается, вероятно, в следующем. Если идти по пути интернационализации, то нужно выработать такой механизм управления, согласно которому решения принимались бы даже вопреки позиции государства и были бы для него тем не менее обязательными. Если же исходить из того, что суверенное государство само определяет свои действия (хотя и с учетом интересов международного сообщества в целом), то в таком случае решения на международном уровне должны приниматься так, чтобы минимально согласовать позиции всех сторон и такие решения должны отращать интересам всех заинтересованных государств, даже, может быть, в за счет того, что они будут не слишком далеко идущими.

На практике этот тезис выглядел бы следующим образом. Для примера можно взять вопрос об учреждении Международного органа по морскому дну, а также Международного трибунала по морскому праву. Как известно, Ассамблея Международного органа должна принимать решения большинством голосов. При такой процедуре мнение многих государств может игнорироваться, но принятые решения будут для него тем не менее обязательными. Как известно, Советский Союз и другие восточноевропейские страны выступили в Подготовительной комиссии для Международного органа по морскому дну против такого порядка даже несмотря на то, что он прямо предусмотрен Конвенцией ООН по морскому праву. Такое изменение в позиции по сравнению с III Конференцией ООН по морскому праву объясняется не только сменой состава участников переговоров (то есть субъективным фактором), но и тем, что когда речь зашла о практических решениях, то стало ясно, что подобный порядок будет означать полный произвол наиболее многочисленной группы стран, а именно - развивающихся государств. Принятие некоторых решений в Подготовительной комиссии показало, что развитие

событий идет именно в этом направлении - в попытках навязывать мнение большинства, игнорируя мнение меньшинства.

Советские предложения предусматривали процедуру принятия решений консенсусом, по крайней мере, по вопросам, влекущим существенные финансово-экономические последствия. Конечно, такая процедура довольно негибка и скорее всего не позволит слишком часто принимать далеко идущие решения. С другой стороны, она по крайней мере гарантирует, что мнение государства всегда будет учтено. В сущности, возможны и другие процедуры помимо консенсуса, также обеспечивающие учет интересов всех заинтересованных сторон, но более гибкие, чем консенсус. Например, Дунайская конвенция предусматривает процедуру, согласно которой решения Дунайской комиссии по ряду важных вопросов принимаются хотя и большинством голосов, но они действительны только в той мере и в том случае, если государства, которых они касаются, проголосовали "за" *39.

Что же касается Международного трибунала по морскому праву, то тут ситуация несколько иная, и об этом необходимо упомянуть. Трибунал может принимать решения по ряду дел по заявлению только одной стороны в споре, и эти решения являются обязательными для всех сторон. В сущности, такая ситуация также может рассматриваться как шаг в сторону установления наднационального управления. Оправданно ли выступать за обязательность решений арбитражных и судебных органов в международных вопросах, если исходить из того, что в настоящее время утопично говорить о таком объеме перехода прав государств и международным органам, который ограничивает национальный суверенитет сверх разумной, по мнению заинтересованных сторон, меры? Наверное, в случае вынесения судебных решений ограничение национальных прав достаточно часто теперь рассматривается как разумное (хотя нельзя не отметить, что процедуры обязательной юрисдикции и обязательности решений все-таки еще с трудом находят поддержку у многих государств). Действительно, в случае судебного разбирательства идет речь как бы о перераспределении прав и обязанностей между спорящими сторонами, но не о переходе этих прав в пользу наднациональных органов. На наднациональном уровне решается только вопрос о перераспределении этих прав.

Иногда высказывается мнение о необходимости разработки и заключения общего международного многостороннего договора (договора об основах отношений), который бы всесторонне регламентировал установление нового международного порядка и тем самым способствовал бы предотвращению возникновения ситуаций, опасных для человечества. При этом в качестве примера делается ссылка, например, на Хартию экономических прав и обязанностей государств, предлагается взять ее по содержанию за образец (придавая характер не рекомендации, а договора), дополнив при этом еще некоторыми положениями, касающимися доступа к технологиям, расширения торговли, признания компетенции Общего наследия человечества, обеспечения продовольствием и энергией, создания международной валюты, учреждения общей наднациональной организации по планированию и т. д. *40

Наверное, возможность заключения такого договора прямо связана с проблемой реальности урегулирования глобальных проблем путем принятия решений на наднациональном уровне. В той мере, в какой утопична сама эта идея, в такой же мере неоправданно рассматривать заключение подобный договор, хотя рациональное зерно в таком предложении может быть усмотрено на путях разработки новых резолюций по типу Хартии, способных помочь утверждению в международном праве некоторых новых принципов, связанных с прогрессивной перестройкой

9. Роль международных организаций

Высказывается также мнение, что обеспечение всемирного порядка, а следовательно и предотвращение ситуаций, угрожающих безопасности, можно было бы добиться на путях усиления роли международных организаций⁴¹. Такой подход не беспочвен. Действительно, в ряде вопросов, в частности, что касается использования морских пространств, например, в области судоходства, рыболовства, международные организации играют достаточно существенную и полезную роль, принимают решения, которыми государства - их участники охотно руководствуются, что дает оправданные основания полагать, что на этом пути можно успешно решать определенные проблемы. Нужно иметь в виду и процессы, которые проходили за последние три десятка лет в рамках ЭЭС, Государства, входящие в него, делегировали организации свою компетенцию по ряду важных вопросов. В дальнейшем достаточно успешными оказались и процессы по общеевропейской интеграции, что продемонстрировало возможности обеспечивать большую централизацию, опираясь на усиление роли международной организации. Нетрудно заметить, что в этом случае речь также идет об одном из путей по продвижению идеи всемирного государства⁴² - во многом за счет роста взаимозависимости. По словам, например, французского юриста П.Ротера, развитие международных организаций ведет к тому, что международное сообщество или менее организованного становится более организованным⁴³. Иными словами, усиление роли международной организации - это не сам способ обеспечения безопасности и порядка, а способ по продвижению к более высокому уровню централизации власти, которая и будет призвана этот порядок обеспечить. Так ли это? Опыт последнего времени показывает, что даже внешне не очень плодотворное сотрудничество в рамках международных организаций все равно в конечном итоге оказывалось не бесполезным, способствуя лучшему взаимопониманию и удерживая от непродуманных либо экстремистских шагов. Примеров же, когда работа международных организаций приносила бы ощутимую пользу, и вовсе более чем достаточно. Так, может быть, оправдано поставить задачу всемирного усиления роли международных организаций и добиваться этой цели всеми доступными способами, пока такая роль (или власть, что в данном случае одно и то же) не станет абсолютной, наднациональной? Уже сама постановка вопроса показывает, что речь идет о двух принципиально различных ситуациях. Одно дело, когда международная организация приобретает какую-то компетенцию и затем пытается ее реализовать под строгим международным контролем государств-участников, готовых отозвать делегированные полномочия, если развитие событий пойдет по нежелательному сценарию. Наверное в таком случае деятельность международной организации будет только полезной, поскольку она в конечном итоге будет контролироваться более высоким уровнем власти. Другое дело, если такой более высокий уровень будет отсутствовать и международный орган приобретает высшие, абсолютные полномочия. В таком случае произойдет замена международного сообщества государств национальным обществом. Эта идея перехода к солидарному обществу государств (solidarity of states) высказывалась еще Г.Гроцием, и специалисты нередко склонны считать создание Лиги Наций и ООН попытками реализовать эти идеи на практике⁴⁴.

Если оставить в стороне вопрос о практической осуществимости в

современных условиях такой трансформации (видимо, весьма и весьма маловероятной), то в таком случае проблема в конечном итоге будет в принципе сводиться к тому, может ли суверенное государство лишь в силу абсолютного характера своих внутрисударственных полномочий обеспечить внутреннюю безопасность. К сожалению, придется констатировать, что даже в вопросах военной безопасности это не так, а иначе не существовало бы, например, понятия гражданской войны¹⁵. Что же касается экологической безопасности, то, наоборот, проблемы охраны окружающей среды как раз наиболее остры именно там, где управление принимало абсолютные формы.

Тут также идет речь о ликвидациях так называемого "приватного" характера международного права, о приближении его по возможностям прикушения к национальному, якобы идеальному праву. Может быть, наднациональный характер власти и позволит добиться этого, однако, как уже указывалось, нет никаких гарантий, что такая власть сможет формировать право в интересах не своих собственных, а всего общества в целом. Может быть, точно так же, как и институты демократии сильным плюрализмом, международное право также сильно изменит равенством своих субъектов и в целом отсутствием силы, способной их безоговорочно принудить к тем или иным действиям. Ведь иногда речь идет о принуждении, не следует забывать, что его возможности далеко не всегда будут гарантированно использоваться в интересах всего общества.

1. Аристотель. Политика, кн. 1, 2, 10. М., 1911. Гоббс Т. Левиафан, М., 1976, с. 114. Спиноза Б. Избранные произведения, т. II.

2. Тушин Г.И. Право и сила в международной системе. - М.:

Международные отношения, 1983, с. 107-108. См. также: Федосеев П.И. Коммунизм в философиях, М., 1971, с. 497.

3. Коменский Я.А. Всеобщий совет об исправлении человеческих дел. "Трактаты о вечном мире", М., 1863, с. 58-59, 76.

4. Руссо Ж. Ж. Суждение о вечном мире. "Трактаты о вечном мире" - М., 1963, с. 140-141.

5. Родоначальники позитивизма, Вып. 3, Сен-Симон, СПб., 1911, с. 143.

6. Баскин Д.А. Идеи "вечного мира" в философской и политической литературе нового времени. Советский ежегодник международного права, 1966-1967. М., 1968, с. 166.

7. Блонча Н. Современное международное право цивилизованных государств. М., 1876, с. 5.

8. Тшберген Я. Пересмотр международного правопорядка, М.: Прогресс, 1980, с. 45.

9. Речь шла о создании экспертной группы и подготовке ей рекомендаций, а также о создании банка данных и фонда для финансирования работы Центра. См.: Письмо министра иностранных дел СССР генеральному секретарю ООН по вопросу создания при ООН центра срочной экологической помощи. Правда, 4 мая 1989г.

10. Правда, 31 января 1989г.

11. Тшберген Я. Указ. соч., с. 204-207.

12. Keshane R.O. and Nye J.S. Power and Interdependence, World Politics in Transition, Boston, Little, Brown & Co., 1977.

13. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace, N.Y., Alfred A. Knopf, 1950.

14. Конечно, были попытки распространить свое влияние и на целые океаны. Молодцов С.В. Международное морское право, М.,

- "Международные отношения", 1987, с. 24-42
- 15 Липгардская Г.Г. Международно-правовые аспекты деятельности морских пространств. - Советский ежегодник международного права, 1984, М., "Наука", 1986, с. 172.
- 16 Осипов Ю.В. - из выступления на XIII Международной конференции "Мир на морях", Москва, 26-30 июня 1989г.
- 17 Глобальные проблемы современности. - М.: Мысль, 1981, с. 45.
- 18 Марков В.Г. Научно-техническая революция и природная среда - Вопросы философии, 1974, №.3, с. 99.
- 19 Тимошенко А.С. Экологическая безопасность и международное право СЕМП, 1988, М., Наука, 1989, с. 33-37.
- 20 Hoffmann S. Ethics and Rules of the Game Between the Superpower
 10. Right v. Might. International Law and the Use of Force, N.Y.,
 1. 1989, p. 85.
- 20 Глобальные проблемы современности Указ. соч., с. 78-79.
- 21 Там же, с. 78-79.
- 22 Там же, с. 79.
- 23 Там же, с. 83.
- 24 См. От нераспространения к разоружению. Правда 18 сентября 1986 г. Цельный ряд государств уже принято рассматривать в качестве "околядерных" Пакистан, Ирак, Бразилия, Израиль, ОАР и др. В 1974г. в "ядерный клуб" вступила Индия.
- 25 Конечно, экономическое воздействие может осуществляться и на ином основе, причем, вероятно, не менее успешно. См. в этой связи, например, концепция взаимозависимости: Keohane R.O. and Nye J.S. Op. cit.
- 26 Глобальные проблемы современности Указ. соч., с. 261.
- 27 Тинберген Я. Указ. соч., = 17.
- 28 Там же, с. 253.
- 29 Там же, с. 18.
- 30 Там же, с. 126.
- 31 Там же, с. 109.
- 32 Идеи НМЭП нашли отражение и в ряде других международных документов, например в резолюции 7 следсессии ГА ООН, в Манильской декларации, в Арушской программе опоры на собственные силы, в документах ряда сессии СМТАД и конференция ЮНДЮ, в декларациях конференции глав государств и правительств неприсоединившихся государств и др. См. Klyunov A., Sheinin V. Developing Nations at the Turn of Millennium. Progress Publishers, Moscow, 1987, pp. 185-189.
- 33 См. Трофимов В.Н. Правовой статус Антарктики. М., 1990, с. 10-89.
- 34 Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. London, The Gresham Press, 1979, pp. 122-125. Henkin L. How Nations Behave. Law and Foreign Policy. Columbia University Press, N.Y., 1979, p. 127.
- 35 Глобальные проблемы современности Указ. соч., с. 172.
- 36 Keohane R.O. and Nye J.S. Op. cit., pp. 24-25.
- 37 Тинберген Я. Указ. соч., с. 111-114, 129, 131, 146, 187, 377-379.
- 38 Там же, с. 139, сноска 1.
- 39 См. статью 12 Конвенции о режиме судоходства на Дунае 1948г.
- 40 Тинберген Я. Указ. соч., с. 145-146.
- 41 См. например: Clark G. and Sobn L. World Peace through World Law. Harvard University Press, 1966.
- 42 Например И. Кунд, отстаивая концепцию единства путей развития международного и национального права, считает, что обеспечение

международной безопасности должно опираться на централизацию. Kunz
1. Sanctions in International Law. AJIL, v.54 (1960). p. 347.
43 Reuter P. Principes de droit international public. "RdC", v.103
(1961), p. 457.

44 Bull H. Op. cit., pp. 238-240.

45 Противоположные аргументы по вопросу о гарантиях поддержания
внутригосударственного мира могут быть достаточно многочисленными.
Х. Моргентау говорит о необходимости соблюдения для этого нескольких
условий. Во-первых, социальные группы не должны иметь возможности
нарушить мир, и, во-вторых, они не должны иметь такого желания.
Второе условие обеспечивается в свою очередь еще тремя условиями:
наличием в государстве высшей силы принуждения, лояльностью к власти
и ожиданием справедливости. Morgenthau H.J. Op. cit., p. 132. На
практике, однако, пока не удалось создать государства, способного
гарантировать, что сила применяться не будет.

Как уже указывалось, процедуры мирного разрешения споров являются важным средством, позволяющим сдерживать развитие опасной ситуации, не допуская, чтобы она перерастала в конфликт с применением силы. В данном разделе рассматриваются лишь некоторые из проблем, связанных с применением этой процедуры и имеющих достаточно существенное значение с точки зрения обеспечения международной безопасности.

1. Роль прецедентов и толкования права

Как уже указывалось, процедура мирного разрешения международных споров играет важную роль в предотвращении перерастания возникшего спора в опасную ситуацию, хотя возможности здесь существуют достаточно ограниченные¹.

Тем не менее, необходимо отметить, что, например, Устав ООН вполне справедливо провозглашает принцип, в соответствии с которым любой спор, представляющий угрозу международному миру и безопасности, касается всех государств и международного сообщества в целом.

Конечно, процедура мирного разрешения споров по определению предполагает, что к моменту ее применения спорная ситуация уже возникла. Тем не менее, если спорная ситуация бывает успешно урегулирована мирными средствами, то аналогичный спор, который может возникнуть в будущем, будет более легко урегулирован, учитывая уже имеющиеся прецеденты. Это важный элемент процедуры мирного урегулирования споров, который однако еще недостаточно укрепился в международной практике, особенно в отношении проблем, касающихся применения силы. Конечно, пока еще нет необходимости (точнее сказать, нет возможности) поднимать международные соглашения, заключенные суверенными государствами, решениями международных судебных органов, а тем более национальных судов². Международное сообщество в целом совершенно не готово к такой передаче компетенции от государств к международным организациям. Тем не менее, несомненно полезными были бы любые допустимые шаги в этом направлении, пусть сколь угодно ограниченные. Даже не подменяя кодифицированное право прецедентами, можно было бы намного более широко пытаться толковать существующие обычные и договорные нормы международного права, причем не только в рамках международных судебных органов, а любых органов с достаточным авторитетом. Решения международной организации или национального суда, толкующие норму применительно к изменившейся ситуации, то есть прогрессивно развивающие ее, и одобренные сообществом суверенных государств, несомненно добавили бы гибкости и эффективности существующей системе международного права. В конечном же итоге источником международного права могла бы быть не только воля суверенного государства. Проблема тут, как известно, заключается не в том, что международная организация или суд не способны принять разумное решение, а в том, что пока международное сообщество разделено на государства, которые в силу вполне объективных причин чаще всего не желают делегировать свою компетенцию иным субъектам.

Пока, к сожалению, существует лишь единичные решения международных судебных органов, претендующие на то, чтобы считаться прецедентом по вопросам глобальной безопасности. В качестве примера можно упомянуть

решении Международного суда в 1986г. в деле, возбужденном Никарагуа против США. Этот случай можно рассматривать как попытку толкования статей 2(4) и 61 Устава ООН³. Хорошим примером является и Совместное заявление СССР и США от 23 сентября 1987г. о едином толковании норм международного права, регулирующих мирный проход.

2. Принцип мирного разрешения споров

Принцип мирного разрешения споров тесно связан с принципом ненападения в том смысле, что если государству нельзя прибегать к силе при решении международных проблем, то оно вынуждено обратиться к процедуре мирного разрешения споров. Эти два принципа исторически формировались вместе. Гаагские конвенции 1893г. и 1907г. о мирном разрешении международных споров содержат лишь пожелание "по возможности" и "васколько позволяют обстоятельства" воздерживаться от применения силы и прибегать к мирным способам разрешения споров. Устав Лиги Наций уже содержал определенные элементы принципа мирного разрешения международных споров, но еще не сам этот принцип. Парижский пакт 1928г. устанавливал не только принцип ненападения, но и принцип мирного разрешения споров. В наиболее точной форме принцип мирного разрешения споров нашел свое отражение в п.3 статьи 2 Устава ООН. Нужно отметить, что Организация Объединенных Наций играет довольно значительную роль в продвижении этого принципа в жизнь. Так, из более чем 150 споров и конфликтных ситуаций, вынесенных на рассмотрение органов ООН, нерешенным осталось лишь незначительное их число⁴. Из достаточно многочисленных решений ООН по вопросам мирного разрешения споров можно выделить Манильскую декларацию, принятую в 1982г. на основе консенсуса.

Какова роль этого принципа в поддержании мира? Как представляется, ее не следовало бы слишком переоценивать. Государства обращаются к процедуре мирного разрешения споров по различным причинам. Среди них можно назвать следующие. Для сильных государств (причем не только с военной, но и с экономической точки зрения) это наличие силового паритета с другой стороной в споре; нежелание применять силу, чтобы не нарушить уже сложившиеся межгосударственные связи (наличие взаимозависимости), или чтобы не создавать неблагоприятный прецедент, которому могут последовать другие государства, или чтобы не вызывать осуждения мирового сообщества. Слабые государства не имеют, естественно, альтернативы применения силы и вынуждены обращаться к иным процедурам, которые могут позволить им получить хоть какие-то преимущества в свою пользу при урегулировании. Вероятно, есть и другие обстоятельства, которые заставляют воздерживаться от применения силы. В любом случае они носят объективный характер, а наличие принципа мирного урегулирования споров является лишь фактором морального воздействия, ограниченным по степени воздействия, но позволяющим "мягко" принуждать к определенным действиям. Существование этого принципа не позволило избежать применения силы ни между Ираном и Ираком, ни между Ираком и Кувейтом. Вообще, территориальные споры в послевоенный период достаточно нередко решались с применением силы; между СССР и Китаем, между Китаем и Вьетнамом, между Китаем и Индией, между Индией и Пакистаном и т.д.

3. Обязательность судебных процедур и решений

Существуют и другие проблемы, связанные с мирным урегулированием споров и касающиеся повышения эффективности соответствующих процедур. Среди них достаточно серьезные, по мнению автора, проблемы — это, во-первых, как побудить государства более часто (или всегда) прибегать к процедуре мирного разрешения споров, не пытаясь от нее уклониться под различными благовидными предлогами, и, во-вторых, как повысить обязательность принятых судебных решений.

Казалось бы, достаточно найти такой механизм, который гарантировал бы обращение к процедуре мирного урегулирования споров в случае возникновения соответствующих ситуаций, а также достаточно обеспечить выполнение принятых решений, и будут ликвидированы все причины, ведущие к применению силы. Если бы этого удалось как-либо добиться, то многие вопросы могли бы быть успешно решены. В сущности, международное сообщество стремится к такой цели. Например, в конце прошлого века т.н. Арбитражное движение было весьма популярным, опираясь именно на идею принудительного арбитража как средства обеспечить разрешение всех международных споров мирными средствами. Подобные идеи и сейчас пользуются значительной поддержкой. Здесь, однако, мы сталкиваемся с тем же обстоятельством, которое приходится учитывать при обеспечении выполнения обязательств, предусмотренных международным правом — с ограничением возможности принуждения. Этот вопрос в сущности связан с проблемой наднациональной власти, уже рассмотренной выше. Если бы такая власть существовала, то тогда было бы достаточно просто обеспечить соблюдение процедур мирного разрешения споров. Но оправдывает ли цель средства, оправдывает ли возможность обеспечить исполнение судебных решений возникающие в результате этого потери в области суверенных прав? Да и способна ли вообще наднациональная власть обеспечить неприменение силы? Во всяком случае, существующее сообщество государств пока оказывалось способным предотвращать угрозу глобальной катастрофы. Поскольку в любом случае вопрос о формировании наднациональной власти не стоит, оправданно было бы лишь вести линию на признание обязательности мирного урегулирования, полагаясь при этом на волю суверенных государств и на возможность воздействия на нее в рамках предложенной техники "мягкого" принуждения. Существенную роль играет, конечно, степень развития системы международных органов, занятых мирным урегулированием споров, и степень международного признания такой практики. Этой же цели соответствует распространение признания обязательной юрисдикции тех или иных судебных органов. Что касается Советского Союза, то он по многим крупным проблемам пока стремился избегать обращения в международные судебные органы, вероятно не будучи в достаточной мере уверенным в том, что принятое решение будет его в полной мере устраивать. По мнению автора, по крайней мере в случаях разграничений морских пространств с соседними государствами, в том числе с США, КНР и Швецией, возможные решения международных судебных органов или арбитражей в любом случае не были бы хуже тех решений, которые были приняты в СССР т.н. "волевым порядком". Справедливости ради следует отметить, что СССР не является единственной страной, которая стремится избежать международных судебных процедур. Во многом именно по этой причине говорят о низкой эффективности Международного суда. Причин тому много: нежелание политических деятелей выпускать из своих рук решение тех или иных проблем, плохое знание международного права, стремление к

компромиссу, нежели к решению суда, который может присудить все права другой стороне, отсутствие практики участия в международном судебном разбирательстве, отсутствие доверия к иностранным судьям, боязнь, что суд будет вмешиваться во внутренние дела государства, опасения, что поражение в суде нанесет ущерб престижу государства*5.

4. Третейское разбирательство

Какие вообще методы мирного урегулирования являются наиболее эффективными? В этом вопросе государства далеко не всегда придерживаются одинакового подхода. До недавнего времени можно было встретить точку зрения, что вообще разбирательство с участием третьей стороны (третейское разбирательство либо разбирательство в каком-либо из международных судебных органов) не всегда способствует выработке справедливых решений, и предпочтительнее решать возникший спор с участием лишь тех сторон, которых он касается, обращаясь лишь к прямым переговорам. В какой-то мере это нашло отражение при обсуждении в Специальном комитете Генассамблеи ООН проекта декларации 1970г. по принципам международного права, касающимся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в частности, в предложениях СССР. Кроме того, в качестве примера можно привести вопрос о разграничении морских пространств между СССР и Норвегией в Баренцевом море, который решался и до сих пор рассматривается лишь на двусторонней основе, хотя многочисленные переговоры не давали каких-либо существенных результатов в течение весьма продолжительного времени. Точно так же, когда встал вопрос о разграничении районов морского дна, на которые были поданы заявки в Подготовительную комиссию для Международного органа по морскому дну Советским Союзом, Францией, Японией и Индией, советская делегация достаточно ясно высказалась против передачи этого спора на арбитражное разбирательство, хотя в Резолюции II Третьей конференции ООН по морскому праву такая процедура применительно к данному случаю была прямо предусмотрена. Тем не менее, Подготовительная комиссия приняла решение, которое можно понимать как отход от вышеуказанной процедуры. В результате нескольких лет переговоров удалось разграничить указанные районы морского дна, и остается только гадать, какая из сторон выиграла бы, при соблюдении процедуры, предусмотренной в пункте 4(с) Резолюции II. По мнению автора, принявшего участие в этих переговорах, такое решение спора принесло бы в результате больше выгод все-таки советской стороне. В конечном итоге достигнутое решение также оказалось достаточно удовлетворительным. Не следует однако забывать, что с самого начала этих переговоров перспективой урегулирования без использования арбитражных процедур представлялись достаточно реальными, и речь шла о достаточно справедливых вариантах для любой из сторон. Несколько другая ситуация сложилась, когда вскоре после этого встал вопрос об аналогичном разграничении участков дна с четырьмя транснациональными горнорудными консорциумами. Решение было достигнуто, однако, как представляется, уже далеко не такое благоприятное для СССР как при разграничении с Францией и Японией. Хотя в этом случае не было достаточной ясности, необходимо ли применять процедуру арбитражного разбирательства, предусмотренные в Резолюции II, так как США, ФРГ и Великобритания не подписали Конвенцию, однако может быть как раз в этом случае и имело смысл попытаться обратиться именно к ним.

Какие же соображения препятствуют обращению к процедурам

третейского разбирательства? Вряд ли можно достаточно исчерпывающе указать все из них, однако в отношении некоторых можно высказать определенные соображения; далеко не всегда стороны уверены в том, что третья сторона будет выносить достаточно справедливые решения. Вряд ли можно решить эту проблему иначе, чем укрепляя авторитет суда в ходе рассмотрения конкретных дел.

Нужно отметить, что во взаимоотношениях содстран между собой намечались подвижки в процедуре мирного разрешения споров. В рамках СЭВ в конце 80-х гг. была разработана примерная статья по арбитражу для включения в соответствующие соглашения⁶. Другой вопрос, что развитие событий в Восточной Европе не позволило это должным образом использовать.

5. Обязательная юрисдикция

Хотя у советских ученых можно было встретить мнение о целесообразности обязательной юрисдикции⁷, длительное время СССР стремился не брать на себя подобных обязательств. Тем не менее, в конце 80-х гг. этот подход претерпел определенные изменения, о чем было заявлено на самом высоком уровне (это, однако, не привело к передаче в международные судебные органы каких-либо конкретных дел). В сущности, Конвенция ООН по морскому праву предусматривает в определенных случаях процедуру обязательного судебного разбирательства в отношении споров, касающихся морских пространств, и Советский Союз не выступал против этого, по крайней мере, в период после подписания Конвенции.

Надо однако отметить, что даже если такая процедура и получит всеобщее признание, вряд ли следует ожидать, что она может превратиться в одну из императивных норм международного права. А это значит, что в любом случае если какое-то государство сочтет, что такое разбирательство неприемлемо для него в силу тех или иных серьезных причин, оно от него откажется, и если и понесет при этом какой-то моральный ущерб, то не чрезмерно большой. Достаточно вспомнить, как США отказались от процедуры обязательного разбирательства в Международном суде, когда туда было передано дело о минировании никарагуанских портов. При этом США не просто отказались от принятия на себя ранее обязательств придерживаться такой процедуры, но даже пошли на нарушение порядка, установленного для отказа от обязательной юрисдикции⁸.

Не стоит рассчитывать, что в случаях действительно серьезных споров их участники не предпочтут прибегнуть к другому традиционному средству обеспечить свои интересы - силе⁹.

Принудительное разрешение споров возможно в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву через Международный трибунал по морскому праву, через Международный суд ООН, а также посредством арбитражной процедуры в соответствии с Приложением VIII Конвенции ООН по морскому праву¹⁰. Видимо, предусмотренные Конвенцией процедуры являются достаточно существенным шагом вперед в вопросе мирного разрешения споров, связанных с использованием Мирового океана. Как известно, идея создания Международного трибунала по морскому праву была выдвинута Соединенными Штатами в 1970 г. в комитете ООН по мирному использованию морского дна за пределами национальной юрисдикции. Ряд государств, в том числе Великобритания, Швейцария, Япония и Дания, выступили против нее, считая, что это может привести к ослаблению роли Международного суда ООН.

Вероятно, именно это и произойдет. Если Международный трибунал будет создан, то вполне оправданно будет ожидать, что количество дел, касающихся Мирового океана и рассматриваемых Международным судом, существенно снизится или, может быть, и вовсе сойдет на нет. Тем не менее, в данном вопросе более логично встать на позицию не абстрактной защиты авторитета ООН и Международного суда, а на позицию укрепления роли и влияния Конвенции ООН по морскому праву и создаваемых на ее основе судебных и арбитражных органов, тем более что предусмотренные ею процедуры это не только кодификация существовавшей до этого практики, но и существенно ее прогрессивное развитие. Есть надежда ожидать, что предусмотренные Конвенцией процедуры обязательного рассмотрения споров станут действительно признаваться и применяться всеми или почти всеми государствами. Достаточно при этом вспомнить, что хотя Международный суд также предусматривает возможность таких процедур, тем не менее это не помешало США совершенно правомерно отказать от ранее взятых на себя обязательств при рассмотрении жалобы Никарагуа. Тут, конечно, нельзя забывать о проблеме, распространяется ли принятое государством на себя обязательство об обязательности судебных процедур в отношении событий, которые имели место до момента принятия такого обязательства.

Возможно то, что Конвенция предусматривает достаточно широкий круг вопросов, по которым будет применяться обязательная процедура, поможет ей стать действительно общепризнанной. Во-вторых, в Конвенции содержится и ряд новаций в этой области. Так, довольно широк круг временных мер, которые могут применяться до вынесения решения по существу вопроса. Конечно, и Международный суд может принимать такие меры, однако различия заключается в степени их детализации (и в Конвенции, и, например, в регламенте Трибунала), а также в степени обязательности. Особенно это заметно в вопросе о незамедлительном освобождении судов. Конвенция достаточно подробно регламентирует процедуры арбитража, а деятельность Трибунала к тому же весьма подробно определена в документах, разработанных Подготовительной комиссией для Международного органа по морскому дну, которые должны быть утверждены специальным совещанием государств-участников. Нужно также отметить, что в Конвенции определены категории споров должны рассматриваться Трибуналом, Международным судом или арбитражем по просьбе только одной стороны в таком споре, причем решения будут обязательными для всех сторон. Это, в частности, касается споров в отношении морского дна за пределами национальной юрисдикции, вопросов толкования и применения Конвенции. Участниками конвенции могут также быть не только государства, но и другие объекты международного права — международные организации, которые в пределах своей компетенции также могут принимать участие в разбирательстве споров в качестве одной из сторон. Более того, в вопросах, касающихся глубоководных районов морского дна, в качестве стороны в споре может выступать даже физическое лицо¹¹. Нужно учитывать также и то, что Международный суд имеет достаточно ограниченные возможности и просто физически не способен рассматривать большое число споров. В этой связи представляет также несомненный интерес предложение об учреждении соответствующего международного судебного органа для решения проблем окружающей среды¹², а процедура рассмотрения дел в камерах, несмотря на то, что она позволяет намного ускорить рассмотрение, в силу различных причин так и не стала применяться на практике.

Арбитраж весьма часто применяется в международном морском праве. К

сожалению, в Конвенции ООН по морскому праву не предусмотрен постоянный орган для арбитража. Конечно, правила ИСИТРАЛа являются достаточно неплохо отработанным документом, но и они не идеальны¹⁴.

Наверное, в основе нежелания принимать на себя обязательства по признанию обязательной юрисдикции могут лежать и соображения, что в ходе двустороннего разбирательства удастся добиться для себя более серьезных уступок, особенно если государство обладает, по его мнению, эффективными военными или иными средствами давления на своего партнера по переговорам. Возможно, что именно соображения такого порядка и лежали в основе позиции великих держав, когда на конференции в Сан-Франциско они воспротивились включению в Устав ООН положения об обязательной юрисдикции Международного Суда, хотя оно и было поддержано большинством малых и средних государств. Можно, однако, высказать в этой связи соображение, что состояние современных международных отношений как правило не дает оснований надеяться на особую успешность попыток оказать серьезное давление в ходе прямых переговоров. Как раз наоборот, в современных условиях нередко представляется достаточно затруднительным оказать серьезным лицам на партнерах по переговорам чаще всего вряд ли можно надеяться использовать при этом такой аргумент, как применение силы или угрозы ее применения, доскольку подобные действия, противоречащие основным принципам международного права, скорее всего приведут к весьма нежелательным последствиям для государства-агрессора. В любом случае, если партнер по переговорам почувствует на себе слишком серьезное давление, это скорее подтолкнет его не к уступкам, а к укреплению своей позиции, например, путем выступления и противостояния военной группировке. В результате, вместо успешного разрешения пограничного спора можно подтолкнуть спорящую страну отказаться от своей нейтральной позиции, что несомненно только затруднит дальнейшие переговоры и осложнит отношения с этой страной в целом. Не спорные ли вопросы в СССР вокруг архипелага Шпицберген и разграничения морских пространств в Баренцевом море подтолкнули в свое время Норвегию к участию в НАТО?

6. Запрещение применения силы и процедура мирного разрешения споров

Интересно отметить, что по мнению некоторых юристов запрещение применения силы в международных отношениях привело, в частности, к тому, что государства стали меньше обращаться к процедуре мирного урегулирования споров, считая, видимо, что опасность нападения на них снизилась в новых условиях, а решение самого спора, может быть целесообразно отложить и на некоторое время сохранить неустойчивый статус quo¹⁴. Вполне возможно, что в некоторых ситуациях сработал именно этот механизм, хотя все-таки представляется недостаточно обоснованным ставить международное право выше воли суверенных государств. Видно, сначала сложилась объективная ситуация относительно прочного мира (вероятно, в силу изменения и стабилизации расстановки сил на международной арене), и уже на фоне этого оказалось возможным как формально запретить применение силы в международных отношениях¹⁵, так и ввести коррективы в национальную политику по конкретным спорным международным проблемам.

Применение силы может быть предотвращено иными, чем дипломатические переговоры, методами, которые также не предполагают применения силы. К таким методам можно отнести случаи оперативного обмена информацией для предотвращения военного столкновения с целью выяснить истинные намерения другой стороны. Эти методы эффективны только в случаях предотвращения опасных ситуаций, возникших случайно, но никак не тогда, когда имеет место умышленно опасные действия. В качестве конкретного примера можно привести заключение между СССР и США договоренности о т.н. "красном телефоне" (Меморандум о договоренности между СССР и США об установлении линии прямой связи от 20 июня 1963 г.). Подобные соглашения относятся как раз к тому случаю, когда ни одна из сторон не заинтересована в возникновении опасных ситуаций, развивающихся в направлении, нежелательном ни для одной из них. Как известно, указанное соглашение было заключено в 1962 г., причем во многом в результате возникновения кризиса в линии связи заработала в августе 1963 г. После этого она достаточно интенсивно использовалась в 1967г. во время арабско-израильской войны, в 1971 г. во время индо-пакистанской войны, в 1973 г. во время следующей арабско-израильской войны, в 1974 г. во время конфликта между Турцией и Кипром, в 1979г. во время ввода советских войск в Афганистан. Такие же линии связи были созданы в дальнейшем между СССР и Францией, ФРГ, Великобританией. В конце 1980 г. по решению парижской встречи СЕСЕ был учрежден Центр по предотвращению конфликтов, который по замыслу его создателей должен играть роль своеобразного многообластного "красного" телефона для европейских стран¹⁶.

Аналогичный характер носит и соглашения, предусматривающие процедуру оперативного обмена информацией между военным персоналом разных стран для предотвращения неправомерного столкновения действий друг друга как враждебных. Например, в 1968г. было заключено Соглашение между Правительством СССР и правительством США о предотвращении опасной военной деятельности. По сути дела, тут речь идет о процедуре военного урегулирования возможной конфликтной ситуации не дипломатическими, а иными (как правило, более оперативными) средствами.

8. Правила соприкосновения

Среди средств, применяемых для предотвращения применения силы, нужно упомянуть и так называемые правила соприкосновения (rules of engagement). Это набор правил для военнослужащих, достаточно детально определяющих, в какой момент и в каких ситуациях при соприкосновении с потенциальным противником уже можно применять оружие. В какой-то мере можно говорить, что подобные правила являются детализированным руководством для осуществления на практике права на самооборону (конечно, в ситуациях, когда не ведутся наступательные операции), хотя высказывается также мнение, что право на самооборону не нуждается в какой-либо детализации¹⁷.

9. Проблемы ограничения разрастания опасных ситуаций

Если не удается разрешить спор мирными средствами и он перерастает

в столкновении с применением силы, тогда остается возможность попытаться ограничить конфликт, не дать ему перерасти во всемирную катастрофу. Если речь идет об охране окружающей среды, тогда эта задача не допустить, чтобы уже нанесенный ущерб продолжал увеличиваться до катастрофических размеров. Таким образом, в военной области для этого чаще всего необходимо применять силу, а в области экологии - чрезвычайные меры, а может быть и также силу, если необходимо заставить какое-то государство прекратить опасную деятельность. О каких наиболее острых проблемах можно говорить в связи с такой необходимостью ограничивать развитие опасной ситуации? По мнению автора, основная проблема в этой области - это отсутствие универсально признаваемой и одновременно работоспособной и эффективной глобальной концепции применения силы в целях обеспечения международной безопасности. Конечно, существует понятие коллективной безопасности, сейчас обычно связываемое с ООН. Хотя возможности такой коллективной безопасности достаточно широко и часто обсуждаются, тем не менее опыт попыток применить эту концепцию на практике вряд ли дает основания для особого оптимизма (даже сразу после создания ООН идея коллективной безопасности оценивалась как несуществующая¹¹). Кроме того, существуют концепции, выдвигаемые отдельными государствами или группами государств, или существующие лишь как именные специалов, но даже если они и построены на правильном понимании общественных закономерностей, все равно без должного глобального признания они не являются полноценным средством обеспечения международной безопасности. Соответственно в случае возникновения реальной угрозы катастрофических последствий вряд ли можно ожидать согласованных действий всех членов международного сообщества государств. В последующих разделах приводятся исследования на эту тему, цель которых - попытаться определить какие-то общие реальные закономерности, определяющие проблему применения силы, и наметить способы их использования, которые в совокупности могут являться элементами (но, конечно, не всеми) общей концепции, лежащей в основе соответствующих практических шагов. Такая концепция может, наверно, позволить предвидеть и набор мер, которые будут способствовать тому, чтобы не только не допустить разрастания, но и возникновения реального военного или экологического ущерба.

10. Сдерживание агрессии Ирака

Прежде чем приступить к рассмотрению некоторых теоретических концепций, полезно сначала кратко коснуться одной из практических ситуаций. Таким хорошим примером, показывающим возможный набор конкретных мер по локализации вооруженного конфликта, по сдерживанию его в региональных ограниченных рамках является вооруженная агрессия Ирака против Кувейта 2 августа 1990г. Что же касается вопроса о теоретических основаниях, стоящих за такими конкретными мерами, то он будет рассмотрен в последующих разделах.

Были ли шансы для перерастания этого конфликта в более широкий, может быть, даже глобальный? Можно достаточно уверенно утверждать, что не США, не Ирак этого не желали. Тем не менее, такая возможность, по мнению автора, несомненно существовала. Дело в том, что действия каждой из сторон имели, или легко могли приобрести форму, нанесшую ущерб престижу другой стороны, который трудно было оставить без реакции. "проглотить" Сама по себе аннексия Кувейта

была крайне вызывающей, ставила под сомнение глобальную миротворческую роль США. На которую эта страна несомненно претендует. Кроме того, действия Ирака несомненно затрагивали такой чувствительный для Соединенных Штатов вопрос, как экономическая зависимость от поставок ближневосточной нефти. В такой ситуации ответные акции становились просто неизбежными. Могли ли эти ответные акции так задеть престиж Ирана, что вынудили бы его пойти на эскалацию конфликта? Конечно, могли. Например, США в самом начале конфликта, не дожидаясь признания Советом Безопасности резолюции 661, могли применить силу для обеспечения проверки судов и реального осуществления блокады. Иран канонерил в этот момент два своих танкера с целью вывести их из района Персидского залива, по которым один из военных кораблей США провез несколько предупредительных выстрелов, требуя остановиться для досмотра. Танкеры не подчинились этому требованию. Если бы США применили силу в этом эпизоде, то вполне можно было ожидать, что Ирак прибегнет к применению силы в качестве ответного шага. Если в результате этого были бы уничтожены какие-то военные корабли США, то эскалация конфликта стала бы весьма вероятной, могла бы повлечь применение химического оружия, нападения на гражданские пассажирские самолеты, террористические акции по всему миру. Даже не вдаваясь в другие детали и не рассматривая возможности иных вариантов развития событий, ясно, что молчаливая эскалация конфликта вполне мог бы сработать.

Какие же практические шаги по сдерживанию конфликта были предприняты? Как Ираку, так и всем другим государствам, которые могли бы повлечь в будущем решать международные проблемы таким путем, было ясно показано, что в качестве ответной меры сверхдержавы могут пойти на применение силы и нанести военное поражение агрессору. При этом было продемонстрировано отвлеченное единство международного сообщества не только в осуждении агрессора, но и в принятии мер по экономической, а даже военной блокаде. Сколь убедительны были эти меры? Конечно, было ясно, что такая блокада не продержится слишком долго. При других условиях она была бы скорее всего невозможна, и только в силу особого географического положения Ирака она вообще была установлена. Кроме того, стало ясно, что экономические и военные меры оказались иррационально дорогостоящими. Неразрывание военного присутствия США вызвало отрицательные реакции у широкого ряда стран. Не все сверхдержавы участвовали в военных акциях против Ирака, а тем числе и СССР. Возможно, что и тут сыграло роль желание добиться очевидных выгод в ущерб интересам абсолютной безопасности, а может быть, и просто непонимание проблемы обеспечения такой безопасности. Все это показало, что меры по ограничению уже возникшего вооруженного конфликта, по сдерживанию его в определенных рамках, возможны, но они не идеальны, имеют ряд недостатков и в конечном итоге не гарантируют, что такое сдерживание удастся осуществить. Такие меры могут также пониматься недостаточно убедительными для тех стран, которые повеляют в будущем осуществлять аналогичные противоправные действия.

Каким же должен быть идеальный набор мер по противодействию агрессору, по предотвращению разрастания вооруженного конфликта? Механизм военного противодействия агрессии должен быть более убедительным. Может быть, оправдано было бы принятие против стороны, виновной в разжигании конфликта, и более решительные военные меры вплоть до использования силы. Особенно эффективно это было бы, конечно, в том случае, если бы был отработан механизм почти автоматического военного противодействия, причем всеми сверхдержавами и с обеспечением радикального военного превосходства.

Наверное, такие меры более реально нести бы к наказанию агрессора и оказались бы и более дешевыми, чем экономическая блокада, так как потери от нее обременны для всех сторон, она не может продолжаться бесконечно долго, а значит оставляет надежду оказаться в конечном итоге безнаказанным. Конечно, такое решительное коллективное применение силы возможно лишь в случае, если все сверхдержавы ясно для себя определят, откуда исходит основная угроза миру, и одновременно столь же ясно определят существование общей для всех них концепции по обеспечению глобальной безопасности. Пока же опыт конфликтов в зоне Персидского залива (да и в других регионах) показывает, что такой надежды и эффективных механизмов ограничения распространения опасной ситуации отсутствует, несмотря на существование ООН. Видимо, пока не все страны склонны рассматривать подобные акты применения силы как основной реальный источник возникновения опасных ситуаций, угрожающих безопасности всего человечества. А если бы в Персидском заливе не применялась сила (или не существовала бы угроза ее применения) для противодействия Ираку? Возможно, что претензии этой страны могли бы коснуться сначала Саудовской Аравии, а затем и других стран этого региона.

11. Теория мирового порядка. Система баланса сил и этическая система

Существуют различные концепции, описывающие современное состояние международного сообщества и межгосударственные отношения. В зависимости от характера концепции предлагаются и определенные средства поддержания международной безопасности и мира, порядка, справедливости. По мнению автора, порядок и современное состояние государства поддерживается в основном благодаря системе баланса сил¹⁹, которая действует объективно, вне зависимости от того, признается ее существование или нет.

Для правильного понимания роли международного права в вопросах военной и экологической безопасности необходимо хотя бы кратко пояснить, что обычно понимается под международным порядком, опирающимся на баланс сил²⁰.

Под порядком (*order*) можно понимать такое состояние общества, когда удается сохранить в достаточно стабильном состоянии некоторые основополагающие или универсальные ценности или условия общественной жизни. В качестве подобных ценностей для поддержания внутриагосударственного порядка называют нередко такие категории, как жизнь, правда и собственность, имея при этом в виду, что жизнь должна быть защищена от насилия, влекущего смерть или увечье; договоренности должны выполняться (правда), а владение вещью должно быть стабильным, хотя бы до определенной степени, и не подвергаться постоянному и неограниченному сомнению²¹.

Вряд ли можно совершенно безапелляционно утверждать, что эти ценности присущи человеческой природе и состояние порядка есть естественное состояние общества, хотя сторонники теории "естественного права" придерживаются именно этой точки зрения. Вряд ли также можно утверждать, что человеческое общество терпит стабильность, если какие-то из этих ценностей отсутствуют. Достаточно вспомнить примеры из истории СССР и других социалистических стран. Другой вопрос, сколь продолительно может существовать такая стабильность.

Порядок не эквивалентен праву. Последнее нередко более или менее точно отражает его (наряду с моралью, "правилами игры", обычаем),

однако можно найти случаи, когда практическая ситуация не соответствует требованиям права либо вовсе им не регулируется. Иными словами, право и порядок - это не одно и то же. Более того, порядок - это не всегда и справедливость. Для поддержания порядка справедливость может быть в отдельных случаях принесена в жертву.

Для сообществ государств порядок может означать сохранение системы и сообщества государств, сохранение независимости или внешнего суверенитета (external sovereignty) отдельных государств, поддержание мира и содействие общечеловеческим ценностям: жизни, правды и собственности.

Система государств и сообщество государств - это также не одно и то же. Существование сообщества предполагает, что государства связаны порядком, чувством общих интересов в элементарных целях, в то время как система может означать, что государства связаны только например, балансом сил. Таким образом, система государств характеризуется плюрализмом их суверенитетов и степенью их взаимодействия, превращающего их в систему. Степень их согласия с общими принципами и институтами характеризует их уже как сообщество. Нужно отметить, что теория взаимозависимости государств предполагает, что концепция силы продолжает в любом случае оставаться фундаментальным элементом при анализе международной политики*22.

Нужно упомянуть по крайней мере три концепции, по-разному описывающие феномен системы или сообщества государств. Концепция, предложенная Г. Гоббсом, предполагает, что все государства имеют только свои интересы и облекают между собой "правила игры" только внешне. Если за правилом не стоит сила, то оно не может ограничивать государство. Естественным состоянием такой системы является война. Согласно концепции Т. Канта, международное сообщество является всеобщим единством отдельных личностей, связанных общими интересами вне зависимости от государственных границ. Наконец, концепция Г. Гроция описывает систему государств как международное сообщество этих государств с общими интересами, отличными от интересов отдельных личностей*23.

Это более чем упрощенная схема достаточна сложных концепций, но она даже в таком виде позволяет составить общее представление о фундаментальных подходах к решению проблемы обеспечения международного порядка. Современное сообщество государств по мнению большинства специалистов, соответствует скорее представлению Гроция. Эта точка зрения представляется вполне справедливой, но с той оговоркой, что некоторые возникающие в международной жизни ситуации могут быть объяснены более полно, если как раз с позиций концепции Гоббса и Канта. Действительно, вряд ли можно оспаривать тот факт, что в некоторых странах при принятии отдельных политических решений учитываются в первую очередь собственные интересы, даже если они полностью противостоят интересам международного сообщества. К этой категории можно было бы, например, отнести большинство случаев агрессивных действий. Нередко в качестве подходящего примера рассматривают явление "холодной войны", породившей концепцию политического реализма. Точно так же в современной международной жизни легко просматриваются ситуации, когда между различными социальными группами населения, находящимися в разных странах, возникает взаимоотношения на основе общих интересов, которые в конечном итоге трансформируются в согласованные попытки (и нередко успешные) воздействия на политику этих стран. Тут можно упомянуть движение "зеленых", явление "народной дипломатии", Папуовское движение и др. Несомненно, что и в целом международное

сообщество достигло по определенным направлениям высокой степени взаимозависимости, вплоть до того, что при решении отдельных вопросов основными субъектами выступают уже не государства. Наверное, можно в этой связи утверждать, что в современном обществе найдутся признаки всех трех концепций, а это значит, что при этом действуют свои собственные специфические закономерности, характерные для каждой из них.

Международный порядок - это только одна из ценностей международной жизни. Другими существенными ценностями являются также справедливость и мир. В качестве примера нередко приводят взаимоотношения развитых и развивающихся стран - если первые выступают в большей мере за поддержание порядка, то вторые - за справедливость, даже ценой беспорядка, и честности в вопросах урегулирования ИМП*24.

Порядок в современных международных отношениях в значительной мере описывается, как считают многие политологи, и, видимо, вполне справедливо, на систему баланса сил (balance-of-power system)*25. Конечно, это не предполагает, что совсем не играют роли иные закономерности в частности, связанные с ростом взаимозависимости государств на глобальном, однако, менее заметно. Предполагается, что система баланса сил выполняет следующие функции. Во-первых, она не позволяет и не позволяет трансформировать существовавшую международную систему государств в единое государство, в империю. Во-вторых, существование локальных балансов сил позволило сохранить независимость мелких государств, во многих случаях позволяло подготить их более сильным государствам региона. В-третьих, общий и локальные балансы сил там, где они существовали, позволили функционировать институтам, которые обеспечивают поддержание порядка (дипломатия, право, война, управление со стороны сверхдержав - great power management)*26.

Система баланса сил означает, что главным приоритетом международных отношений является поддержание порядка, а не соблюдение такого этического принципа, как справедливость (или поддержание мира)*27.

Система баланса сил не лишена, конечно, недостатков, и подвергается в этой связи достаточно серьезной критике. Бесспорно, заключается в том, что вряд ли можно предложить какую-либо иную, столь же эффективную систему поддержания порядка. Наверное, можно равноручить систему баланса сил, но если это в конце концов произойдет, то вряд ли так же надежно удастся поддерживать порядок и мир, если вообще это будет возможно. Критики системы баланса сил нередко указывают, что она сводит международное поведение государств к погоне за силой, к политике силы, влечет пренебрежительное отношение к международному праву, в конечном итоге не способствует поддержанию порядка, так как попытка сохранения баланса является источником войн, а если порядок и поддерживается, то в интересах сверхдержав за счет малых государств.

Действительно, система баланса сил предполагает возможность войны (или, в иной терминологии, возможность организованного насилия), но ее цель - это не поддержание мира во всех случаях в любой ценой, а сохранение системы государств как таковой.

Насилие при этом признается в качестве эффективного инструмента политики. Этот тезис пытаются иногда оспаривать, указывая, что рост взаимозависимости государств изменил приоритеты и сила теперь не является самым важным политическим средством. Например, США и Канада никогда не прибегнут в своих взаимоотношениях к силе, а это значит что она более не является решающим фактором по крайней мере в этом

случае:28 Тут можно возразить следующие США и Канада являются высокоцивилизованными членами международного сообщества, прекрасно способны оценить реальное положение вещей, хорошо усвоили "правила игры" и в своих взаимоотношениях исходят из реальных взаимных оценок, в том числе и в вопросах силы. Они скорее всего никогда не прибегнут к силе не потому, что она не важна, а потому что они знают о ее существовании без напоминания. Сомнительно, например, что Канада станет подобно Кубе или Гренаде проводить столь же двусмысленную политику в вопросах затрагивающих безопасность США. Другой пример — это нефтяная политика стран Персидского залива, регулирование ими цен на нефть, что оказывает существенное воздействие на международные отношения, хотя эти страны не обладают военным потенциалом, эквивалентным такому воздействию. Якобы и тут главную роль играет не сила. Однако США в конечном итоге применили силу "почему-то" именно в этом регионе, а не в случаях, например, частых африканских конфликтов.

Ведущую роль в системе баланса сил играют сверхдержавы, которые считаются в основном только с интересами друг друга, в чем-то друг другу уступают, но мало считают с интересами малых стран. Тем не менее, баланс сил предполагает независимость не только больших, но и малых государств. Баланс сил между сверхдержавами — это все-таки видно, и условие существования международного права. Если бы вместо баланса существовало, например, подавляющее преимущество одной сверхдержавы, то трудно представить себе механизмы, который заставлял бы ее считаться с правом. В этой связи уместно привести мнение Л. Шпитцгейма: "Первейшая и принципиальная мораль, которая может быть извлечена из истории развития права государства — это то, что право нации может существовать только если есть равновесие сил (equilibrium) между членами сообщества нации"²⁹. Вместе с тем, интересы сохранения баланса могут иногда потребовать нарушения международного права, то есть интересы сохранения порядка господствуют над интересами соблюдения права.

Если для поддержания порядка необходимо сотрудничество сверхдержав, то оно осуществляется любыми средствами сверхдержавы стремятся избежать войны между собой, так как она приведет к нарушению существующего порядка. Однако система баланса сил не исключает локальной войны или иной формы применения силы, если они необходимы для поддержания порядка установленного сверхдержавами, и не угрожают возникновению войны между такими сверхдержавами. Несомненно, что в этом смысле принцип баланса сил является жестким принципом. Одновременно между сверхдержавами может, и нередко существует, враждебность, которая тем не менее совершенно не эквивалентна понятию войны³⁰.

Система баланса сил не предполагает, что военные, экономические и идеологические потенциалы всех сверхдержав будут сопоставимы, или хотя бы приблизительно, равны между собой, тем более в условиях существования ядерного оружия, позволяющего осуществлять ядерное сдерживание³¹ (последнее, в отличие от баланса сил, способствует в первую очередь поддержанию не порядка, а ядерного мира). Более того, что касается баланса в области идеологии, то вполне возможно, что его изменение может способствовать не нарушению порядка, а как раз наоборот, его большей стабильности. Действительно, если представить себе, что в мире победила одна идеология (то есть произошел переход от гетерогенности к гомогенности идеологии), то наверное можно ожидать, что это укрепит порядок. Другой вопрос, каков будет характер этого порядка, если победит не капиталистическая, а коммунистическая идеология, или наоборот

Система баланса сил предполагает определенную гибкость в вопросе постепенного изменения подобного баланса. В качестве примера указывают на крупнее колониальной системы, серьезно изменившей расстановку сил в мире.

Основной баланс сил между сверхдержавами не исключает возможности существования и локальных балансов сил — уже между менее крупными странами и на более низком уровне³². Баланс сил существует также в объективном и субъективном виде. Это значит, что либо реальное соотношение сил не всегда сознается всеми сторонами, либо представления о возможностях какого-то государства не соответствуют действительности, основаны на завышенных оценках. Когда возникает сомнения в обоснованности каких-то претензий того или иного государства, связанных с функционированием баланса сил, то в таком случае требуется реальное подтверждение таких претензий, что нередко принимает форму демонстрации силы. Подобные явления достаточно нередки в международной практике, носят довольно регулярный характер и в сущности являются неотъемлемым атрибутом системы баланса сил.

Вышеописанная система баланса сил понимается в контексте современной международной обстановки. Несмотря на общность термина, система баланса сил, существовавшая до I мировой войны, имела несколько иное содержание, реализовывалась, в частности, в форме коалиций государств, а не отдельных сверхдержав³³.

Необходимо отметить, что международные отношения описываются не только системой баланса сил, но и так называемой этической-политической системой (ethical-political system)³⁴. Этическая-политическая система предполагает, что центральные приоритеты в международных отношениях отдаются этическим в политическим принципам, которых придерживается какая-то страна, не обязательно являющаяся сверхдержавой. Такая страна делит все остальные государства на сторонников и не сторонников своего подхода, считая первых друзьями, а вторых — противниками. В результате такое государство стремится помочь своим "друзьям" и находится в состоянии по меньшей мере идеологической войны со своими "противниками", не отвергая возможность и военного столкновения. В конечном же итоге такая система также ведет к отрицанию этических принципов, также, в частности, как справедливость, мир и порядок.

Отношения между СССР и США являются хорошим примером комбинации двух систем. С одной стороны, СССР и США избегают прямой конфронтации, стремятся к поддержанию глобального правопорядка, но с другой стороны находятся (или находились) в состоянии постоянной идеологической борьбы, в угоду которой приносились подчас весьма серьезные жертвы. По мнению автора, хорошим примером этической-политической системы являются некоторые мусульманские государства, которые хотя и не обладают достаточно крупными вооруженными силами, чтобы претендовать на право диктовать значительной части мирового сообщества, но тем не менее во многом во имя своих идеологических идеалов готовы использовать силу, несмотря на серьезную опасность ответных мер. Политика СССР в отношении развивающихся стран также может быть во многом объяснена с позиций этической-политической системы, в частности, многочисленные случаи оказания экономической и политической помощи без, казалось бы, каких-либо фундаментально серьезных оснований.

В связи с вышесказанными концепциями поддержания порядка (а значит, чаще всего и мира) необходимо рассмотреть насколько более подробно ряд проблем, связанных с соотношением права и силы, возможностями применения силы, уточнить реальные тенденции развития международных отношений, прямо касающиеся характера международного порядка.

Нередко соотношение международных отношений рассматривается как противопоставление применения права или силы. При этом речь идет о том, решаются ли те или иные проблемы мирными средствами, илиosome переговоров и путем поиска взаимоприемлемых вариантов, либо одна из сторон предпочитает навязать свое решение силой либо угрозы ее применения, без должного учета мнения другой стороны.

Иногда словами, в таких случаях исследуются соотношения международных отношений с точки зрения способа решения тех или иных проблем. При этом нередко предполагается, что решение проблем мирными средствами всегда справедливо, а насильственные решения всегда несправедливы. Это достаточно ясно было замечено при разработке в рамках ООН проекта декларации о неприменении силы в международных отношениях и при обсуждении вопроса о разработке всемирного договора о неприменении силы в отношениях между государствами.

Так являются ли мир и территориальная независимость во всех случаях высшей ценностью или существует и иные, более высокие ценности? Насколько поставка вопроса о противопоставлении права и силы оправдана и полезна при решении задачи обеспечения выживания человечества?

В данной работе применен следующий подход к проблеме обеспечения выживания человечества. Сначала выстраивается процесс формирования и развития системы ситуаций и предлагаются соответствующие меры, которые было бы желательно предпринять на том или ином этапе. Более того, проблема не рассматривается с точки зрения справедливости, например, в тех разделах, где можно было бы говорить о силе. При этом предполагается, что любые, в том числе и насильственные меры, оправданы, если речь идет о спасении человечества от уничтожения, а мирные средства неоправданы, если они недостаточны. Автор исходит при этом из принципа, что цель спасения человечества от уничтожения оправдывает средства, причем любые, так как цель имеет особый характер - если она не будет достигнута, то бессмысленно говорить о проблемах более низкого порядка. Придерживаясь такого подхода, необходимо принимать во внимание весьма ограниченную область применения принципа "цель оправдывает любые средства". Более того, когда говорится о возможности применения силы для обеспечения выживания человечества, то при этом принимается, конечно, в учет, что такой подход может быть использован в целях оправдания злоупотреблений³⁵. Понятно, что силу может применять только тот, кто ее имеет. Это предполагает, что за стороной, владеющей силой, признается одностороннее право решать в каких случаях применение силы оправданно, а в каких - нет. Соответственно, предлагаемая теория методов предотвращения уничтожения человечества вполне может быть применена для оправдания применения силы и нарушений принципа справедливости в целом.

Каждый из двух методов (противопоставление права и силы либо обеспечение выживания любой ценой) имеет свои достоинства и недостатки. Если стоять на точке зрения, что уничтожение человечества в результате военной или экологической катастрофы не

является под реальной угрозой, тогда было бы более оправданно стоять на позиции всемерного ограничения любого применения силы, что позволило бы эффективнее решать частные международные проблемы с точки зрения принципов справедливости и гуманности. Автор, однако, исходит из того, что человечество в своем развитии уже подошло к грани, за которой могут начаться процессы, выходящие из под контроля и способные привести к его уничтожению. Соответственно, на повестке дня уже должен стоять вопрос об обеспечении выживания, который выдвигает многие другие, хотя и важные проблемы, но затмившие в такой ситуации все-таки подчиненное положение. Это означает, что иногда в исключительных случаях решение каких-то проблем в определенной ситуации может быть оправдано и необходимо для обеспечения выживания человечества, а значит в конечном итоге и справедливо.

Такой подход звучит, конечно, необычно. Тем не менее применение силы не полностью запрещено в международных отношениях, оно предусмотрено в частности Уставом ООН как в целях (напрямую самообороны, так и путем принятия санкций Советом Безопасности. Исполнительно-вооруженная сила ООН также является актом выживания (иногда рассматривается на основе коллективного решения, что предполагает, что исполнительные силы действуют по оправданно, если видны даже на этом простом примере, использование силы вполне возможно - вопрос лишь заключается в авторитете принимаемых решений. Если такие решения не вызывают сомнения в их объективности и необходимости, то сила вполне может применяться. В таком случае является признать, что применяется ли при этом решение на коллективной или индивидуальной основе, это уже не столь важно и играет роль только в вопросе признания авторитетности соответствующего его субъекта.

Нужно также отметить, что речь может идти о применении силы (напрямую) не только в условиях вооруженного конфликта. Например, в современных международных отношениях уже не раз возникала проблема необходимости вмешательства в случаях опасных аварий, в частности в открытом море. Представляется, что такое вмешательство не будет являться применением вооруженной силы, тем не менее является формой выживания. Всегда ли неоправданно такое вмешательство?

Предлагаемый подход по обеспечению выживания любой ценой звучит конечно, еще более радикально, чем, например, т.н. "доктрина Роквелла", согласно которой Соединенные Штаты готовы были соблюдать лишь те нормы и принципы международного права, которые соблюдались и другими государствами, а не только существовали "на бумаге". Если же США полагали, что какое-то государство не считается с соответствующими нормами права, ущемляя при этом их интересы, то это рассматривалось как достаточный повод для восстановления этих интересов путем применения силы¹⁶. Важно отметить существенную разницу между этими двумя подходами: доктрина Роквелла предполагала использование силы не только в ситуациях, угрожающих самому существованию человечества.

Американец Дэвид Шеффер, анализируя позиции различных ученых и политиков по вопросу о правомерности применения силы, склонен выделять четыре основных вида подходов к этой проблеме, называя их условно как традиционный, неореалистический, союзнический (allied) и поведенческий (behaviorial). Суть этих подходов сводится к следующему. Традиционалисты склонны рассматривать статьи 2(1) и 5) Устава ООН в качестве основополагающего элемента современного международного права. Как они считают, Устав ООН не должен рассматриваться в качестве препятствия для применения силы в случаях самообороны даже тогда, когда акт агрессии не подходит под

классическое определение вооруженного нападения с нарушением суверенных границ. В качестве примера приводятся действия Израиля по освобождению израильских граждан, находившихся в качестве заложников на борту самолета Эйр Франс в аэропорту Энтеббе в Уганде 3 июля 1976 г. В качестве аналогичного примера указывается также на действия Пакистана в отношении Афганистана и советских войск, находившихся там в 80-е гг. Поскольку действия этих войск, по мнению Пакистана, создавали угрозу его безопасности, хотя они прямо и не вторгались на пакистанскую территорию, это оправдывало оказание военной помощи афганской оппозиции. Традиционалисты считают, что статьи 2(4) и 51 Устава ООН вполне позволяют в существующей их формулировке решать на разумной основе все спорные ситуации, среди них и те, которые возникают в связи с обстоятельствами (в том числе военными, технологическими и политическими), которые были неизвестны при создании ООН. Их основной тезис заключается в том, что недопустимо навязывать другому государству свою волю силой является императивной нормой права, которая не может быть изменена путем договора. Сторонники этого подхода считают, что нельзя вмешиваться и оказывать помощь ни одной стороне-участнику гражданской войны. Нельзя использовать силу для свержения правительства только на том основании, что оно является по своему характеру репрессивным. Некоторые из традиционалистов считают, что можно применять силу для свержения правительства, приведшего к власти в результате неправомерного применения силы третьим государством. Применение силы возможно, когда какое-либо государство создает на территории другого государства военные базы, угрожающие безопасности третьего государства (как правило, под этим третьим государством подразумевается США). Кроме того, иногда считается, что применение силы возможно в тех случаях, когда оно направлено на предотвращение ядерного шантажа.

По мнению традиционалистов, их отличает от неореалистов два обстоятельства. Во-первых, они, в отличие от последних, во многих случаях не признают за США права на односторонние действия по применению силы. По их мнению, стремление неореалистов оправдывать односторонние действия, направленные на поддержание демократии либо против репрессивных режимов, ведет к слишком субъективным и поэтому неоправданным оценкам. Во-вторых, традиционалисты, в отличие от неореалистов, не склонны преувеличивать принцип взаимности и указывают, что несоблюдение другим государством принципов международного обмена далеко не означает во всех случаях оправданности подобных же неправомерных действий.

Неореалисты в свою очередь считают, что к настоящему времени система коллективной безопасности, заложенная в Уставе ООН, стала нежизнеспособной. Сверхдержавы не способны прийти к согласию, на которое такая система могла бы опираться. Конечно, неореалисты не предлагают вовсе отказаться от Статьи 2(4) Устава ООН. Они однако считают, что США должны заставить другие государства считаться с этими положениями Устава, в частности, полагаясь на принцип взаимности, что, якобы, не противоречит Статье 51. Это предполагает использование силы в ответ на силу, например, в ответ на вооруженное вмешательство каких-то стран в дела третьего государства. Упомянутая уже доктрина Рейгана является хорошей иллюстрацией такого подхода. Одностороннее применение силы, по мнению его сторонников, вполне оправдано, когда речь идет о защите демократии, прав человека и права на самоопределение. В этих целях возможно применение силы, включая прямое вмешательство, и для поддержки борьбы демократических сил против тоталитарного режима, и

никакие принципы международного права не могут служить этому препятствием.

Представителями неореалистов можно считать, например, Джин Киркпатрик и Аллана Герсона, во многом способствовавших формированию доктрины Рейгана.

Созвническая школа проповедует взгляды, как бы объединяющие подходы традиционалистов и неореалистов. Согласно ей, необходимо придерживаться существующих принципов международного права, но если этого недостаточно для защиты жизненных интересов, то тогда на основе договоренностей с союзными странами западной демократии можно защищать эти интересы силой. В таком случае создается как бы внутреннее для этих союзов государств право. Коллективный подход придает таким образом, якобы, более значительную степень правомерности предпринимаемым шагам. Сторонники школы союзов рассматривают Устав ООН как инструмент, позволяющий обеспечивать правопорядок, однако считают, что для этого его положения не следует рассматривать слишком буквально. Устав можно и нужно толковать, вкладывая в него смысл, соответствующий современной ситуации. Таким образом, это направление опирается в большей мере на право, однако скорее на суперправо государств западной демократии.

Сторонники поведенческого подхода (например, Стенли Коффман из Гарвардского университета и другой известный американский юрист - Вильям Роджерс) предполагают, что важней международное право является поведение государств, особенно если оно приобретает вид правила. Такие правила возникают вне механизма формирования международного права, но подчас важней этих норм права. В качестве примера приводятся в основном взаимоотношения Советского Союза и США, в частности, советско-американское соглашение 1972г. "Основы взаимоотношений между СССР и США". Кроме того, в качестве практической рекомендации предлагается добиваться договоренности о, например, неприменении силы обеими сверхдержавами в каком-то определенном случае (региональном конфликте), не уложив такую договоренность обязательствами общего плана, то есть обязательствами, которые могут быть универсально применены ко всем или многим конфликтным ситуациям³⁷. Иными словами, речь идет о жертве универсальности в пользу практичности. Сторонники этого подхода нередко особо акцентируют морально-этическую сторону межгосударственных отношений³⁸.

Нужно отметить, что все эти школы в той или иной степени не исключают возможности применения силы, причем нередко в более широком виде, чем это предусмотрено Уставом ООН.

Конечно, применение силы как правило является последним и всегда неприятным средством. Однако если стоять на позициях реализма, то все-таки придется признать, что без применения силы обойтись не удается, но крайней мере абсолютно во всех случаях. Вышеописанные четыре школы опираются на конкретный современный опыт (как правило, уже послевоенный), и предлагаемые ими решения продиктованы требованиями самой жизни. Действительно, давайте взглянем на некоторые ситуации, в которых приходилось прибегать к применению силы. Во-первых, речь идет о спасении своих граждан за рубежом, попавших в ситуацию, угрожающую их жизни. Это касается уже упоминавшегося случая в Уганде в 1976г. Одним из поводов для США при вторжениях на Гренаду и в Панаму также была защита жизни американских граждан. Во-вторых, можно говорить о действиях, носящих превентивный характер в отношении объектов на чужой территории, сооружаемых с целью создать угрозу для безопасности данного государства. Кроме того, подчас указывается, что применение силы

может быть оправдано для предотвращения случаев массового геноцида, для поддержки той стороны в гражданской войне, которая борется за идеалы, например, западной демократии против сторонников тоталитарного режима, для защиты государства, подвергнутого агрессии, для предотвращения ядерного шаутажа. Тут важно различать были ли в той или иной конкретной ситуации упомянутые обстоятельства использованы в качестве лишь оправдания и прикрытия для применения силы либо эти обстоятельства действительно играли решающую роль при принятии решений. Стоит тут упомянуть, что в заявлениях, осуждающих применение силы, весьма нередко можно встретить аргумент, что такие обстоятельства использовались лишь как прикрытия и оправдание агрессии³⁹. Для данного исследования, собственно, не столь уж и важно, насколько оправданным было применение силы в том или иной конкретном случае. Намного более существенно выяснить, могло ли быть применение силы в принципе оправданным⁴⁰.

Действительно, если предположить, что на территории соседнего государства третье государство осудит военный объект, угрожающий национальной безопасности (достаточно вспомнить кубинский кризис), то разве не оправданно применить в таком случае силу? Конечно, с одной стороны, на чаше весов будут по меньшей мере серьезные моральные издержки, если окажется, что для проведения акции не было достаточных оснований. С другой стороны, вопрос национальной безопасности, может быть даже вопрос о самом существовании государства. Собственно говоря, ответ в такой ситуации очевиден. Если государство, применяя силу, не пользуется выверенными аргументами лишь для оправдания своих действий, то остается только надеяться, чтобы оно не ошиблось в отношении реальных размеров угрозы для себя и смогло бы убедить международное сообщество в действительном существовании такой угрозы. Конечно, в реальности, такие доказательства весьма и весьма просто предоставить. Складывала ли Ливия химическое оружие, собирался ли Ирак использовать ядерный реактор для нанесения удара по Иерусалиму? Поскольку игнорировать США и Израиль носили превентивный характер, то уверенно утверждать правоту той или иной стороны, к сожалению, не приходится.

Необходимо уточнить, что бомбардировка Ливии Соединенными Штатами в 1985г. мотивировалась последняя и как акт самообороны со ссылкой на статью 51 Устава ООН, поскольку США были склонны трактовать в качестве вооруженного нападения на себя террористические акты. В этом конкретном случае речь шла о взрыве в одном из клубов Западного Берлина, в результате которого пострадали американские граждане. По мнению США, взрыв был организован при участии Ливии⁴¹.

Конечно, такое применение силы не соответствует буквальному смыслу статьи 51 Устава ООН, говорящей о случае вооруженного нападения. Нужно, однако, согласиться, что право на самооборону существовало и до принятия Устава ООН и применялось при этом не так узко, как это им определено. Если действовать в строгом соответствии с Уставом ООН, то можно рассчитывать, что мировое сообщество не осудит применение силы в форме самообороны в случае нападения. Правда, платой за такое мнение сообщества может оказаться независимость государства (и в любом случае дополнительные жертвы среди своих граждан), которое позволило своему противнику воспользоваться преимуществом напасть первым. Не слишком ли высокая цена установлена за изменчивое мнение международного сообщества? Следует ли исходить из предположения, что количество злоупотреблений превысит число оправданных случаев применения силы? Оправданно ли рассматривать большинство государств международного сообщества как потенциальных нарушителей?

Другой случай - это спасение своих граждан. В тут справедливости ради следует признать, что паль при определенных обстоятельствах может оправдывать средства. Нечего говорить, насколько тално акция встречает понимание внутри страны и по существу в определенной мере поднимает и международный престиж государства, столь заботящегося о своих гражданах.

Видно, нужно признать, что в современных условиях не всегда удается избежать применения силы, причем она должна применяться не в буквальном соответствии с Уставом ООН. В такой ситуации необходимо делать выбор, либо толковать Устав ООН ортодоксально, подставляя под него такую ситуацию, либо пойти по более реалистичному пути попытаться сформулировать, пусть даже в одном общем виде, собственную концепцию применения для международных силы для тех случаев, которые прямо не предусмотрены статьями 2(4) и 5) Устава ООН.

Ситуация существенно обдлегчалась бы в случае, если бы существовал международный привилегий механизм интерпретации, толкования Устава, например, в Судебном, а может быть, и в каком то ином порядке. Каждая возникающая случай вопросов мог бы устраниваться в шаг за шагом, путем разработки соответствующих прецедентов, можно было бы достичь каких-то успехов. Хорошим примером является рассмотрение в Международном суде вопроса о миноритарии Соединенными Штатами и Великобританией против Чехо, что можно рассмотреть в качестве попытки толкования Устава ООН. И, конечно, какой постоянный механизм существует. В рамках ООН время от времени принимаются и другие подобные решения в этом направлении. Планком может служить принцип Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, а также принятие определения агрессии. В этой же категории оправдание было бы отнести и уже упоминавшиеся Совместное заявление СССР и США от 23 сентября 1980г. с единым толкованием норм международного права, регулирующих мирный проход.

В результате понимания проблемы существуют границы применения силы формируются эмпирические нормы за счет практических шагов государств, включая на них международного сообщества, а также за счет научных изысканий отдельных ученых. Более широкое применение системы прецедентов (доказавшей свою достаточно гибкость и эффективность по сравнению с другими системами внутригосударственного права) было бы более оправданным, и оставалось только сожалеть, что международное сообщество государств не смогло прийти к соглашению по этому важному вопросу. Стоит ли после этого удивляться, что многие государства не пожалели согласиться с аргументацией Саддама Хусейна, ухватившего в 1980г. вопрос о выводе иракских войск из Кувейта с выводом Израилем своих войск со всех оккупированных им территорий? А почему, собственно, такая аналогия была неправомерна? Только потому, что признание увязки не позволило бы заставить Ирак на практике вывести войск из Кувейта? Но ведь совершенно очевидно разница между сиюминутным и принципиальным интересами, носителями длящийся характер. Представляется малопродуктивным подход, когда такие проблемы решаются на эмоциональном уровне, каждым отдельным правительством самостоятельно, и в виде, который представляется наиболее оправданным только на момент принятия решения. Неудивительно также, что в таких условиях приходится сталкиваться со следующим явлением. Практически в каждом случае применения силы те государства, которые с этим несогласны, делают в своих заявлениях ссылку на

несоответствие осуждаемой акции принципам международного права. Нередко это касается внешнеполитических заявлений Советского Союза, хотя в другие страны не является исключением. Мало кто не согласится, что такие общие и достаточно неопределенные отсылки к международному праву малоэффективны в воспринимаются лишь как необходимое "украшение" заявления. Причина этого достаточно ясна. Любой кодекс, разработанный сколь угодно тщательно, не может предусмотреть всех необычайных особенностей практической жизни, которые могут случиться в будущем. Механизм же изменения кодекса, претендующего к тому же на универсальность и всеобъемлющий характер, как правило неуклюж и негибок. Яркий пример тому - многочисленные, но одинаково безуспешные попытки пересмотреть Устав ООН. В каждом же случае применения силы то государство, которое прибегло к такой мере, найдет достаточное число оправданий, подводящих данный случай под категорию исключения из общего правила. Поэтому общие и частные ссылки на международное право - это не явление "девальвации", обесценивания международного права, а явление низкой эффективности самой системы в целом.

Возвращаясь к существу проблемы допустимости или недопустимости применения силы в международных отношениях, автор берет на себя смелость высказать следующую общую точку зрения. Государство должно заботиться о своей репутации как сторонника справедливых решений. Такой авторитет можно приобрести только одним путем - достаточно длительное время избегать конъюнктурных соображений при принятии внешнеполитических решений, избегать ориентировки на сиюминутную выгоду и стремиться исходить, по крайней мере частично, из общеглобальных, а не только своих национальных интересов. Одностороннее применение силы возможно, но мировое сообщество при оценке таких действий в большей мере будет рассматривать ситуацию с точки зрения существа вопроса, а не с формальной точки зрения, если авторитет государства будет достаточно велик. Конечно, в современном мире вряд ли можно назвать страну, которая пользовалась бы в достаточной мере таким авторитетом. Нужно, однако, признать, что некоторые страны к этому стремятся в большей мере, чем остальные мировое сообщество.

Достаточно показательным представляется пример Ирака и Израиля. Когда последний разрушил ядерный реактор в Ираке, мировое сообщество было более склонно обвинить Израиль не только в неправомерном применении силы, но и в неоправданности этого шага. Но в конечном итоге Ирак начал войну против Ирана, затем напал на Кувейт. В иракских официальных заявлениях вполне просматривалась угроза применить оружие массового уничтожения. Может быть, опасность Израиля не была столь уж и необоснованной?

Применение силы в качестве превентивного шага представляется вполне оправданным, если речь идет о реальной, а не о надуманной угрозе для существования государства. Допустимо, наверное, и ограниченное применение силы для защиты своих граждан, особенно являющихся заложниками. Высокая цена личности отдельного гражданина - одно из условий высокого качества государственного устройства цивилизованного общества. Вместе с тем, применение силы в этих целях должно быть ограниченным, пропорциональным реальной угрозе и не должно ставить под аналогичную угрозу разумное число граждан другого государства. В любом случае, угроза для жизни своих отдельных граждан не сопоставима с угрозой для суверенитета третьего государства⁴⁵. Применение силы для защиты граждан должно быть особо тщательно взвешено. Наверное, вполне правомерно осуждение международным сообществом некоторых случаев применения силы,

оправдываемых; необходимость защиты граждан (Соединенными Штатами своих граждан на Гренаде и, например, граждан другой страны в случае ввода войск Вьетнама в Кампучию)⁴⁶.

Еще один случай - это применение силы для обеспечения интересов третьего государства, даже в том случае, если это не диктуется договором о взаимной помощи. Опять-таки, наиболее успешным представляется пример с нападением Ирака на Кувейт в августе 1990г.

Было бы замечательно, если бы все страны отказались от применения силы для решения спорных вопросов. Однако это пожелание так и остается до сих пор лишь добрым пожеланием, но не реальностью. В тех или иных ситуациях отдельные государства по прежнему применяют силу для достижения своих целей. Даже если эти действия непосредственно и не угрожают существованию цивилизации, тем не менее можно говорить о правомерном применении силы для противодействия им, пусть даже такие ответные меры предпринимаются не в рамках ООН и вообще не на коллективной основе, а в одностороннем порядке. Опять-таки тут вопрос заключается в первую очередь в добросовестности того государства, которое противодействует неправомерным действиям, а не в обоснованности самого такого противодействия. Если насильственные контрмеры не повлекли злоупотреблений, то вполне можно говорить об их оправданности и необходимости.

Иногда говорят о праве применения силы в качестве оказания помощи при борьбе за самоопределение. По данному вопросу нет единой точки зрения (начиная с того, что само понятие "самоопределение" требует толкования). В какой-то мере в международном сообществе существовало понимание, что возможно оказание помощи странам Азии и Африки, борющимся против колониального ига западных государств (особенно если считать колониализм формой агрессии)⁴⁷. В целом же, такое применение силы осуждается, тем более что нередко в современный период речь идет о самоопределении, достаточно далеком, по крайней мере внешне, от проблем колониальной зависимости (например, провинция Квебек в Канаде или прибалтийские республики в СССР). Нужно однако иметь в виду, что Устав ООН не запрещает революционных войн.

Представляется очевидным, что принятие коллективных решений имеет дополнительный запас оправданности, хотя и не гарантию справедливости. Наверное, могут существовать и какие-то особые нормы права для группы государств, но они не могут входить в противоречие с общепризнанными нормами морали и права, если, конечно, последние не толкуются слишком догматично с целью нанести любой ценой ущерб престижу государства, применившего силу.

Нельзя обойти вниманием и вопрос о применении силы для обеспечения сохранения окружающей среды. Такая постановка проблемы звучит, может быть, несколько необычно, но она представляется вполне оправданной. Конечно, применение силы в любом случае является крайней и вынужденной мерой. Если в определенных случаях сила не будет применена для пресечения каких-то опасных действий или для ограничения какой-то опасной ситуации, то они могут при определенных условиях привести к катастрофе. Если такая угроза существует, то необходимо применить все возможные средства для ее предотвращения, в том числе и силу. Подобная опасная ситуация вполне может носить не военный, а экологический характер. Допустим, какое-то государство медлит с принятием мер по предотвращению разрастания последствий от экологической аварии. В результате такого промедления ущерб от аварии может стать слишком крупным и существенно затронуть интересы других стран. Как в такой ситуации должны вести себя эти страны? Молча ждать разрастания размеров экологической катастрофы,

ограничиваясь денаршами по дипломатическим каналам? Если очевидно, что безответственность приведет к разрастанию последствий аварии в транснациональных масштабах, не говоря уже о случае, когда есть угроза глобальной катастрофы, то примененные силы для предотвращения такой ситуации, для сдерживания ее в ограниченных рамках, представляются вполне оправданным. Речь совсем не обязательно должна идти о применении вооруженной силы (хотя в определенных ситуациях может быть оправдана и такая мера.) Например, может оказаться необходимым направить своих специалистов и технику на территорию другого государства, не дожидаясь от него согласия на это. Конечно, речь идет только о чрезвычайных ситуациях, а не о нарушении суверенитета при каждом удобном случае. Иными словами, опять-таки, применение силы должно быть добросовестным и не преследующим цели каких-либо злоупотреблений. К сожалению, вряд ли можно найти какие-либо гарантии против злоупотреблений помимо собственных намерений государства, применяющего силу. Для большей обоснованности такой позиции можно свести чрезвычайные ситуации лишь к случаям, угрожающим глобальной катастрофой, хотя, по мнению автора, разумно было бы подумать и о ситуациях, вносящих более ограниченные масштабы. Более того, такая постановка вопроса о применении силы может оказаться оправданной и в случае постепенного нанесения ущерба окружающей среде. Если какое-то государство намеренно пытается наладить дешевое, но экологически опасное производство, влекущее, например, разрушение озонового слоя планеты, игнорирует международные соглашения в этой области, то такие действия вполне оправдано было бы пресечь, применяя все доступные средства, как в случае самообороны от агрессии. Не попадает ли в категорию таких ситуаций и создание ядерных электростанций, не обеспечивающих должной безопасности? Чернобыльская АЭС тому яркий пример, хотя, конечно, в этом случае, к сожалению, военная мощь Советского Союза не позволила бы другим странам вмешаться с применением силы.

Собственно говоря, сила для предотвращения экологических катастроф уже применяется. В конце шестидесятых годов у берегов Канады потерпел аварию американский танкер. Канадские спасатели подошли к судно, чтобы предотвратить разлив нефти. Уже заключены и действуют соглашения о вмешательстве в открытой море в случаях аварий, связанных с разливами нефти и других вредных веществ*48. Более того, уже имели место даже террористические акции, направленные на предотвращение нанесения ущерба окружающей среде*49.

Так что же правит миром, право или сила? Несомненный факт, что с момента создания ООН и принятия его Устава мировое сообщество хотя и втягивалось в отдельные конфликты, но она так и не переросла в III мировую войну. Более того, вооруженные конфликты не возникали между государствами-членами НАТО и Варшавского договора. Благодаря чему же удалось предотвратить мировую войну? Наверное, было бы неправильно сбрасывать со счетов фактор силы, военной мощи и приписывать все достижения в области поддержания мира только системе правовых норм, нашедших свое основное отражение в Уставе ООН. Конечно, печальный опыт двух мировых войн сказался, и многие государства прилагают теперь больше усилий для сохранения мира. Существенное стабилизирующее влияние оказывают и значительно расширившиеся международные связи, и возросшее благосостояние государств, которым теперь в большей мере "есть что терять". Нельзя, однако, отрицать, что важное сдерживающее влияние сыграло само существование сверхдержав с огромными армиями и факт наличия механизма согласования их воли в рамках ООН для предотвращения применения силы третьими странами. В данном случае, как представляется,

решающую роль играло не существование права, а наличие более крупных вооруженных сил и намерение сверхдержав не допустить крупномасштабной войны. Видимо, такое намерение, а также угроза возмездия (то есть опять-таки угроза применения силы) являются причиной того факта, что вооруженный конфликт не возник между сверхдержавами. Можно ли рассматривать такое намерение в качестве права? Конечно, намерение и согласованная воля ведут к образованию нормы права, которая, однако, отражает эту волю по существу, но далеко не всегда по форме. Вышеприведенные рассуждения наталкивают на мысль, что сила не является единственным фактором, лежащим в основе системы поддержания мира, хотя ее роль велика, если не сказать — решающая. Существенно однако, что сила хотя и стоит в чем-то над правом, которое имеет вторичную природу, тем не менее она находится в одном ряду с намерением, волей государства, которая может быть и не реализована в форме международного права. Примечательно при этом, что государства, применявшие силу, в сущности не оспаривали неправомочность применения силы в принципе, но всегда стремились найти аргументы в пользу того, что именно их действия были правомерны и соответствовали Уставу ООН*50.

13. Роль великих держав

Какова же роль великих держав в обеспечении международной безопасности? Можно констатировать, что несколько стран (великие державы) обладают уровнем вооружений, хотя и относительно разным между ними, но значительно превосходящим уровень всех остальных стран. Это явление иногда описывают даже как своеобразное существование правительства сверхдержав, структура которого отражается в устройстве ООН*51. В результате великие державы способны поддерживать между собой относительно устойчивый баланс сил, а значит и относительно надежно поддерживать взаимную мирную ситуацию. То, что число великих держав ограничено, понижает и возможность случайного конфликта, хотя и не обеспечивает в этом отношении абсолютных гарантий. Более того, великие державы не заинтересованы, естественно, во всемирной военной катастрофе и могут предпринять коллективные действия, в том числе и с применением вооруженных сил, для того, чтобы повлиять на развитие ситуации, возникшей в результате действий других стран и угрожающей всеобщему миру*52. В сущности, это, видимо, наиболее справедливое положение, которое может на практике реально существовать в настоящее время, тем более что принадлежность великих держав к различным социально-экономическим системам в какой-то мере препятствует разделу мира на сферы влияния. На практике это особое положение нашло свое отражение в существовании принципа единогласия великих держав в Совете Безопасности. Кроме того, существование военных блоков тоже в определенной мере способствует поддержанию глобального баланса сил и, вероятно, как-то сдерживает государства, входящие в один и тот же блок, от взаимного применения силы. При этом можно говорить об уровне разумной достаточности между великими державами, об уровне разумной достаточности между всеми остальными державами и о надежной сдерживающей разнице между этими уровнями. Видимо, поддержание этого триединого соотношения и лежит во многом в основе поддержания общего баланса сил в современном мире. Несомненно, подобное положение страдает целым рядом недостатков, которые вполне справедливо подвергаются критике. Тем не менее, нужно согласиться, что пока

международному сообществу, хорошо или плохо, но удастся поддерживать всеобщий мир уже на протяжении более чем сорока лет, не допуская перерастания отдельных, но многочисленных мелких конфликтов во всемирную военную катастрофу. То, что каким-то государствам (а к ним можно отнести и Советский Союз) не нравится, что существуют военные блоки, в которые они не входят (т.е. блоки, теоретически направленные против них), совсем не значит, что роспуск таких блоков автоматически вел бы к укреплению мира. Вполне возможно и очень даже вероятно, что нарушение баланса в результате роспуска военных блоков приведет в конечном итоге совсем не к укреплению мира, если, конечно, какой-то державе не удастся захватить абсолютное лидирующее в мире положение в военной области. Роспуск военных блоков в принципе, конечно, возможен, но так ли уж жизненно необходим? В любом случае, если это и произойдет, то стоит надеяться, что на внимательно пресчитанной сбалансированной основе.

В связи с вопросом о балансе сил и сдерживающем эффекте, который оказывают великие державы, интересно привести мнение, которое косвенно прозвучало в решении первого съезда народных депутатов СССР. В принятом съездом постановлении "Об основных направлениях внешней и внутренней политики СССР" дано поручение добиваться дальнейшего улучшения советско-американских отношений - "ключевых в деле прекращения гонки вооружений и укрепления всеобщего мира"*53.

14. Баланс сил, разоружение, сдерживание

Как уже указывалось выше, сохранение мира и порядка в значительной мере определяется балансом сил между государствами, что соответственно предполагает разумное применение силы для поддержания такого баланса и возможность нанесения ответного удара в случае агрессии, если речь идет о локальном балансе сил. Наличие определенных вооруженных сил служит в таком случае сдерживающим фактором. Такое положение называют нередко "равновесием страха", указывают на его ненадежность*54. Справедливо, видимо, и то, что реально сдерживать можно лишь в случае, если действительно предполагается применить оружие, в том числе и оружие массового поражения, в качестве ответной акции*55. Видно при отсутствии более надежных альтернатив придется пока опираться на те механизмы, которые реально существуют - при всех их несомненных недостатках. А реальность такова, что концепция коллективной безопасности, которой руководствовались создатели ООН (а до них и создатели Лиги Наций), не доказала свою эффективность - войну искоренить до сих пор, к сожалению, не удалось, ООН не смогла пока эффективно нести "полицейские"*56 функции по поддержанию международного порядка, и пример с захватом Кувейта Ираком в 1990г. служит тому лучшим подтверждением. Идея разоружения также не только не оказалась пока реальной альтернативой, но вполне вероятно такими и не смогут стать до тех пор, пока безопасность государств можно будет гарантировать с помощью средств иных, чем военные. Теория взаимозависимости предлагает свое понимание общества, перешедшего уже на новый этап интеграции - когда основными действующими лицами на международной арене становятся не только государства. Предлагаемые средства поддержания порядка также соответственно опираются на тезис о переходе системы государств на более высокий интегрированный уровень. Возможно, что в рамках сообщества развитых западных государств эти процессы действительно играют существенную или даже

иногда доминирующую роль. Но оправдано ли ставить вопрос в такой плоскости применительно ко всему мировому сообществу? Иными словами, пока еще рано говорить о том, что удалось найти эффективные и, главное, универсальные средства обеспечения международной безопасности, иные, чем «сила». Это значит, что пока преждевременно ставить и вопрос о радикальном сокращении уже якобы ненужных в новой обстановке вооруженных сил*57.

Конечно, возможность нанесения ответного удара не может устранить причины конфликтных ситуаций. Речь в таком случае идет скорее о недопущении применения силы для их решения.

Поскольку государства имеют различный экономический, а главное военный потенциал, видимо, нельзя на практике добиться такой ситуации, когда между всеми ними мог бы поддерживаться равный баланс сил. Но возможно, во всяком случае теоретически, что на определенной стадии каждое государство станет обладателем такого военного потенциала, опирающегося, например, на определенные виды оружия массового уничтожения, что сможет нанести сокрушительный ответный удар любому агрессору при любом самом неблагоприятном начале военных действий. Наверное, в таких условиях военные действия вряд ли будут начаты как планируемая акция. Другое дело, что в такой ситуации трудно будет говорить о возможностях надежно поддерживать мир, т.к. вероятность случайного конфликта будет, видимо, возрастать прямо пропорционально числу стран, владеющих мощным военным потенциалом. Нужно отметить, что при таком положении приобретает какой-то смысл понятие равной разумной достаточности уровней вооруженных сил. Иными словами, уровень вооруженных сил каждой из стран может поддерживаться на каком-то минимальном уровне, достаточном для того, чтобы сдерживать любого потенциального противника. С этой точки зрения интересен следующий тезис: подлинная равная безопасность в наш век гарантируется не предельно высоким, а предельно низким уровнем стратегического баланса, из которого необходимо полностью исключить ядерное и другие виды оружия массового уничтожения*58. Это положение, однако, справедливо лишь отчасти, поскольку, во-первых, военный потенциал стран мира пока еще различен, и, во-вторых, нельзя не учитывать, что, говоря о роли ядерного оружия (а в сущности, любого оружия), было бы неправильно рассматривать его лишь как повышенный источник случайных катастрофических ситуаций. Несомненно, оружие массового уничтожения является одновременно и мощнейшим сдерживающим фактором, и вполне вероятно, что в целом ряде конкретных ситуаций, когда одно государство предпринимало военные акции против другого (например, нападение США на Ливию), наличие ядерного оружия у стороны, подвергшейся нападению, могло бы предотвратить такие действия. Другое дело, что широкое распространение ядерного оружия означало бы предотвращение одного конфликта, но повышенную опасность другого, что не умаляет существа значения этого оружия. Именно поэтому представляется неверным требовать от таких стран, как Великобритания и Франция, сокращения их ядерных потенциалов чуть ли не наравне с США, поскольку речь идет об уже достаточно низких исходных уровнях этого не только наступательного, но и, как уже указывалось, во многом оборонительного и сдерживающего средства. Справедливо ради следует указать, что ни разу после Хиросимы и Нагасаки ядерное оружие не применялось на поле боя, хотя, например, в ходе Фолклендского кризиса пресса достаточно много писала о намерениях Великобритании прибегнуть к ядерным средствам.

15. Мир, порядок и современные тенденции развития международных отношений

К сожалению, вряд ли стоит надеяться, что можно будет достаточно продолжительный период поддерживать существующие положения (хуже признать, что уже сейчас оно относительно неустойчивое), когда всего несколько государств могут претендовать на роль сдерживающих, а остальные еще не стали обладателями ядерного или иного оружия массового уничтожения. Реальностями современного исторического периода развития общества является как раз достаточно стремительное распространение ядерного оружия и возникновение новых ядерных или околоядерных держав*69. Это, видимо, касается и других видов оружия массового уничтожения, хотя международное сообщество и предпринимает серьезные усилия для предотвращения такой тенденции. А это означает, что не только возрастает риск случайной катастрофы, но и возрастает риск применения в случае ограниченного конфликта таких мощных видов оружия, которые могут сделать развитие ситуации совершенно неконтролируемым. Незначительный вооруженный конфликт может в таких условиях очень быстро перерасти во всеобщую военную катастрофу.

По сути дела, аналогичные, хотя и менее заметные, процессы происходят и в области охраны окружающей среды. Во все большем числе стран возникает производство, опасное для окружающей среды в силу своих масштабов и новой, сложной, но подчас также крайне опасной технологии. Распространение промышленного производства и быстрые темпы индустриализации, что прямо связано и с получением доступа к новым видам оружия, имеют и свою несомненно отрицательную сторону.

Наверное, совершенно нереально надеяться, что удастся сохранить навсегда существующий баланс сил в военной области. Точно также в силу естественных причин будет продолжаться и экономическое развитие международного сообщества. Можно лишь спланировать меры, которые в ближайшем будущем затормозили бы неблагоприятные тенденции, и тем временем искать новые механизмы, которые были бы способны обеспечить стабильный мир в надежную охрану окружающей среды в новых условиях. Что касается таких мер противодействия в военной области, то тут можно отметить следующее.

Попытки некоторых стран, главным образом развивающихся, разрушить принцип единогласия великих держав в Совете Безопасности, в современных условиях носят несомненно отрицательный, деструктивный характер*60. Можно понять искушение решать международные проблемы путем голосования, когда многочисленная группа развивающихся стран диктовала бы всем другим государствам свою волю. Подобное иногда происходит в достаточно непринципиальных, второстепенных вопросах, но было бы совершенно утопией считать, что можно будет путем голосования навязать суверенным государствам какие-то обязательства, которые очевидно противоречат их интересам. Именно в этом контексте необходимо рассматривать в качестве недопустимых и попытки поднимать вопрос о пересмотре Устава ООН, ссылаясь на резолюцию Генассамблеи ООН 377 (V) от 3 ноября 1950 г. и стремясь пересмотреть соотношение компетенции Генассамблеи и Совета Безопасности.

Конечно, можно разрушить и механизмы единогласия. Такие попытки, однако, являются политически безответственными, ведущими в угоду иллюзорным преимуществам к серьезной нестабильности и разрушению механизма контроля, пока не позволяющего опасным ситуациям переходить грань допустимого. И дело тут вряд ли оправданно сводить лишь к проблеме подразумеваемой компетенции ООН, хотя формальная сторона вопроса также достаточно существенна*61.

Нужно отметить, что подход СССР к проблеме обеспечения всеобщего мира и безопасности можно было в целом обычно охарактеризовать следующим рядом направлений. Это требование о ликвидации оружия, главным образом, ядерного (в случае его отсутствия войны будет, чтобы, трудно развить либо она не будет иметь глобального характера), запрет применения силы (за исключением некоторых, во существенных исключений), мирное сосуществование, сотрудничество и соперничество двух систем, опора на социалистическое сотрудничество, на международное рабочее движение, на развивающиеся страны, декларирование принципов межгосударственных отношений, которые, в частности, нашли отражение в Хельсинкском акте 1975г. #62 Достаточно ли этого, чтобы обеспечить мир, связаны ли эти направления какой-либо целостной, и главное, не оторванной от жизни концепцией, сколько в таком политическом курсе декларативности и желания добиться односторонних преимуществ и сколько действительно желания избежать войны? Сколько, в конце концов, тут намерений самому соблюдать декларируемые принципы, в частности, в области прав человека?

Трудно сказать, какие соображения принимались в расчет при формулировании предложений по всеобщему разоружению. Кажется, достаточно ясно, что обеспечить участие в процессе разоружения всех стран - вряд ли выполнимая задача. Моральное воздействие мирового сообщества имеет свои пределы, что достаточно ясно демонстрируется, например, нежеланием некоторых государств отказываться от испытанной ядерного оружия #63. Если же какие-то государства откажутся разоружаться, а тем более полностью (скорее всего, именно этого и следует ожидать), то вся идея всемирного разоружения теряет смысл #64. Тут уместно привести мнение Роберта Макнамары в отношении предложения СССР о всеобщей ликвидации ядерного оружия: "Я же критикую мечту Горбачева не за то, что она нежелательна, а за то, что ее осуществление невозможно в обозримом будущем. Больше того, соглашение о ликвидации всего ядерного оружия при существующих политических и технических реалиях могло бы, как это не парадоксально, увеличить риск возникновения ядерной войны" #65.

Если тем не менее предположить, что всеобщее разоружение оказалось возможным, то все равно в этом случае государства будут отличаться уровнем технологического развития, уровнем обеспечения ресурсами и численностью населения. Это значит, что если какая-либо технологически развитая страна пожелает вновь создать оружие массового уничтожения, она это сделает быстрее, чем другие государства. Особенно этому будет способствовать достаточно скорое создание в крупных масштабах т. н. гибких производств, позволяющих быстро перенастраивать оборудование для выпуска новой продукции (а эта продукция вполне может оказаться и оружием). Такое же преимущество будут иметь страны с большим населением, с запасом стратегических ресурсов, с высоким экономическим потенциалом. Таким образом, даже простейшие рассуждения показывают, что, к сожалению, путь к стабильному миру не так прост, и всеобщее разоружение, если бы даже оно и было возможно, все равно не давало бы никаких гарантий кроме одной - отсрочки начала применения силы на такой период, который необходим для возрождения военного потенциала (даже не в полном объеме). Более того, даже примитивный уровень ведения войны

вряд ли может считаться достаточной гарантией против опасности уничтожения целых народов - история человечества является тому убедительным подтверждением - особенно если считать справедливым тезис, что организованное насилие является присущей чертой человеческого общества⁶⁶. В этой связи напрашивается несколько вольная, но, видимо, не лишняя в конечном счете оснований аналогия - пытаться искоренить насилие внутри государства путем полного разоружения населения, начиная при этом, однако, с полиции.

Принимались ли в учет вышеупомянутые факторы, обстоятельства и соображения при формировании советской внешней политики в области разоружения? Можно не сомневаться, что по крайней мере специалистам они были очевидны. Тем не менее, достаточно широко, насколько это известно автору, подобные сомнения не высказывались. Главную же роль при принятии решений играли, скорее всего, следующие факторы. Советская внешняя политика достаточно давно опиралась на тезис о необходимости разоружения, т.е. налицо определенная политическая инерция, шедшая формопреемственности. Более того, идея всеобщего разоружения была выдвинута впервые именно Советским Союзом еще в Лиге Наций⁶⁷. Учитывая, что целые поколения советских руководителей не являлись специалистами в сложных вопросах межгосударственных отношений, можно понять, сколь трудно было бы кого либо из них переубедить вести какую-то новую внешнеполитическую линию вместо простого и внешне ясного курса на разоружение. Кроме того, тут несомненно применялись другие факторы, например, желание приобрести популярность в глазах той части мирового сообщества, которая так же поверхностно разбирается в этих проблемах (иными словами, в глазах обывателей). Конечно же, не обошлось и без эфемерных расчетов изменить таким путем в свою пользу и военно-стратегический баланс - позиция по программе "звездных войн" тому достаточное подтверждение. Сказывалось и то, что проблемы разоружения нельзя было в СССР длительное время публично обсуждать в критическом ключе, а без этого нечего было ожидать, что сформируется разумная и научно обоснованная концепция, которая пользовалась бы всеобщей поддержкой.

В качестве примера подхода СССР к проблемам международной безопасности можно рассмотреть выступление Э. Шеварднадзе на 44 сессии ГА ООН в 1989г. ⁶⁸ Показательным является следующее высказывание:

"Ставка на ядерное оружие, считаем мы, не отвечает ничьим национальным интересам. Его существование препятствует и демократизации международных отношений. Обеспечению подлинной безопасности способствовала бы только полная ликвидация ядерных потенциалов.

Сторонники ядерного сдерживания не видят в обозримом будущем возможностей для этого. В ответ высказываются идеи так называемого минимального ядерного сдерживания. На наш взгляд, это хоть и робкий, но шаг вперед, и его можно сделать".

Показательно и такое высказывание:

"Казалось бы, уже само начало второй мировой войны показало: оружие не гарантирует безопасности. Напротив, чем его больше, тем больше опасность агрессии".

Такой подход надо, видимо, понимать так: причиной второй мировой войны и Великой Отечественной войны явилось не нарушение баланса сил, не разрушение советских вооруженных сил в результате репрессий и безграмотной военной политики, а просто наличие значительных вооруженных сил у потенциальных противников.

Предложения министра по достижению прочного мира сводились к

следующему: ликвидировать химическое оружие, которым обладает СССР и США (как выяснилось, химическим оружием владеет, например, и Ирак, который к тому же успел его применить в ходе вооруженных конфликтов в Персидском заливе и который не собирается от него отказываться), прекратить производство расщепляющихся материалов, используемых в военных целях, прекратить проведение ядерных верхов (опять-таки в отношении только СССР и США), сократить обычные вооружения и численность вооруженных сил, сократить военно-морские силы, ограничить распространение ракетного оружия, ограничить международную торговлю оружием.

Предлагалось также рассматривать разоружение, экономику и экологию как единое целое в контексте обеспечения экологической безопасности, однако никакие детали концепции приведены не были. Шла речь и об экологической безопасности, однако также лишь в общем плане, без уточнения, что при этом имеется в виду.

По мнению автора, высказанные в речи советского министра соображения свидетельствуют скорее всего о том, что у него не имелось какой-либо целостной реальной концепции противодействия возможной всемирной военной и экологической катастрофе. Соответственно и предложения носили фрагментарный, не связанный между собой характер, а поставленные им цели были либо просто недостижимы, либо касались лишь ограниченного числа стран (по существу, почти всегда только СССР и США*69) и прямо не вели к прочному миру (если вообще к нему вели).

Если обратиться, например, к такому документу, как Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, то в ней можно увидеть идеи всеобщего равенства военных потенциалов ("Должны быть отвергнута политика равенства военных потенциалов над другими") и отказа от любого применения силы ("Ненасилие должно стать основой жизни человеческого сообщества")*70. Сколь реально достижимы такие цели и каковы могут быть гарантии стабильности подобного баланса сил? Продуктивен ли будет отказ от военного превосходства нескольких сверхдержав над остальным миром (а значит, и отказ от механизма военных гарантий мира в рамках ООН)? Каковы могут быть гарантии противодействия применению силы, если в "ненасильственном" мире кто-то все-таки прибегнет к таковой? Идет ли в таком случае речь о создании наднациональной власти? Как представляется, такие внешнеполитические идеи как минимум порождают достаточно много сложных вопросов.

Позиция СССР по вопросу применения силы достаточно показательно изложена в выступлениях советского руководства, например, в уже упоминавшейся речи Э. Шеварднадзе на 44 сессии Генассамблеи ООН:

"Каждый народ волен свободно выбирать пути и средства своего развития. Но выбирать ответственно, не... игнорируя интересы других народов и всего их сообщества... Необходимо, наконец, понять, что не все средства хороши для достижения даже самых благородных целей.

Мировое сообщество осознано опасность наркобизнеса, опасность терроризма, осуждает их, ставит вне закона.

Не менее решительно надо действовать против любого насилия, чем бы оно ни мотивировалось и ни оправдывалось."

Еще более ясно эта мысль изложена в докладе Э. А. Шеварднадзе на заседании, посвященном 116 годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В разделе, озаглавленном "XXVII съезд: ленинская философия мира и безопасности", говорится:

"Советский Союз является принципиальным, убежденным противником любого терроризма, в первую очередь самой

отрагательной формы - терроризма государственного. Представьте себе, что будет, если государства в ответ на индивидуальные или групповые террористические выступления возмут за правило осуществлять агрессию вооруженными силами против других государств, обвиняемых в терроризме. Это поставит под угрозу мир и безопасность народов не только в отдельных регионах, но и на планете."

В связи с вышесказанными тезисами можно сделать такое частное замечание. Конечно, остается строить только догадки, как бы пошло развитие международных отношений в случае, если бы вместо одних событий имели место другие. Все же достаточно интересен такой конкретный вопрос: намеревался ли Ирак создавать ядерное оружие и применил бы он его в ходе войны в Персидском заливе, если бы ядерный реактор не был разрушен в результате влета израильской авиации?

В конце 80-х гг. в СССР достаточно много говорилось о необходимости перехода к оборонительной военной доктрине. Помимо вопроса, в какой мере это оказалось осуществимым на практике, возникает и другой вопрос - в какой мере такой курс соответствует интересам всемирной безопасности. Тезис об оборонительной военной доктрине стал идеологической основой новой военной реформы Советского Союза. При этом предполагалось, что военная сила как орудие безопасности все больше уходит на второй план, уступая место чисто ненасильственному военному инструменту. Этому должен соответствовать принцип оборонной достаточности⁷¹.

Такой подход имеет свои определенные преимущества, во всяком случае с пропагандистской точки зрения. Бряд ли, однако, он может выдержать серьезную критику. Конечно, было бы хорошо, если бы все страны стали отказываться от применения силы. Реальное положение, однако, совершенно иное. Ни одно государство прямо не выступает за применение силы, однако точно так же практически каждое государство готово сослаться на целый ряд обстоятельств, оправдывающих применение им силы в каждом конкретном случае. И такая сила применяется регулярно в том или ином районе нашей планеты - нет необходимости вновь перечислять все конкретные случаи последних лет. Даже если бы и была достигнута какая-то дополнительная всемирная договоренность об отказе от применения силы, все равно трудно представить себе механизм соблюдения такого обязательства в условиях существования сообщества суверенных государств, а не наднациональной власти. По сути дела, ООН уже является определенным примером такого рода. Говорить в таких условиях о каком-то добровольном переходе всех стран к ненасильственному миру в лучшем случае необоснованно. До тех пор, пока существует сообщество суверенных государств, не связанное наднациональной властью, порядок в нем может поддерживаться только вполне определенными механизмами, опирающимися на принцип подчинения слабейших сильнейшим. Цивилизованная форма такого подчинения - это существование баланса сил между сильнейшими странами, сверхдержавами, и навязывание ими определенного порядка другим странам. Такой подход предполагает необходимость разумно воздерживаться от применения силы друг к другу, но совсем не по отношению к третьим странам. Можно себе представить, что бы случилось, если бы все сверхдержавы взяли на вооружение принцип оборонной достаточности, не вмешиваясь (если быть последовательным сторонником этого принципа) в развитие событий, например, в Персидском заливе. Можно предполагать, что Ирак-агрессор не возражал бы против этого. Видимо, в современных условиях можно говорить о принципе оборонной достаточности по отношению только к партнеру по балансу сил и одновременно о принципе активного реагирования и о

наступательной доктрине (а значит, и иметь силы оперативного реагирования) в отношении опасных для всего человечества ситуаций, возникающих в третьих странах. Агрессивная политика и наступательная доктрина - это, видимо, все-таки не одно и то же.

Примечательно, что в Совместной декларации двадцати двух государств, принятой в ноябре 1990 г., говорилось о следующем обязательстве ее сторон:

"Они обязуются сохранять лишь такой военный потенциал, который необходим для предотвращения войны и обеспечения эффективной обороны. Они будут учитывать взаимосвязь между военным потенциалом и доктринами."*72

Как мы видим, в этом авторитетном международном документе речь идет не об оборонной доктрине и не о разумной достаточности, а все-таки об уровне, необходимом для предотвращения войны.

17. Принцип неприменения силы

Насколько эффективным можно считать принцип неприменения силы в международных отношениях? Достаточно часто можно встретить рассуждения о том, сколь широкое признание приобрел этот принцип и какими путями можно способствовать его самому полному признанию и абсолютному соблюдению*73. Несомненно, что этот принцип надел достаточно отражение в международной практике, утверждается как общепризнанный принцип международного права и занимает абсолютно равное положение по сравнению с другими аналогичными принципами. Однако этот принцип отличается весьма специфическим содержанием, что позволяет говорить о нем в несколько особом ключе. Действительно, если обратиться к международной практике, то придется признать, что хотя все или почти все государства заявляют о необходимости соблюдения этого принципа, тем не менее это не избавляет от фактов применения силы вопреки ему. В протестах по поводу таких фактов делаются ссылки на данный принцип, что производит такой же эффект, как и призывы к совести (не следует толковать это наблюдение как умиленное роль международной морали). Автор, конечно, допускает здесь некоторую передержку и преувеличение. Совершенно несомненно, что утверждение указанного принципа играет определенную роль. Цель преувеличения - более контрастно показать ограниченный характер данного принципа. Ссылки на принцип неприменения силы могут играть существенную роль при установлении факта агрессии и принятии решения о применении санкций, в том числе и Советом Безопасности ООН. Однако если данный принцип не подрывает тем, против чего он направлен - силой, то возникает вопрос, в какой мере декларации и заявления о его поддержке соответствуют истинным намерениям государств, причем многих государств. Действительно, если бы этот принцип отражал реальное намерение государств не применять силу, то после того как он был признан в качестве принципа международного права, вполне резонно было бы ожидать, что этот принцип будут охотно соблюдать все члены международного сообщества. Нет нужды перечислять все факты применения силы в послевоенный период, чтобы прийти к выводу, что истинные намерения государств далеко не всегда совпадают с их декларациями. Направляется и вывод о характере этого принципа - он во многом декларативен, своему появлению обязан, по крайней мере частично, желанию приобрести определенные политические дивиденды либо любой ценой утвердить недостижимые утопические цели, а значит не является в полной мере продуктом реального соглашения. В такой

ситуации речь может скорее идти о мировом соглашении, об общем желании сделать любой ценой шаг к недостижимому таким методам идеалу. Во всяком случае призывы не применять силу вряд ли более эффективны, чем баланс сил, основанный на угрозе применения такой силы.

Конечно, ни одно государство, даже то, которое нередко прибегает к силе в интересах достижения своих целей, не возьмет на себя смелость публично отказаться от принципа неприменения силы. В этом нет и особой нужды - всегда можно сделать ссылку на исключительную ситуацию, на необходимость защищать жизненные интересы государства, обеспечить безопасность своих граждан и охрану их собственности, предпринять вынужденные ответные меры и т.д.

18. Зоны мира

При решении проблем обеспечения международной безопасности речь может идти не только о недопущении перерастания ограниченного вооруженного конфликта в глобальный, но и просто об ограничении такого конфликта определенными географическими рамками, как это имело, например, место в ходе англо-аргентинского конфликта из-за Фолклендских островов. Наверное, такие меры могут быть в определенной мере полезными. Нужно отметить, что Конвенция ООН по морскому праву предусматривает изъятие из театра войны определенных пространств (сухопутные территории нейтральных и неучаствующих в войне государств, их внутренние и территориальные воды, архипелажные воды нейтральных и неучаствующих в войне государств-архипелагов, экономические зоны и континентальный шельф нейтральных и неучаствующих в войне государств, пространства, нейтрализованные в силу специальных международных соглашений, международные реки и воздушное пространство над перечисленными районами*74).

Подобную же роль сдерживания вооруженного конфликта в определенных рамках играют, по мнению автора, и т.н. зоны мира. На первый взгляд может показаться, что это не так - ведь зоны мира объявляются как правило вне связи с возникновением или развитием вооруженного конфликта, а как бы в его предотвращение, а не сдерживание. Нужно, однако, учитывать, что процесс объявления зон мира не является независимым от того курса, который желает проводить в определенном регионе те или иные государства. Если они не заинтересованы в провозглашении зон мира, то будут этому препятствовать. Можно предполагать, что никакая зона мира не может быть объявлена таковой вопреки противодействию или хотя бы без согласия наиболее заинтересованных государств: Индийский океан без Индии*75, вг Тихого океана без основных государств этого региона, да и не только их*76, весь Тихий океан без США и Японии*77 и т.д.

В свете проблемы зон мира интересно рассмотреть и пример Антарктики. Казалось бы, именно сам по себе существующий демилитаризованный статус этого района препятствует возникновению здесь вооруженных конфликтов. Это, однако, не так - за Договором 1959г. стоят вполне определенные государства, а Договор лишь отражает их общее намерение сократить в этом районе возможность применения силы. К примеру, если бы участниками Договора были бы лишь некоторые и не столь влиятельные страны, не сверхдержавы, то вполне возможно, что Антарктика уже стала бы зоной некоторых конфликтов. Даже наличие Договора в существующем виде не является абсолютной гарантией. Так, во время англо-аргентинского конфликта

из-за Фолклендских островов объявленная Великобританией 200-мильная зона военных действий заходила южнее 60 градуса ю.ш., однако это не вызвало никаких протестов — участники Договора предпочли, видимо, этого как бы не замечать.

Следует учитывать и то, что если складывающаяся ситуация будет угрожать жизненным интересам определенных государств, то никакое давление мирового общественного мнения не удержит их от нарушения статуса зоны мира. Лишь в случае, если такие страны будут поддерживать выдвигаемую идею зоны мира и на период такой поддержки она будет существовать, создавая при этом в качестве вторичного эффекта определенное моральное давление ("мягкое принуждение") на другие государства, заставляя их также уважать ее статус. Наконец, однако, было бы ожидать, что постепенно зоны мира будут охватывать все большее и большее пространство Земли и в конечном итоге не оставят его для применения силы. Ни усилия по разоружению, ни усилия по объявлению все новых и новых зон мира не смогут сами по себе привести к искоренению угрозы войны. Сначала должны выработаться поддерживаемые всеми государствами концепции глобального устройства мира и обеспечения в нем безопасности, одновременно должны предприниматься меры по сокращению конкретных причин возникновения конфликтных ситуаций и налаживаться общепримлемые процедуры их мирного урегулирования, и уже как результат этого будет возрастать взаимное доверие и будут создаваться возможности для сокращения каких-то вооружений и объявления новых зон мира.

Нужно отметить, что в вопросах окружающей среды складывается сходное положение. Какие-то районы объявляются заповедниками (а определенные виды живых организмов охраняемыми) тогда, когда возникает реальная угроза их серьезного загрязнения (или уничтожения). В таком случае речь фактически идет не об ограничении какого-то заповедника узкими рамками, а об ограничении обширных и уже загрязненных других районов Земли, о недопущении перерастания такого загрязнения до масштабов всеобщей катастрофы. Создание зоны мира — это тоже по существу ограничение обширных пространств, в пределах которых можно скорее ожидать применения силы, и создание как бы островов, в пределах которых применение силы связано с более существенными политическими издержками. Таким образом, и в том, и в другом случае речь идет не об ограничении небольшого пространства, а об ограничении весьма обширных пространств, их некотором сужении за счет исключения небольших или относительно небольших участков, сдерживании происходящих в них процессов в рамках несколько более узких, чем глобальных.

Попутно можно отметить, что пока в морском праве еще не выработано окончательного понятия, что же такое "зона мира". Высказывается иногда мнение, что скорее всего это права и обязанности прибрежных государств и права и обязанности третьих стран.⁷⁸ Хотя такое определение является более чем широким. В этом же контексте необходимо также рассматривать и проблему использования определенных частей Мирового океана исключительно в мирных целях. Хотя подобное положение и включено в Конвенцию ООН по морскому праву, тем не менее по мнению многих юристов оно носит лишь декларативный характер, будучи сформулированным достаточно в общем плане и не накладывая никаких конкретных обязательств на участников Конвенции 1982 г.⁷⁹ Это вполне объяснимо — далеко не все государства готовы, даже хотя бы и в декларативной форме, слишком ограничивать себя в вопросе использования Мирового океана в военных целях.

- 1 Миллерсон Р.А. Роль и возможности международного права в создании ВСМЕ - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право. М., 1987 г., с. 14.
- 2 Блищенко И.П. Прецеденты в международном праве. М., 1977, с. 11.
- 3 Henkin L. Use of Force: Law and U.S. Policy. in: *Right v. Might. International Law and the Use of Force*. Council on Foreign Relations Press, New York, London, 1989, pp. 47-50.
- 4 Федоров В.Н. ООН - инструмент мира. СГП, No.10, 1985, с. 87.
- 5 Henkin L. How Nations Behave. Law and Foreign Policy. Columbia University Press. N.Y., 1979, p. 186-188.
- 6 Шнякорецкая Г.Г. - из выступления на VIII Международной конференции "Мир на морях", Москва, 26-30 июня 1989 г.
- 7 Ушаков Н.А. ВСМЕ и прогрессивное развитие международного права. - в кн.: Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право, М., 1987 г., с. 16.
- 8 Крылов Б. Суд в Гааге, или Как США пытаются уйти от ответственности. Известия, 1985 г., 18 октября.
- 9 Morgenthau H.J. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. N.Y., Alfred A. Knopf, 1950, pp. 346-349.
- 10 См. например: Осипцев Д., Турбин Э. Борьба СССР за совершенствование процесса урегулирования споров. М., 1983, с. 120-130.
- 11 Drel M.I. *The United Nations Convention on the Law of the Sea: New Trends in the Settlement of Disputes*. Soviet Yearbook of Maritime Law, Moscow, V/O "Mortekhinforareklama" 1989, pp. 17-26.
- 12 Ivanov G.G. *Settlement of Disputes under the United Nations Convention on the Law of the Sea//Legal and Economic Aspects of Regulating International Navigation*. Moscow, 1985, pp. 30-37. См. также статью 153, п.2(b) и статью 187(с) Конвенции 1982 г.
- 13 В этой связи представляет также несомненный интерес предложение об учреждении соответствующего международного судебного органа для решения проблем окружающей среды. Тинберген Я. Пересмотр международного правопорядка. М.: Прогресс, 1980, с. 207.
- 14 Чанг -из выступления на VIII Международной конференции "Мир на морях", Москва, 26-30 июня 1989 г.
- 15 Арчага Э.Х. де. Современное международное право. М. Прогресс, 1983. - с. 213.
- 16 В сущности, применение силы можно было бы попытаться формально запретить в любой период истории человечества. И до II мировой войны такие попытки также предпринимались (см., например: Brownly I. *International Law and the Use of Force by Nations*. Oxford, Clarendon Press, 1963, p. 66-111). Тем не менее, войны происходили, несмотря на формальные ограничения или запреты. Как представляется, и в период после создания ООН относительная ограниченность применения силы в международных отношениях происходит не столько в силу установленных запретов, сколько в силу объективно сложившейся международной обстановки.
- 17 Правда, 23 января 1990 г. Правда, 30 ноября 1990 г. Таким образом, средства предотвращения конфликтных ситуаций активно совершенствуются именно в Европе. Является ли, однако, именно этот регион наиболее вероятным местом возникновения ситуаций, чреватых применением силы?
- 18 Shearer I. *Rules of Engagement and the Implementation of the Law of National Warfare*. Syracuse Journal of International Law and Commerce, special issue, Vol.14, No.4, 1988, pp. 770-773.
- 19 Morgenthau H.J. *Op. cit.*, pp. 232.

- 19 Данная работа не претендует на абсолютную истину. Нужно упомянуть в этой связи мнение, что порядок в современном обществе поддерживается даже не более сложным, а новым, иным механизмом, чем баланс сил. См., например: "A New National Partnership," speech by Secretary of State Henry A. Kissinger at Los Angeles, January 24, 1975. News release, Department of State, Bureau of Public Affairs, Office of Media Services, p. 1. Brown L.R. *World Without Borders: The Interdependence of Nations* (New York: Foreign Policy Association, Headline Series, 1972. Справедливо все-таки отметить, что концепция баланса сил существует достаточно давно и все это время успешно использовалась для объяснения особенностей международных отношений. Подробнее см.: Brownly I. *Op. cit.*, pp. 10-18.
- 20 Система баланса сил определяется нередко как состояние, когда ни одно государство не может абсолютно доминировать и диктовать право другим. Vattel de E. *Droit des Gens*, bk III, ch. ii, section 47. X. Моргентгау определял баланс сил как четыре возможных состояния: 1. полнота, направленная на достижение определенных целей; 2. реальное положение вещей; 3. примерно равное распределение сил; 3. любое распределение сил. Morgenthau H.J. *Op. cit.*, p. 125, note 1.
- 21 Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. London, The Gresham Press, 1979, pp. 4-5.
- 22 Keohane R.O. and Nye J.S., *Power and Interdependence. World Politics in Transition*. Boston, Little, Brown & Co., 1977. p. 5.
- 23 Bull H. *Op. cit.*, pp. 24-27.
- 24 Bull H. *Op. cit.*, p. 77.
- 25 См., например: Hoffmann S. *Ethics and Rules of the Game Between the Superpowers* - in: *Right v. Might. International Law and the Use of Force*. N.Y., L., 1989. p. 74-75. См. также: Aron R. *Peace and War*. N.Y.: Doubleday, 1966. Morgenthau H.J. *Op. cit.*, pp. 125-166, 270-286.
- 26 Bull H. *Op. cit.*, p. 106-107.
- 27 Поддержание общего мира крайне важно, но в целях обеспечения общего порядка возможно ограниченное применение силы, то есть определенное нарушение мира.
- 28 Keohane R.O. and Nye J.S. *Op. cit.*, pp. 178-193.
- 29 Oppenheim L. *International Law*, 1st edn. (London: Longmans, 1905), vol. I, p. 73.
- 30 Gaddis J.L. *The Long Peace. International Security*, vol. 40, No. 4 (Spring 1988), p. 119.
- 31 Gray C. *Deterrence and Strategic Defense: A Positive View*, in: *Disarmament and Security*, 1987 Yearbook. Moscow, 1988, pp. 571-572.
- 32 Bull H. *Op. cit.*, p. 103. Morgenthau H.J. *Op. cit.*, pp. 146-149.
- 33 Там же, с. 271-272.
- 34 См., например: Hoffmann S. *Op. cit.*, p. 74-75. Этим же вопросам посвящены и другие работы: Aron R. *Op. cit.* Morgenthau H.J. *Op. cit.*
- 35 В советской литературе на эту тему как правило делался акцент только на возможность злоупотребления. См., например: Каренин А. *Философия политического насилия*, М., 1971 (особенно с. 17-31).
- 36 Address by Jeane J. Kirkpatrick, Proceedings of the Seventy-Eight Annual Meeting of the American Society of International Law, Washington, D.C., April 12-14, 1984 (The American Society of International Law, 1986), pp. 67-68. Kirkpatrick J.J. & Gerson A. *The Reagan Doctrine, Human Rights, and International Law* - in: *Right v. Might. International Law and the Use of Force*. N.Y., L., 1989, pp. 19-36. Доктрина Рейгана не сводится к одному этому тезису. Ее авторы подчеркивают и такой ее элемент, как допустимость поддержки в

- других странах, в том числе и с помощью силы, борьбы за демократию против репрессивных режимов.
- 37 Rogers W.D. The Principles of Force. The Force of Principles, in: Right v. Might. International Law and the Use of Force. Council on Foreign Relations Press, New York, London, 1989, pp. 104-105.
- 38 Scheffer D.J. Introduction: the Great Debate of the 1980s. in: Right v. Might. International Law and the Use of Force. Council on Foreign Relations Press, New York, London, 1989, pp. 3-13.
- 39 См., например: За мир и безопасность народов: Документы внешней политики СССР, 1986 г. В 2 кн. Кн. 2, М., "Политгиздат", 1988, с. 113. За мир и безопасность народов: Документы внешней политики СССР, 1986 г. В 2 кн. Кн. 1, М., "Политгиздат", 1989, с. 17-19, 103-104, 218-219, 282-284, 378-379, 431. За мир и безопасность народов: Документы внешней политики СССР, 1986 г. В 2 кн. Кн. 2, М., "Политгиздат", 1989, с. 347-349, 482-483.
- 40 Подробное этот вопрос освещает, например, Я. Броулли: Browaly I. Op. cit., p. 338-349.
- 41 Statement of April 14, 1986, in: Department of State Selected Documents, No.20 (Washington, D.C., 1986). Doc. UN GA 41/38, November 20, 1986. Greenwald C. International Law and the United States' Air Operation Against Libya - West Virginia Law Review, vol. 89 (1987). Intoccia G.F. American Bombing of Libya - Case Western Reserve Journal of International Law, vol.19, (1987).
- 42 Нужно признать, что в этой части Устав сформулирован довольно в абстрактной форме. Действительно, что такое "сила", "угроза", "политическая независимость"? А как точно понимать "самооборону"? Существует сколько угодно доктринальных толкований на этот счет, однако они далеко не всегда совпадают между собой и, конечно, не могут служить надежным основанием при принятии тех или иных решений.
- 43 Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, 1986 ICJ REP.14.
- 44 Резолюция ГА ООН 2625 от 24 октября 1970 г. и 3314 от 14 декабря 1974 г.
- 45 Henkin L. Use of Force... Op. cit., pp. 41-42, 56.
- 46 См. резолюция ГА ООН 38/7 от 2 ноября 1983 г., 34/22 от 14 ноября 1979 г., 35/6 от 22 октября 1980 г.
- 47 См. например, резолюция ГА ООН 2625 от 24 октября 1970 г.
- 48 Международная конвенция относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью 1969 г., Протокол о вмешательстве в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению веществами, иным чем нефть 1973 г.
- 49 Правда, 16 сентября 1990 г. В газете опубликовано сообщение о подрыве в Италии опоры линии электропередачи с целью воспрепятствовать выработке электроэнергии опасным для окружающей среды способом.
- 50 Rogers W.D. Op. cit., p. 100.
- 51 Там же, с. 379-381.
- 52 Henkin L. Use of Force... Op. cit., p. 65.
- 53 Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР, N 3, 28 июня 1989 г., с. 115.
- 54 Глобальные проблемы современности. - М.: Мысль, 1981, с. 61-64.
- 55 Hoffmann S. Op. cit., p. 83.
- 56 Morgenthau H.J. Op. cit., pp. 337-340.
- 57 Этот тезис совсем не нов. Еще в 40-е гг. Х.Моргентау указывал, что среди всех государств, пожалуй, лишь Советский Союз единственным искренне считает, что войну можно предотвратить с помощью разоружения. Насилье существует не в силу факта наличия оружия, а

- наоборот, оружие существует из-за желания применить силу. Morgenthau H.J. Op. cit., p. 327.
- 58 Материалы XVII Съезда КПСС, с. 85.
- 59 В этой связи показателем пример с Договором 1971 г. о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Так в марте 1969 г. СССР предложил полную демилитаризацию морского дна (в проекте), и развивавшиеся страны поддержали это предложение. Договор был принят, однако по инициативе многих специалистов в окончательном варианте он приобрел форму договора о недоразоружении, а не о демилитаризации, о разоружении. Ст. VII была исключена по настоянию неприсоединившихся и развивавшихся стран (пересмотр и обзор). Первая конференция по обзору была проведена в 1977 г., а вторая - в 1982 г. Число участников договора достигло лишь 73 (в частности, КНР и Франция не участвуют), т.е. в отношении договора существует проблема общего участия. Кроме того, развитие технологии позволяет, видимо, со временем нарушать его положения. В сентябре 1989 г. в Женеве была проведена III конференция по обзору. Хусейн М.А. (Husain M.A.) Выступление на XVII Международной конференции "Мир на морях". Москва, 26-30 июня 1989 г.
- 60 См.: Вступительная статья Тункина Г.И. к: Аречага Э.Х. де. Указ. соч., с. 12-13.
- 61 I.C.J. Reports, 1949, pp. 180, 182-183.
- 62 См., например: Стратегия спасения человечества: XVII съезд КПСС и борьба за мир. М., Политиздат, 1987.
- 63 Заявление Советского правительства. Правда, 19 декабря 1986 г.
- 64 То, что разоружение имеет какой-то смысл (но ограниченный!) лишь тогда, когда оно является всеобщим. Было понятию политически деятелями достаточно давно. Например, в 1816 г. Россия предложила Англии "одновременное сокращение вооруженных сил всех видов". Англия в ответ предложила провести международную конференцию, на которой все государства должны были определить взаимные размеры вооруженных сил. Конечно, и тогда не удалось осуществить это предложение.
- Morgenthau H.J. Op. cit., p. 311.
- 65 Макнамара Р. От ошибок к катастрофе: как выжить в первый ядерный век. М., "Прогресс", 1987, раздел "Горбачев: ликвидировать все ядерное оружие", с. 73. (McNamara R. Blundering into Disaster. Surviving the First Century of the Nuclear Age. N.Y., Pantheon Books, 1986).
- 66 Bull. H. Op. cit., pp. 234-238. К сожалению, история человечества представляла пока мало доказательств, опровергающих этот неприятный тезис.
- 67 League of Nations. Conference for the Reduction and Limitation of Armaments, Verbatim Records of Plenary Meetings, Vol. I, p. 82.
- 68 Правда, 27 сентября 1989 г.
- 69 См., например: Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Правда, 1986 г., 16 января.
- 70 Правда, 28 ноября 1986 г.
- 71 См.: Правда, 1990 г., 31 августа.
- 72 Правда, 1990 г., 20 ноября.
- 73 См., например: Brownly I. Op. cit.
- 74 Марков В.Д. Проблема ограничения районов вооруженных конфликтов в современном международном морском праве. Советский ежегодник морского права М., В/О "Мортехинформреклама", 1989 г., с. 9-20, сноска на с. 19.
- 75 Индия не принимала, например, участия в качестве полноправного члена в конференциях по сотрудничеству в области использования

Индийского океана, организованным Шри Ланкой.

76 Это касается, в частности, позиции США, Великобритании и Франции в отношении Договора о безъядерной зоне в южной части Тихого океана ("Договор Рапатоуга").

77 См., например, Заявление Советского правительства, Правда, 24 апреля 1986 г.

78 Векслер И.В. Зона мира и сотрудничества в Западной Атлантике. Выступление на XIII Международной конференции "Мир на морях". Москва, 26-30 июня 1989 г.

79 Такое мнение высказывалось, например, Молодцовым С.В., Романовым В.А., Дзиготой в выступлениях на XIII Международной конференции "Мир на морях". Москва, 26-30 июня 1989 г.

Владимир Николаевич Трофимов

Военная и экологическая безопасность.

Международное право и сила.

ИЭ №.401

Зав.редакцией В.И.Грушецкий
Редактор А.Н.Зеленцов
Корректор А.В.Полякова

Сдано в набор 3.01.91

Подписано в печать 8.01.91

Формат 60 x 84 1/16

Бумага офсетная

Печать офсетная

Усл.печ.л. 8.84

Уч.-изд.л. 12.09

Усл.кр.-отт.9.1

Тираж 500 экз.

Цена 10 руб.

Заказ 418

Издательство "Прометей" МПГУ им. В.И.Ленина
119048, Москва, ул. Усачева, 64.
Типография СПГУ-56 г. Чехов Моск. области.